

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА

- Лапин П.А.** Роль американского миссионерства в развитии образования в Китае в поздние годы династии Цин:
Вильям Мартин и пекинская Школа иностранных языков Тунвэньгуань (вт. пол. XIX – нач. XX вв.).....5
- Шестопад С.А.** Государственная политика Республики Корея в области школьного образования
в середине 1940-х – 1970-е гг.16
- Коршенко С.В.** Япония в обыденном сознании дальневосточников в 1938-1945 гг.22
- Наливайко О.А.** (вступительное слово, комментарии и перевод). Хаяси Радзан «Заметки повара».....30

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

- Игнатьева О.В.** Эволюция частного коллекционирования в русской дворянской усадьбе.....47
- Кораблин К.К.** К вопросу об использовании труда ссыльнокаторжных при освоении и заселении
Сибири и Дальнего Востока в XVI – начале XX вв.54
- Позняк Т.З.** Мотивация общественной деятельности населения дальневосточных городов
(вт. пол. XIX – нач. XX вв.).....69
- Сулейманов А.А.** Международные экологические инициативы в арктических районах Якутии в конце XX в.80

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОБЩЕСТВА

- Мурманцев В.С., Сошнина А.Г.** К вопросу о фундаментальных основаниях традиционных
социально-коммуникативных систем.....91
- Излученко Т.В.** Методология Кристофа Вульфа в исследовании исламского экстремизма в России
(на примере «Ат-Такфир Валь Хиджра»).....98

PHILOSOPHIA PERENNIS

- Докучаев И.И.** Модели и моделирование в системе конструирования сущего.....109
- Кожевников Н.Н., Данилова В.С.** Философское осмысление светского аскетизма.....114
- Кирсанова Л.И.** Заметки о постструктуралистском анализе кино.....120

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ф.Е. АЖИМОВ – доктор философских наук, профессор,
директор Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г.В. АЛЕКСЕЕВА	доктор искусствоведения, профессор кафедры изобразительного искусства Школы искусства, культуры и спорта Дальневосточного федерального университета
Н.Н. КРАДИН	член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, заведующий Центром политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук
М.Г. ЛЕБЕДЬКО	доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, заслуженный деятель науки РФ
А.В. ЛЫСОВА	доктор социологических наук, PhD, профессор Школы криминологии Университета Саймона Фрейзера (Simon Fraser University)
Б.И. ПРУЖИНИН	доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Вопросы философии»
Н.Е. ХАРЛАМЕНКОВА	доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии посттравматического стресса Института психологии Российской академии наук
Т.Г. ЩЕДРИНА	доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета
С.Е. ЯЧИН	доктор философских наук, профессор, директор Департамента философии и религиоведения Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, заслуженный работник высшей школы РФ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

К.С. ЕРЕМЕНКО – кандидат исторических наук,
доцент Департамента истории и археологии Школы гуманитарных наук

Компьютерная вёрстка Е.А. ПРУДКОГЛЯД

Полное или частичное воспроизведение материалов
допускается только с разрешения редакции.

Ссылка на журнал обязательна.

Полнотекстовые версии номеров с 2008 г.
размещены в сети Интернет по адресам:
ДВФУ: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/
РНЭБ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28209

Подписано в печать 27.03.2017.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 14,18. Уч.-изд. л. 14,49.
Тираж 500 экз. Заказ

Адрес редакции:
690950, Россия, г. Владивосток, ул. Суханова, 8.
Тел. (423) 245 77 48.
E-mail: gisdv@dvfu.ru

Отпечатано в типографии
Дальневосточного федерального университета
690950, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

HUMANITIES RESEARCH

in the Russian Far East

ISSN 1997-2857 (Print)
ISSN 2076-8575 (Online)

ACADEMIC JOURNAL

№ 1 (39) 2017

Sertificate
ПИ № ФС 77 32359
09.06.2008

TABLE OF CONTENTS

HISTORY AND CULTURE OF THE EAST

- Lapin P.A.** The role of American missionaries in the development of education in China in the late Qing period:
William Martin and the T'ong-Wen Kuan (late XIXth – early XXth century).....5
- Shestopal S.A.** State policy of the Republic of Korea in the field of school education in the middle
of the 1940s – 1970s.....16
- Korshenko S.V.** Commonplace image of Japan among the population of the Russian Far East, 1938-1945.....22
- Foreword, comments and translation by Nalivayko O.A.* Hayashi Razan «Hōchō shoroku».....30

HISTORY OF RUSSIAN REGIONS

- Ignatieva O.V.** Evolution of private collecting in Russian manor houses.....47
- Korablin K.K.** Towards the issue of the use of the convict labour in the economic development and settling
of Siberia and Russian Far East (the XVIIth – early XXth century).....54
- Poznyak T.Z.** Motivation for social activities of urban population of the Russian Far East
(late XIXth – early XXth century).....69
- Suleymanov A.A.** International environmental initiatives in the arctic regions of Yakutia in the late XXth century.....80

THEORETICAL DIMENSION OF SOCIETY

- Murmantsev V.S., Soshina A.G.** Towards the issue of fundamental basis of traditional
socio-communicative systems.....91
- Izluchenko T.V.** Methodology of Christoph Wulf in the study of Islamic extremism in Russia
(on the example of «Takfir wal Hijra»).....98

PHILOSOPHIA PERENNIS

- Dokuchaev I.I.** Constructing the existent: models and modelling.....109
- Kozhevnikov N.N., Danilova V.S.** Philosophical reflection on secular asceticism.....114
- Kirsanova L.I.** Notes on the post-structuralist analysis of cinema.....120

EDITOR-IN-CHIEF

F.E. AZHIMOV – Doctor of Sc. (Philosophy), professor,
Director of the School of Humanities, Far Eastern Federal University

EDITORIAL STAFF

G.V. ALEKSEEVA	Doctor of Sc. (Arts), Far Eastern Federal University
N.N. KRADIN	Doctor of Sc. (History), Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, corresponding member of Russian Academy of Sciences
M.G. LEBEDKO	Doctor of Sc. (Philology), Far Eastern Federal University
A.V. LYSOVA	Doctor of Sc. (Sociology), Ph.D., Simon Fraser University
B.I. PRUZHININ	Doctor of Sc. (Philosophy), Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
N.E. KHARLAMENKOVA	Doctor. Of Sc. (Psychology), Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences
T.G. SHCHEDRINA	Doctor of Sc. (Philosophy), Moscow State Pedagogical University
S.E. YACHIN	Doctor of Sc. (Philosophy), Far Eastern Federal University

EXECUTIVE SECRETARY

K.S. EREMENKO – Candidate of Sc. (History), associate professor,
School of Humanities, Far Eastern Federal University

Editorial office address:
8, Suhanova str., Vladivostok, Russia, 690950
Tel. (423) 245 77 48.
E-mail: gisdv@dvfu.ru

Website:
DVFU: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/
E-LIBRARY: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=28209>

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА

УДК: 371

П.А. Лапин*

РОЛЬ АМЕРИКАНСКОГО МИССИОНЕРСТВА В РАЗВИТИИ ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЕ В ПОЗДНИЕ ГОДЫ ДИНАСТИИ ЦИН: ВИЛЬЯМ МАРТИН И ПЕКИНСКАЯ ШКОЛА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ТУНВЭНЬГУАНЬ (вт. пол. XIX – нач. XX вв.)

Во второй половине XIX в. в Китае начала складываться новая система образования, целью которой была подготовка кадров в интересах реформ прозападного типа, проводившихся в Цинской империи. Важен в этой связи опыт пекинской Школы Тунвэньгуань – первого в государстве нового учебного заведения, где было организовано преподавание иностранных языков и ряда европейских точных наук.

С учетом специфики учебного заведения большое внимание уделялось набору преподавателей, наиболее ярким из которых был миссионер американской пресвитерианской церкви Вильям Мартин. Выдвинутые им инициативы способствовали усилению образовательного потенциала школы, укреплению ее позиций в среде китайской интеллигенции. Вместе с тем эти шаги предпринимались в условиях пока еще консервативного Китая, что накладывало свой отпечаток на процесс модернизации системы образования в китайской столице, в том числе в упомянутой школе.

Ключевые слова: образование, иностранные языки, Цинская империя, Школа Тунвэньгуань, миссионерство, Вильям Мартин, китайско-американские связи

The role of American missionaries in the development of education in China in the late Qing period: William Martin and the T'ong-Wen Kuan (late XIXth – early XXth century). PAVEL A. LAPIN (Embassy of Russia in Beijing, China)

In the second half of the XIX century China began to develop a new system of education aimed at training staff for the benefit of pro-Western reforms of Qing dynasty. In this regard, Beijing Foreign Languages School T'ong-wen Kuan presents an interesting example of the first state-owned educational institution to teach foreign languages and a number of European natural sciences.

Taking into account specifics of the educational institution, great attention was paid to the recruitment of teachers, the most impressive of which was a missionary of the American Presbyterian Church William Martin. His initiatives helped to develop the educational potential of the school and strengthen its position among the Chinese intellectuals. However, these steps were taken in the conditions of traditional China, which had its impact on the process of modernization of Chinese educational institutions including T'ong-wen Kuan School.

Keywords: education, foreign languages, Qing Empire, T'ong-wen Kuan, missionary, William Martin, Chinese-American ties

* ЛАПИН Павел Андреевич, кандидат исторических наук, руководитель группы гуманитарного сотрудничества и информации Посольства России в Китае.

E-mail: waijiao2000@mail.ru

© Лапин П.А., 2017

Во второй половине XIX в. иностранное миссионерство получило широкие права и привилегии по осуществлению в Китае религиозной деятельности. Весьма сильные позиции принадлежали протестантским служителям культа как «представителям наиболее динамично развивающихся государств» [20, с. 265]. Среди последователей этой христианской ветви особо выделялись выходцы из США¹. В течение столетия, с 1840-х гг. до 1940-х гг., они играли важную роль в культурно-образовательной, идейной и духовной жизни китайского общества, содействовали созданию современного по западным меркам государства.

Во второй половине XIX в. Цинская империя стояла перед выбором дальнейшего пути развития. Военные столкновения с иностранными державами в ходе двух "опиумных войн", следовавшая за ними серия неравноправных мирных договоров, налагавших на слабеющую восточную династию международные обязательства, постепенно вовлекали Китай в систему новых межгосударственных отношений колониального типа. Применявшиеся там в течение продолжительного периода времени традиционные формы государственного управления показывали свою неэффективность и требовали глубокого переосмысления. Долгая придворная борьба между прогрессивно настроенной частью цинской интеллигенции с консервативным крылом местного чиновничества привела в итоге к победе первых, что позволило уже в 1860-х гг. приступить к реализации первых реформ прозападного образца.

Протестантские миссионеры, служившие в Китае (первый американский миссионер Э. Бриджмен прибыл в Китай в 1830 г.), являлись людьми во многом просвещенными и высокоинтеллектуальными, некоторые из них кроме духовного образования также владели знаниями в рамках современных светских профессий, востребованных китайцами. После своего назначения в это восточное государство они успешно изучали местные языки (были такие, кто с целью ведения эффективной проповеди в первую очередь овладевали диалектами и только потом изучали нормативный китайский язык)². Этой категории иностранцев,

¹ Численность американских протестантов, служивших в Китайском государстве, росла довольно быстрыми темпами. Если в середине 1850-х гг. их насчитывалось всего 107 чел., то в 1920-х гг. – уже порядка 5 тыс. чел. [19, с. 179-180; 20, с. 265].

² Несмотря на хорошую подготовку миссионеров, результаты их пасторской деятельности были довольно скромными. В 1949 г., то есть через сто лет после начала работы первых протестантских священнослужителей в Китае, в этом государстве насчитывалось

таким образом, было под силу проникнуть в закрытое китайское общество, оказаться востребованными в условиях начавшихся в Цинской империи преобразований. «Вызов, который миссионеры бросали традиционной китайской структуре и ценностям, подчеркивая приоритет личности перед семьей, равенства перед иерархией ... , их самоотверженная работа в деле создания очагов модернизации, таких как университеты, школы, госпиталя, сельскохозяйственные станции, издание газет и журналов, их высокий моральный облик и социальные чаяния – все имело революционный эффект» [Цит. по: 20, с. 267].

Важен в этой связи вклад американских миссионеров-протестантов в модернизацию китайского образования. В связи с участвовавшими контактами с иностранцами и необходимостью подготовки своих дипломатов и переводчиков летом 1862 г. в китайской столице была открыта первая в государстве современная школа иностранных языков и точных наук – пекинская Школа Тунвэньгуань (кит.: 京师同文馆, *Цзинши тунвэньгуань*). Учебное заведение являлось структурным подразделением учрежденной годом ранее новой внешнеполитической структуры – Главноуправляющего ведомства по делам всех государств (кит.: 总理各国事物衙门, *Цзунли гэгэ шиу ямэнь*) [22, с. 41-42]. В первые годы работы школы туда принимались дети «восьмизнаменных служивых людей в возрасте 13-14 лет» [24, Т. I, Цз. 8, с. 432].

Первоначально было открыто отделение английского языка, где проходили обучение десять человек. В 1863 г. были учреждены отделения русского и французского языков [24, Т. II, Цз. 15, с. 656]. В 1871 г. начало функционировать отделение немецкого, а с 1897 г. – отделение японского языков [22, с. 52-53]. Кроме языковых направлений, в учебном заведении в 1867 г. появился класс астрономии, а в 1888 г. – класс математики [21, с. 18; 22, с. 48-50, 52]. Свою работу также вели отделения химии и медицины [25, с. 83].

Была разработана стабильная правовая база учебного заведения. В 1862 г. двор принял первый устав Тунвэньгуань, состоящий из шести статей, в 1885 г. – второй устав, который дополнил предыдущий инструктивный документ. Постоянно издавались целевые инструкции, регулирующие различные сферы деятельности этого учреждения

всего 2,7 млн. христиан, при этом протестантов было не более 500 тыс. человек. Становилось понятным, что «христианская церковь осталась экзотикой на китайской земле, только небольшая часть китайцев приняла христианство и еще меньшая поняла христианские догмы» [Цит. по: 20, с. 266].

[23, с. 27-29; 25, с. 231-232; 26, с. 88]. Школа была обеспечена штатом административных служащих³, имела стабильное финансирование⁴.

Были предусмотрены месячные, квартальные, годовые и выпускные экзамены [23, с. 33]⁵. Первоначально срок обучения составлял три года. Те, кто успешно сдавали выпускные экзамены, получали седьмой ранг, но на должность не назначались, а после успешной повторной сдачи получали должность старшего делопроизводителя (кит.: 主事, *чжуши*; начальная чиновничья должность в государственных ведомствах; сотрудники, служившие на этой позиции, занимались канцелярской работой, переводами, являлись писарями) [7, л. 3об].

Выпускники школы распределялись на переводческие и дипломатические должности, назначались на вакантные места на современных производствах и предприятиях, зачислялись на должности учителей в новых школах и училищах⁶.

³ Руководил ею главный управляющий сановник (кит.: 总管大臣, *цзунгуань дацэнь*) и его заместитель – специальный управляющий сановник (кит.: 专管大臣, *чжуаньгуань дацэнь*), конкретные функции выполняли два распорядителя (кит.: 提调, *тидяо*) и их два заместителя. Служащие на эти должности назначались из числа чиновников Главногоуправляющего ведомства по делам всех государств. Общее количество административных работников составляло 9-11 человек [16, с. 90].

⁴ Учебное заведение финансировалось в рамках средств, выделявшихся двором для организации деятельности Ведомства по делам всего государств. Поддержание школы, по всей видимости, считалось одним из приоритетных направлений работы ведомства: от 6,5 тыс. лянов серебра (11,26% от общего объема бюджета ведомства) – в 1866 г. до 23,7 тыс. лянов серебра в год (27,8%) – в 1887 г. [25, с. 83]. Основной денежной единицей в цинском Китае был серебряный лян. Один стандартный (или таможенный) лян весил 37,7 г. Серебро изготавливалось казенными литейными мастерскими в виде слитков юаньбао весом до 50 лянов; в ходу также были средние слитки (10 лянов) и мелкие (5 лянов).

⁵ Месячные экзамены проводились в первый день месяца по лунному календарю, квартальные – в первые дни второго, пятого, восьмого и одиннадцатого месяцев. Во время квартальных экзаменов месячные не проводились. Годовые экзамены организовывались до десятого дня десятого месяца [23, с. 33].

⁶ В поздние годы династии Цин и до 1918 г. среди 54 посланников китайского двора в зарубежных дипломатических представительствах 13 были выпускниками Тунвэньгуань. В 1891 г. впервые пост посланника цинского двора при иностранном правителе занял выпускник Тунвэньгуань (Ван Фэнцзао, занявший пост главы китайской дипломатической миссии в Японии) [2, с. 110]. Вообще, по данным «Доклада первой конфе-

Большое внимание уделялось комплектованию преподавательского состава. Приглашались китайские и иностранные наставники, однако с учетом специфики учебного заведения количество работавших иностранных специалистов зачастую превышало количество местных. Так, в период с 1862 по 1898 г. там преподавали 64 иностранца, в то время как китайцев было всего 44 [22, с. 71-72, 176-178]⁷.

Одним из таких приглашенных иностранных преподавателей был миссионер американской пресвитерианской церкви Вильям Мартин (William Alexander Parson Martin; кит. имя Дин Вэйлян (丁韪良), 1827-1916), проработавший в этом учебном заведении тридцать лет⁸. Священнослужитель

ренции выпускников Тунвэньгуань» (1916 г.), из 91 выпускника 40 были заняты на дипломатической службе, в военных ведомствах работали 27 человек, в области образования – 4. Порядка 20 выпускников были задействованы в развитии новых отраслей, в том числе железнодорожного транспорта [18, с. 81].

⁷ Иностранные наставники преподавали не только языки, хотя таких было большинство, но и другие предметы школьного курса – астрономию, химию, математику, медицину, международное право. Образовательный ценз некоторых из них был довольно высоким: восемь учителей имели докторскую степень, а трое магистерскую [13, с. 27]. Были, правда, и специалисты с весьма низким профессиональным уровнем: «В Тунвэньгуань преподавал один англичанин по имени Оливер – довольно резкий и зазнавшийся человек, который не только не обладал знаниями, наоборот, был почти безграмотным», – характеризовал иностранного наставника выпускник школы 1900 г. Ци Жушань [9, с. 156; 23, с. 46].

⁸ Вильям Мартин родился 10 апреля 1827 г. в США в местечке Ливония, штат Индиана, в семье священника пресвитерианской церкви. С малолетства Мартин посещал церковную школу, где в том числе изучал греческий язык и христианские канонические писания. В 1841 г. с целью продолжения обучения в высшей школе по решению отца семья переехала в Блумингтон, где Мартин и его брат Самуэль Ньюил (Samuel Newell) поступили в Университет штата Индиана. В течение четырех лет обучения «подготовленный к учению Мартин погрузился в математику, химию, начертательную геометрию, науки об электричестве и высоких температурах, оптику, астрономию и машиноведение – области знаний, которые он позже поможет открыть китайцам» [12, с. 12]. Учась в университете, Мартин по настоянию отца в 1846 г. был записан в Пресвитерианскую теологическую семинарию в Нью-Олбани, штат Индиана, где начал изучать различные религиозные дисциплины, в том числе имеющие отношение к миссионерской деятельности. В 1849 г. по линии Американской пресвитерианской церкви в статусе священнослужителя был командирован в Китай. В апреле 1850 г. прибыли в Гонконг, откуда перебрался

был принят в Тунвэньгуань в 1865 г. на вакантную должность преподавателя английского языка, образовавшуюся после ухода в отставку учителя английского отделения Дж. Фрайера (J. Fryer)⁹. Мартину было установлено весьма приличное по тем временам жалование¹⁰. В соответствии с внутренними инструкциями американцу категорически запрещалось вести проповедь среди учащихся, разучивать с ними канонические религиозные писания, что, естественно, сводило к минимуму его миссионерскую деятельность, от которой он не отказывался и с которой в том числе связывал свое нахождение в этом учебном заведении [3, с. 218].

В связи с преобразованием учебного плана и решением включить в перечень предметов школьного курса международное право и политэкономия, преподавание которых имелось в виду поручить

в Нинбо, провинция Чжэцзян, где с 1845 г. уже была открыта первая американская пресвитерианская церковь, на базе которой в 1850 г. была организована религиозная миссия и церковная школа. С целью ведения проповеди среди местного населения Мартин начал увлеченно изучать местный диалект и лишь по прошествии нескольких лет приступил к освоению нормативного китайского языка, который ему особенно пригодился в его будущей преподавательской деятельности (подробнее о жизни и деятельности В. Мартина до приезда в Китай и первых годах его миссионерской деятельности в этом государстве см.: [10, с. 185-191; 12, с. 11-25]). В 1863 г. при поддержке американских и английских дипломатов переехал в Пекин, где в том же году открыл отделение Американской пресвитерианской церкви [3, с. 196].

⁹ Американец пользовался поддержкой среди местного дипломатического корпуса, поэтому, когда Ведомство по делам всех государств обратилось к американскому посланнику в Пекине Э. Барлингейму (Anson Burlingame, кит. имя: Пу Аньчэн (浦安臣), 1820-1870) и советнику британского посольства Т.Ф. Вэйду (Thomas Francis Wade, кит. имя: Вэй Тома (威妥玛), 1818-1895) с просьбой рекомендовать нового преподавателя, оба дипломата высказались за Мартина.

¹⁰ Несмотря на то, что в соответствии с планом работы иностранных специалистов Мартин преподавал всего два часа в день, размер его жалования составлял 1 тыс. лянов серебра в год (по тогдашнему курсу – 1330 долл. США) с возможностью предварительного получения аванса за полгода. Это существенно превышало годовое жалование американца, которое он получал по линии командированной его в Китай Американской пресвитерианской церкви (700 лянов серебра) и даже было сопоставимо с объемом ассигнований, выделявшихся этой религиозной организацией на поддержание деятельности пекинского отделения пресвитерианской церкви в Китае (в 1863 г. Мартин направил запрос о выделении ему для организации работы представительства в 1864 г. 1454 долл. США) [3, с. 196].

Мартину, американец летом 1867 г. взял длительный учебный отпуск и выехал в США для совершенствования своих знаний в Йельском университете. Во время пребывания Мартина в Америке школа Тунвэньгуань начала постепенно погружаться в кризис. Учебное заведение, видимо, пока не пользовавшееся авторитетом среди местной интеллигенции, не могло привлечь талантливых абитуриентов и было вынуждено зачислять слабо подготовленных молодых людей, чтобы оправдать свое существование в принципе¹¹. По той же причине нарушались требования по возрастному цензу учащихся. Как писал в газету «North-China Herald» заменивший Мартина преподаватель английского языка М. Обрайн (M.J. O'Brien), для обучения на отделении астрономии прежде всего необходимо было овладеть английским языком, на котором потом шло преподавание технических дисциплин, однако «среди принятых учащихся лишь двоим было до 30 лет, возраст же остальных был от 35 до 50 лет, что вовсе не подходило для изучения иностранного языка. Ученики постоянно пропускают занятия, не обращают никакого внимания на важность изучения английского языка» [Цит. по: 3, с. 201].

Мартин вернулся в Пекин в сентябре 1869 г. По предложению главы китайской императорской морской таможни (Imperial Maritime Customs of China), англичанина Роберта Харта (Robert Hart; на службе в Китае – с 1863 г.), который по линии Ведомства по делам всех государств финансировал Тунвэньгуань, Мартин был рекомендован на высокую должность старшего преподавателя (кит.: 总教习, *цзун цзяоси*) этого учебного заведения. Перед зачислением Мартину было предложено сдать экзамен по математике, который он с легкостью преодолел, что «позволило им (китайским экзаменаторам. – прим. авт.) принять решение о том, что я (Мартин. – прим. авт.) подхожу на должность старшего преподавателя школы, где в основном ведется преподавание западных наук» [11, с. 199]. 26 ноября при участии чиновников Ведомства и американского посланника в Китае С. Вильямса (Samuel Wells Williams, по возвращении в США в 1877 г. был назначен на

¹¹ Скажем, в 1867 г. на новооткрывшиеся отделения астрономии и математики из 72 претендентов были зачислены 30 человек, после проведения через полгода очередного месячного экзамена стало понятно, что и набранные ученики не способны качественно изучать предметы курса. Был организован повторный экзамен, по результатам которого 20 учащихся были отчислены, а десять оставшихся поровну распределены на языковые отделения – английское и французское [1, с. 57].

должность профессора китайского языка и литературы в Йельском университете) была проведена пышная церемония вступления Мартина в должность [11, с. 199]¹².

Принимая предложение занять высокую преподавательскую должность в столичной школе, Мартин, надо думать, осознавал всю трудность своей будущей работы на этом посту. Еще будучи в США в 1868 г., он писал: «В этом государстве писания и каноны означают все, а наука – ничего. Люди окружают себя словами, но не делами» [12, с. 29]. Это и понятно, ведь в тот момент новое практическое образование только набирало ход, и его перспективы были пока еще не ясны, тогда как система государственных экзаменов «кэцзюй» (кит.: 科举), подвергавшаяся критике за свою архаичность и неприменимость с точки зрения прогрессистов, пока, тем не менее, была единственным и надежным способом комплектации государственного аппарата и ротации кадров.

Вскоре после назначения, 1 декабря 1869 г. Мартин направил в отделение зарубежных миссий пресвитерианской церкви США (Board of Foreign Missions of the Presbyterian Church in the United States of America) рапорт об увольнении со службы в пекинском отделении пресвитерианской миссии в Китае, правда, попросив сохранить за собой духовный сан и возможность ведения проповеди. Свое решение он обосновывал желанием экономии средств церкви, испытывавшей экономические трудности, в том числе вызванные гражданской войной в США. Имелись и принципиальные разногласия Мартина с некоторыми руководящими членами миссии по вопросам дальнейшего продвижения христианства и ведения проповеди в Китае (подробнее см.: [14, с. 174]).

В Тунвэньгуань американцу было поручено преподавание международного права (кит.: 公法, *Гунфа*), политики мировых держав (кит.: 富国策, *Фуго цэ*) и естествознания (кит.: 格物, *Гэу*) [14, с. 180]. Кроме учебных задач в рамках школы Мартин занимался различной организаторской работой, в том числе обеспечивал преподавание английского языка китайскому императору Гуансюй. Наставники для этих занятий назначались из чис-

¹² Как вспоминал сам Мартин, перед входом в Тунвэньгуань выстроилось порядка сорока учащихся, одетых в праздничные длинные платья и нарядные шапки. Атмосфера встречи Мартина была весьма торжественной. Мартин выступил с кратким обращением, а присутствовавший на церемонии распорядитель учебного заведения, глава первого китайского посольства по государствам Европы маньчжур Биньчунь написал в честь Мартина праздничное поздравление, поднесенное американцу в ходе мероприятия [11, с. 199].

ла хорошо знавших английский язык китайских дипломатов, но методику преподавания разрабатывал сам Мартин, он же наставлял их, как необходимо качественно вести обучение [11, с. 214]¹³.

Новый статус, давший Мартину большие возможности в том числе и административного характера, позволил ему приступить к модернизации учебного процесса. Получив выход на высокопоставленных чиновников Ведомства по делам всех государств, он добивался принятия различных решений в интересах организации образовательной деятельности в Тунвэньгуань. Усиливали позиции Мартина и наработанные годами контакты с находившимися во властных кругах Пекина иностранцами (в том числе с тем же Робертом Хартом, а также главами американской, английской и других дипломатических миссий)¹⁴.

Главная цель, которую ставил перед собой Мартин, заключалась в создании более авторитетного и многопрофильного учебного заведения, способного готовить выпускников по широкому спектру специальностей. Начались преобразования с включения в учебный план серии новых дисциплин и увеличения срока обучения. В 1876 г. американец разработал и внедрил два учебных плана, рассчитанных на восьмилетний и пятилетний периоды обучения (вместо применявшегося до этого одного трехлетнего). Первый план предусматривал интенсивное изучение в течение первых трех лет одного из иностранных языков, а в последующие пять лет – параллельно с языком

¹³ По заверениям Мартина, Гуансюй весьма ответственно и внимательно относился к занятиям по английскому языку. Никогда не отменял уроки и выполнял все указания своих наставников. Поначалу учителя не осмеливались исправлять своего уважаемого ученика, но постепенно ситуация выправилась, и они начали более свободно вести обучение. Помогало то, что император к тому моменту уже продолжительное время изучал маньчжурский и монгольский языки, поэтому к выполнению учебных задач, которые ставили перед ним преподаватели, относился с пониманием [11, с. 214].

¹⁴ Вообще, Мартин, занимая лишь должность старшего преподавателя, видимо, в интересах дела пытался среди других иностранцев позиционировать себя в качестве руководителя учебного учреждения, указав в английской версии своей визитной карточки, что является директором (President) Тунвэньгуань [4, с. 109]. Позиции Мартина, по всей видимости, были настолько сильны и действовал он среди иностранцев настолько уверенно, что ни у кого и не возникало мысли поставить под сомнение статус уважаемого человека. По крайней мере, в англоязычной исторической литературе того периода его уверенно называли первым президентом Тунвэньгуань [15, с. 65; 14, с. 174].

также ряда специальных дисциплин¹⁵. Второй же был рассчитан на изучение лишь точных наук, без иностранного языка. Использование новых учебных планов имело большое значение в контексте развития школьного образования в Китае¹⁶.

Расширение образовательных программ предполагало преобразование системы набора учащихся. Мартин выступил с инициативой увеличения количества принимаемых абитуриентов и повышения требований к их зачислению. В устав Тунвэньгуань от 1885 г. с подачи американца было заложено, что на всех отделениях должны обучаться 120 человек (первоначально их было 24) [23, с. 40], возрастной ценз был определен в пределах от 15 до 20 лет, при наборе учащихся предлагалось не ограничиваться только маньчжурами, но также вести набор среди молодых «образованных китайцев» [23, с. 40].¹⁷ Впослед-

¹⁵ На первом курсе ученики постигали иностранную азбуку и основы словообразования, на втором переходили к изучению основ грамматики и составлению предложений, на третьем им преподавалась география и история зарубежных государств, а также основы перевода, на четвертом ученики постигали основы математики и алгебры, практиковались в переводе официальной переписки, на пятом изучали основы естествознания, геометрию, тригонометрию и занимались переводами, на шестом велось преподавание механики, дифференциальных интегралов, навигационных расчетов и также перевода, на седьмом переходили к изучению химии, астрономии, международного права и практиковались в переводах, наконец, на последнем, восьмом, году обучения ученики продолжали заниматься астрономией, постигали географию металлов и материалов, изучали основы политики иностранных государств и продолжали оттачивать навыки перевода [23, с. 31-32].

¹⁶ Например, вскоре после внедрения восьмилетнего учебного курса в Тунвэньгуань, другое новое учебное заведение, также открытое американским миссионером Яном Эллином (Young John Allen) в 1881 г., – Шанхайская школа китайско-западного обучения (кит.: 上海中西书院, *Шанхай чжунси шуянь*), полностью переняло наработки Мартина и организовало свой образовательный процесс также в соответствии с восьмилетним учебным планом [3, с. 113].

¹⁷ Эта инициатива позволила привлечь значительное количество абитуриентов: в том же 1885 г. в общей сложности подали заявки на участие во вступительных экзаменах 394 человека, которые в течение четырех дней 11 месяца приняли участие в отборочных сессиях, по итогам которых в следующий тур прошли 150 абитуриентов. Для этой группы людей был организован дополнительный экзамен, который выдержали лишь 108 человек, в итоге зачисленных в школу [4, с. 110-111]. В 1888 г. в Тунвэньгуань были зачислены 125 человек – максимальное количество учащихся за всю историю существования учебного заведения [14, с. 178].

ствии именно китайские учащиеся составили основу ученического состава школы: в 1893 г. их было чуть больше половины, остальные были представителями «знамен» [14, с. 178].

По заверению старшего преподавателя, учащиеся демонстрировали в целом удовлетворительные результаты. Точные науки, особенно химия и естествознание, давались легче, а с иностранными языками приходилось сложнее, кстати именно поэтому учебным планом было предусмотрено изучение лишь одного иностранного языка [11, с. 212].

Происходило комплектование учебного заведения приглашенными иностранными преподавателями. В 1871 г. по рекомендации Мартина на должность учителя медицины и физиологии был приглашен миссионер Лондонского миссионерского общества в Пекине Дж. Даджен (J. Dudgeon), в 1877 г. из Мичиганского университета для чтения курса по астрономии им же был приглашен лектор М. Харрингтон (Mark Harrington) [2, с. 105; 14, с. 179].

Американский наставник старался включить в программу преподавания в школе лучшие американские и европейские теоретические разработки, знакомить учащихся с новыми зарубежными теориями и знаниями. И важным направлением работы здесь была организация качественного перевода иностранной учебной и научной литературы на китайский язык. Еще до назначения в Тунвэньгуань Мартин взялся за перевод работы известного американского юриста Генри Витона (Henry Wheaton, 1785-1848) «Элементы международного права» (англ.: *Elements of International Law*, кит.: 国际法原理, *Гоцзи фа юаньли*), изданной в США в 1836 г. [5, с. 6]. Часть книги была переведена Р. Хартом, в 1862 г. перевод продолжил Мартин (тогда находясь еще в Шанхае), который был им завершён в 1864 г. На издание китайское внешнеполитическое ведомство выделило 500 ляннов серебра, первый тираж составил 300 экземпляров [10, с. 191-192]. Издание получило название «Ваньго гунфа» (кит.: 万国公法, досл. с кит.: «Общее право десяти тысяч государств») [5, с. 6]. Пособие, после одобрения в Цзунли ямэне, было направлено во все центральные ведомства и морские порты, где велась торговля с иностранцами [12, с. 25].

После назначения Мартина на должность старшего преподавателя, его работа по переводу иностранных научных изданий продолжилась. Американец сформировал специальную группу переводчиков, в которую вошли преподаватели и лучшие учащиеся. Основное внимание Мар-

тин предлагал уделять переводу зарубежных научных трудов по международному праву, дипломатии, экономике, химии, естествознанию, географии, истории, законодательствам, изданным на английском и французском языках, анатомии, физиологии, фармацевтике. Инициатива была поддержана Ведомством по делам всех государств [2, с. 105]. За все время службы в Тунвэньгуань Мартин совместно с сотрудниками и учащимися школы перевел, отредактировал и издал 9 наименований книг¹⁸, всего же за время его пребывания в должности сотрудниками школы было переведено и подготовлено к изданию 24 (по другим данным – 26) вида иностранных научных трудов [4, с. 117-144; 18, с. 81]. Среди них – сочинения американских, французских и английских авторов по экономике, теории дипломатии, международному праву, политэкономии, математике, астрономии и физике [10, с. 192; 12, с. 29]. В 1874 г. Мартин направил доклад в Ведомство по делам всех государств, предложив разработать систему поощрений особо отличившихся переводчиков из числа учащихся и преподавателей [4, с. 114].

Мартин пытался создать во всех отношениях совершенное учебное заведение, поэтому много внимания уделялось модернизации его технических возможностей. В связи с изданием переводной научной литературы и учебных пособий для нужд школы Мартин организовал открытие при Тунвэньгуань типографии, где было установлено семь современных печатных станков со сменным графическим набором китайских иероглифов и букв на латинице [11, с. 199]. Выступая с позиций европейского образования, объединявшего теорию и практику, он в 1876 г. инициировал открытие первой химической лаборатории и научного музея, предлагал для учащихся, посещавших курс по медицине, организовать ознакомительную практику в лечебных учреждениях. В 1888 г. американец приступил к созда-

нию физической лаборатории и обсерватории¹⁹, где учащиеся могли бы отрабатывать на практике приобретенные в ходе занятий знания [12, с. 27; 13, с. 26]. Выступал за системное пополнение библиотеки Тунвэньгуань, которая в конце 1870-х гг. насчитывала более 4,5 тыс. изданий, 2,1 тыс. из которых были книги на иностранных языках и порядка 1 тыс. – на китайском, посвященные техническим наукам [8, л. 61].

Полезным для проведения реформ в стенах учебного заведения стала поездка Мартина в 1880-1882 гг. в Японию, США и государства Европы (Франция, Германия, Швеция, Италия) с целью изучения иностранного опыта по организации образования и преподавания²⁰. По итогам своего турне американец подготовил доклад «Разыскания о западных науках» (кит.: 西学考略, *Сисюэ каолюэ*), на базе которого в 1885 г. составил записку с десятью конкретными предложениями по дальнейшему совершенствованию образовательного процесса и вообще функционирования Тунвэньгуань²¹.

В 1895 г. Мартин ушел в отставку с поста старшего преподавателя Тунвэньгуань и уехал в США. Однако на этом его связь с китайским образованием не прервалась – уже через три года, в 1898 г.,

¹⁹ Китайский двор долгое время выступал против открытия при школе обсерватории, так как исторически сложилось, что следить за небесными телами, готовить с учетом полученных данных календари и делать соответствующие комментарии могли исключительно придворные астрономы. Идея следить за «движением неба» в научных целях долгое время не воспринималась и под предлогом отсутствия в Пекине, с точки зрения геомантии, подходящего места для возведения наблюдательной башни, Ведомство по делам всех государств в течение двадцати лет отказывало Мартину в обустройстве обсерватории [11, с. 209].

²⁰ Вообще, Мартина как педагога-новатора ценили не только в Пекине, но и в его родном государстве. Еще в 1870 г. в знак признания его заслуг на этом поприще он был удостоен высокого звания почетного доктора юриспруденции Нью-Йоркского университета [10, с. 193].

²¹ Эти пункты включали следующие положения: выделение или строительство нового здания для школы, дополнительный набор преподавателей по математике, открытие на базе школы хирургического лечебного отделения, увеличение срока обучения, организация стажировок учащихся и выпускников Тунвэньгуань в зарубежных учебных заведениях, расширение географии принимавшихся в школу абитуриентов с упором на зачисление выходцев из провинций Гуандун и Сычуань, совершенствование практики распределения выпускников, улучшение системы премирования иностранных преподавателей, расширение и улучшение материальной помощи учащимся [4, с. 116].

¹⁸ Видимо, вследствие занятости самостоятельно Мартин перевел и подготовил к изданию лишь два произведения – уже упоминавшиеся выше «Международное право» и учебник «Введение в естествознание» (кит.: 格物入门, *Гэу жумэнь*; англ.: *Natural Philosophy*) [4, с. 114; 14, с. 182]. Оба пособия были включены в список Комитета по учебной литературе для школ (School and Textbook Series Committee) Ассоциации протестантских священнослужителей, ведущих проповедь в Китае, в качестве рекомендованных учебных пособий. Главными требованиями к таким изданиям являлось «исключительная научность содержания» [2, с. 113].

он вновь прибыл в Пекин, где был назначен на должность старшего преподавателя в открывшемся в том же году Пекинском университете²². По примеру прошлого опыта Мартин и в этот раз среди иностранцев называл себя ректором этого учебного заведения. 23 сентября 1898 г. американская газета «New York Times» выпустила заметку «В Китае на должность ректора новооткрывающегося Пекинского университета назначен американец, доктор Мартин». В этой связи на следующий год Принстонский университет присвоил Мартину звание почетного доктора юриспруденции [10, с. 196].

В последующие несколько лет Мартин преподавал в Пекинском университете, в связи с внутрисоветскими перипетиями, приводившими к приостановке работы учебного заведения, возвращался в США. В 1902 г. новоназначенный ректор Чжан Байси, испытывавший недоверие к преподававшим в университете миссионерам, под предлогом сокращения финансирования вуза принял решение уволить всех иностранных специалистов, в том числе и Мартина, выплатив им жалование за восемнадцать месяцев вперед [10, с. 197]. После этого Мартин какое-то время преподавал в новой школе в Учане, после ее закрытия вновь вернулся в Пекин, где занялся проповеднической работой.

Вильям Мартин скончался в Пекине 17 декабря 1916 г. от болезни легких. Завершилась его служба на благо Китайского государства, продолжавшаяся 66 лет [10, с. 201].

Такова была деятельность Вильяма Мартина по организации нового образования в Тунвэньгуань, знакомства китайских подданных с западной научной мыслью и продвижению реформ цинского двора в области образования.

Общая оценка его работы на этом направлении, тем не менее, вряд ли может быть однозначной. Американец, занимая высокую учительскую должность, в течение нескольких десятков лет активно работал над преобразованием Тунвэньгуань, использовал свой опыт и богатые практические знания в целях превращения этого учебного заведения в сильный учебный центр по подготовке специалистов, владевших иностранными языками и базовыми знаниями в рамках европейских наук. Эти люди, занимая ответственные позиции на дипломатической, военной и гражданской

службе должны были содействовать дальнейшему включению Китайской империи в новую систему международных отношений, принесению в пока еще глубоко традиционное и консервативное китайское общество современных взглядов и идей.

Мартин пытался организовать работу Тунвэньгуань по западному образцу. Были разработаны две учебные программы (кстати, именно в этой школе впервые в истории школьного образования в Китае была апробирована практика применения многолетнего взаимосвязанного учебного плана), определены требования по приему учащихся, сформулированы параметры аттестации, разработаны принципы распределения выпускников. Большую часть учебной программы обеспечивали иностранные преподаватели, носители европейских знаний и языков. Учебную структуру дополняли музей, лаборатории, типография, обсерватория – подразделения, хоть и носившие вспомогательный характер, но дававшие ученику возможность апробировать получаемые им знания на практике, что в корне отличалось от подготовки в классических схоластических конфуцианских школах, повсеместно работавших в Китае.

Предпринятые усилия, тем не менее, не давали значительных результатов. Образовательный процесс нуждался в постоянной доработке, которая не проводилась. Составленные единожды Мартином учебные планы впоследствии не обновлялись, несмотря на явный прогресс в научных знаниях, теориях и технологиях в Европе и отчасти в самом Китае. Это обстоятельство отрицательно сказывалось на качестве преподавания. Как писал в конце 1890-х гг. учащийся школы Ци Жушань, «некоторые слушатели учили русский язык по 6-7 лет. Военный совет как-то решил провести экзамены, по итогам которых выяснялось, что ученики даже русскую азбуку не могут произнести на память. Чиновники [Военного совета] пришли в негодование, отправили в Главноуправляющее ведомство по делам всех государств письмо, подвергнув их критике» [17, с. 46].

Слабая подготовка в итоге ограничивала возможности выпускников Тунвэньгуань получить хорошее распределение. По самым общим подсчетам, школу за весь период ее работы окончили порядка 300 учащихся и лишь немногие из них работали по специальности и совсем единицы добились благодаря полученным знаниям успехов.

В целом же стоит сказать, что Вильям Мартин внес определенный вклад в модернизацию китайского столичного образования. Китайский двор разделял устремления американца, признавал его заслуги, предложив высокий профессорский пост

²² В 1902 г. школа Тунвэньгуань, которая к концу XIX в., похоже, уже перестала отвечать требованиям времени, на правах переводческого отделения (кит.: 翻译科, *фаньйи кэ*) была включена в состав этого университета [22, с. 58].

в Пекинском университете. Вместе с тем работа Мартина велась в условиях консервативного и пока еще слабо вовлеченного в международные дела Китая. Выдвинутые им инициативы по организации западного образования в Пекине неминуемо наталкивались на защитников веками существовавшей в Китайской империи системы государственных экзаменов «кэцзюй», составлявшей суть китайского образования и учености. Это обстоятельство неминуемо накладывало отпечаток на деятельность миссионера, но не способно было остановить запущенные в Китайском государстве реформы, в том числе в области образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван Айай. Цзинши тунвэньгуань ли дэ каоши (Экзамены в пекинской Школе иностранных языков Тунвэньгуань) // Каоши шихуа. 2008. № 11. С. 55-58.
2. Ван Вэйцзянь. Дин Вэйлян хэ цзинши тунвэньгуань (Вильям Мартин и пекинская Школа иностранных языков Тунвэньгуань) // Чжуншань дасюэ сюэбао. 1984. № 2. С. 100-117.
3. Ван Вэйцзянь. Дин Вэйлян хэ цзинши тунвэньгуань (Вильям Мартин и пекинская Школа иностранных языков Тунвэньгуань) // Чжунмэй гуаньси ши луьцун. Шанхай: Фудань дасюэ чубаньшэ, 1985. С. 194-229.
4. Ван Вэньбин. Дин Вэйлян юй чжунго (Вильям Мартин и Китай). Пекин: Вайюй цзяосюэ юй яньцзю чубаньшэ, 2008.
5. Вань го гунфа (Международное право). Перевод: В. Мартина. Пекин: Чжунго чжэнфа дасюэ чубаньшэ, 2003.
6. Varg, P., 1958. Missionaries, Chinese and diplomats. Princeton: Princeton University Press.
7. Государственная национальная библиотека КНР, зал древних актов. Тунвэньгуань чжанчэн цзи сюйцзэн тяокуань (Устав Школы иностранных языков Тунвэньгуань и дополнительные к нему статьи). Цз. 1. Пекин: издательство Тунвэньгуань, 1875-1908. Шифр хранения: гуцзи 47195.
8. Государственная национальная библиотека КНР, зал древних актов. Тунвэньгуань тимин лу, ди лю цы (Журнал пекинской Школы иностранных языков Тунвэньгуань, шестая серия). Цз. 1. Пекин: издательство Тунвэньгуань, 22-й год Гуансьюй (1896). Шифр хранения: гуцзи 11314.
9. Гу Вэйсин. Вань цин иньбой цзяосюэ яньцзю (Исследования преподавания английского языка в поздний период династии Цин). Сучжоу: Сучжоу дасюэ чубаньшэ, 2004.
10. Гу Чаншэн. Цун Малисюнь дао Сыгулэйдэн – лай хуа синьцзю чуаньцзюши (От [Роберта] Моррисона до [Джона Лейтона] Стюарта – миссионеры, прибывавшие в Китай для продвижения нового образования). Шанхай: Шанхай шуяюнь чубаньшэ, 2005.
11. Дин Вэйлян (W. Martin). Хуацзю и цзи: и вэй мэйго чуаньцзюши яньчжун дэ вань цин диго (Шестидесятилетние воспоминания: позднейшая империя в глазах одного американского миссионера). Перевод с английского: Шэнь Хун, Юнь Вэньцзе, Хао Тяньху. Гуйлинь: Гуанси шифаньдасюэ чубаньшэ, 2004.
12. Liu Kwang-Ching, 1966. Science and salvation in China: the life and work of W.A.P. Martin (1827-1916). In: American Missionaries in China. Papers from Harvard Seminars. Cambridge: Harvard University Press.
13. Лю Хуа. Луь цзинши тунвэньгуань дэ гаодэн цзююй синчжи (О сути высшего образования в пекинской Школе иностранных языков Тунвэньгуань) // Чжэцзян дасюэ сюэбао (жэньвэнь шэхуэй кэсюэ бань). 2004. № 1. С. 22-29.
14. Covell, R.R., 1978. W.A.P. Martin: pioneer of progress in China. Washington: Christian College Consortium.
15. Ping Wen Kou, 1915. The Chinese system of public education. New York: Columbia University.
16. Сы Хунчан. Ваньцин синь ши сюэтан дэ цзучжи цзягоу. Цун тунвэньгуань кань 19 шицзи чжун хоуци дэ синьши сюэтан (Структура новых учебных заведений в поздний период династии Цин. Новые учебные заведения середины–второй половины XIX в. с позиции Школы иностранных языков Тунвэньгуань) // Гоцзи цзююй синчжэн сюэюань сюэбао. 2006. № 11. С. 89-91.
17. Хао Пин. Бэйцзин дасюэ чуанбань шиши каоюань (К истокам истории образования Пекинского университета). Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 1998.
18. Хэ Дацзинь. Дин Вэйлян юй цзинши тунвэньгуань (Вильям Мартин и пекинская Школа иностранных языков Тунвэньгуань) // Бэйфан луьцун. 2005. № 4. С. 79-82.
19. Цзоу Миндэ. Мэйго чуаньцзюши юй тайпинго шици дэ мэйго дуй хуа чжэнцэ (Американские миссионеры и политика США в отношении Китая в период Тайпинского государства) // Чжунмэй гуаньси ши луьцун. Шанхай: Фудань дасюэ чубаньшэ, 1985. С. 167-193.
20. Цыганкова С.П. Американские миссионеры в Китае в первой половине XX в. // Американские исследования в Сибири. Материалы международной научной конференции «Американский и сибирский фронт» (4-6 октября 1996 г.). Вып. 2. Томск: издательство Томского государственного университета, 1997. С. 265-270.

21. Чжунго цзиньдай сюэчжи шиляо (Исторические материалы по системе образования в Китае в Новое время). Первое издание. Т. I. Шанхай: Хуадун шифань дасюэ чубаньшэ, 1983.

22. Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзыляо хуэйбянь. Янью юньдун шици цяоюй (Сборник материалов по истории образования в Китае в Новое время. Образование в период Движения «по освоению заморских дел»). Шанхай: Шанхай цзяоюй чубаньшэ, 2007.

23. Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзяосюэ цанькао цзыляо (Справочные материалы по преподаванию истории образования в Китае в Новое время). Т. I. Пекин: Жэньминь цзяоюй чубаньшэ, 1986.

24. Чоубань иу шимо, Тунчжи чао (Полное изложение сведений по ведению дел с варварами в правление Тунчжи). Т. I-II. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2008.

25. Чэнь Сяньян. Вань цин цзинши тунвэньгуань цзучжи яньцзю (Системное изучение позднецинской пекинской Школы иностранных языков Тунвэньгуань). Гуанчжоу: Гуанду гаодэн цзяоюй чубаньшэ, 2004.

26. Чэнь Сяньян. Цзинши тунвэньгуань дэ сюэшэн гуаньли (Управление учащимися в пекинской Школе иностранных языков Тунвэньгуань) // Гуанчжоу дасюэ сюэбао (шэхуэй кэсюэ бань). 2011. № 4. С. 87-91.

27. Schlesinger, A.M. jr., 1974. The missionary enterprise and theories of imperialism. In: Fairbanks, J. ed., 1974. The missionary enterprise in China and America. Cambridge: Harvard University Press.

REFERENCE

1. 王媛媛, 2008. 京师同文馆里的考试 [Examinations at Beijing School of Foreign Languages T'ong-wen Kuan] // 考试史话. 第11期, pp. 55-58. (in Chinese)

2. 王维俭, 1984. 丁韪良和京师同文馆 [William Martin and Beijing School of Foreign Languages T'ong-wen Kuan] // 中山大学学报. 第2期, pp. 100-117. (in Chinese)

3. 王维俭, 1985. 丁韪良和京师同文馆 [William Martin and Beijing School of Foreign Languages T'ong-wen Kuan] // 中美关系史论丛. 上海: 复旦大学出版社, pp. 194-229. (in Chinese)

4. 王文兵, 2008. 丁韪良与中国 [William Martin and China]. 北京: 外语教学与研究出版社. (in Chinese)

5. 万国公法, 2003. 丁韪良(译) [International law]. 北京: 中国政法大学出版社. (in Chinese)

6. Varg, P., 1958. Missionaries, Chinese and diplomats. Princeton: Princeton University Press.

7. 中国国家图书馆古籍馆. 同文馆章程及续增条款 [State National Library of China, hall of ancient

acts. The charter of School of Foreign Languages T'ong-wen Kuan and additional articles]. 1卷. 北京: 同文馆编. 清光绪年间(1875-1908). 索取号: 古籍 47195. (in Chinese)

8. 中国国家图书馆古籍馆. 同文馆题名录, 第六次 [State National Library of China, hall of ancient acts. Journal of the Beijing School of Foreign Languages T'ong-wen Kuan]. 1卷. 北京: 同文馆编. 清光绪22年(1896). 索取号: 古籍 11314. (in Chinese)

9. 顾卫星, 2004. 晚清英语教学研究 [Studies of teaching English in the late Qing Dynasty]. 苏州: 苏州大学出版社. (in Chinese)

10. 顾长声, 2005. 从马礼逊到司徒雷登 — 来华新教传教士 [From [Robert] Morrison to [John Leighton] Stuart – missionaries who came to China to promote new education]. 上海: 上海书店出版社. (in Chinese)

11. 丁韪良, 2004. 花甲忆记: 一位美国传教士眼中的晚清帝国 [A Cycle of Cathay or China, South and North with Personal Reminiscences by W.A.P. Martin, D. 'D.L.L.D.]. 沈弘, 恽文捷, 郝田虎译. 桂林: 广西师范大学出版社. (in Chinese)

12. Liu Kwang-Ching, 1966. Science and salvation in China: the life and work of W.A.P. Martin (1827-1916). In: American Missionaries in China. Papers from Harvard Seminars. Cambridge: Harvard University Press.

13. 刘华, 2004. 论京师同文馆的高等教育性质 [On the essence of higher education in Beijing School of Foreign Languages T'ong-wen Kuan] // 浙江大学学报 (人文社会科学版). 第1期, pp. 22-29. (in Chinese)

14. Covell, R.R., 1978. W.A.P. Martin: pioneer of progress in China. Washington: Christian College Consortium.

15. Ping Wen Kou, 1915. The Chinese system of public education. New York: Columbia University.

16. 司洪昌, 2006. 晚清新式学堂的组织架构 — 从同文馆看19世纪中后期的新式学堂 [The structure of new educational institutions in the late period of Qing Dynasty. New educational institutions of mid-XIXth century from the point of the School of Foreign Languages T'ong-wen Kuan] // 国家教育行政学院学报. 第11期, pp. 89-91. (in Chinese)

17. 浩平, 1998. 北京大学创办史实考源 [To the roots of the origin of Beijing University]. 北京: 北京大学出版社. (in Chinese)

18. 何大进, 2005. 丁韪良与京师同文馆 [William Martin and Beijing School of Foreign Languages T'ong-wen Kuan] // 北方论丛. 第4期, pp. 79-82. (in Chinese)

19. 邹明德, 1985. 美国传教士与太平天国时期的美国对华政策 [American missionaries and US

policy towards China during the Taiping state] // 中美关系史论丛. 上海: 复旦大学出版社, pp. 167-193. (in Chinese)

20. Tsigankova, S.P., 1997. Amerikanskie missionary v Kitae v pervoy polovine 20 veka [American missionaries in China in the first half of the XXth century]. In: Amerikanskie issledovaniya v Sibiri. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Amerikanskiy i sibirskiy frontier» (4-6 oktyabrya 1996 g.). Vyp. 2. Tomsk: izdatelstvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 265-270. (in Russ.)

21. 中国近代学制史料 [Historical materials on the education system in China in modern times]. 第一辑, 上册. 上海: 华东师范大学书版, 1983. (in Chinese)

22. 中国近代教育史资料汇编. 洋务运动时期教育 [Collection of materials on the history of education in China in modern times. Education during the Movement “to develop overseas affairs”]. 上海: 上海教育出版社, 2007. (in Chinese)

23. 中国近代教育史教学参考资料 [Reference materials on the teaching of the history of education in China in modern times]. 上册. 北京: 人民教育出版社, 1986. (in Chinese)

24. 筹办夷务始末, 同治朝 [A full account on dealing with barbarians in the reign of Tongzhi]. 1-2 册. 北京: 中华书局, 2008. (in Chinese)

25. 陈向阳, 2004. 晚清京师同文馆组织研究 [Systemic study of the Late Qing Beijing Foreign Language School T’ong-wen Kuan]. 广州: 广东高等教育出版社. (in Chinese)

26. 陈向阳, 2011. 京师同文馆的学生管理 // 广州大学学报(社会科学版) [Management of students at Beijing Foreign Languages School T’ong-wen Kuan]. 第4期, pp. 87-91. (in Chinese)

27. Schlesinger, A.M. jr., 1974. The missionary enterprise and theories of imperialism. In: Fairbanks, J. ed., 1974. The missionary enterprise in China and America. Cambridge: Harvard University Press.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В ОБЛАСТИ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СЕРЕДИНЕ 1940-х – 1970-е гг.

В статье рассматривается процесс формирования современной системы образования в Республике Корея во второй половине 1940-х – 1970-е гг., значительное влияние на который в первые годы существования Республики через Военную администрацию оказывали США. В 1940-е – 1950-е гг., при финансовом содействии США, была заложена основа государственного всеобщего начального образования, вместе с тем, в развитии среднего образования существенную роль играли частные школы. Изменения государственной политики в области школьного образования в 1960-е – 1970-е гг. с целью стандартизации образования для обеспечения экономики квалифицированными кадрами привели к усилению контроля как над государственными, так и над частными школами, и к их объединению в единую систему.

Ключевые слова: система образования, школьное образование, Республика Корея, реформа, модернизация, стандартизация образования

State policy of the Republic of Korea in the field of school education in the middle of the 1940s – 1970s. SOFYA A. SHESTOPAL (Far Eastern Federal University)

The article deals with the process of formation of the modern educational system in the Republic of Korea in the period from the second half of the 1940s until the 1970s, focusing on the changes of government's policy in this sphere. The author states that during the early years of the Republic the U.S. Military Government had a significant impact on Korean educational system that was seen as an important factor on Korea's way to a peaceful, democratic, anti-Communist society. In the 1940s and 1950s with the financial assistance of the United States, the foundations of state universal primary education were laid, though private schools still played an important role in the development of the secondary education. Changes in state educational policy in the 1960s and 1970s were taken in order to standardize school education to provide the economy with qualified work force that led to strengthening of control over both state and private schools and their integration into a single educational system.

Keywords: educational system, school education, Republic of Korea, reform, modernization, standardization of education

Являясь основой всей системы образования и обеспечивая преемственность культуры и традиций общества, школа обладает значительной консервативностью, что определяет особенности процесса модернизации школьного образования. Зачастую

изменения в школьной системе происходят вслед за значительными изменениями в политике и экономики той или иной страны, а не предвосхищают их.

Южная Корея показала поразительные изменения, пройдя путь от бедной страны до одной из

* ШЕСТОПАЛ Софья Андреевна, аспирант Департамента истории и археологии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: sonya_sh15@mail.ru

© Шестопал С.А., 2017

ведущих экономик мира. Многие корейцы говорят о значимой роли образования в процессе социально-экономических преобразований [12; 14], поэтому представляется важным проанализировать особенности формирования современной образовательной системы в Республике Корея в 1940-е – 1960-е гг. и выявить изменения в государственной политике в области школьного образования.

Для Кореи, как страны конфуцианского мира, характерна особая роль образования. Во времена династии Чосон (1392-1910) конфуцианство стало официальной государственной идеологией, что наложило свой отпечаток на социально-политическое развитие общества [3]. Высшим сословием являлось гражданское и военное чиновничество (*янбан*), которое получало свои привилегии через сдачу государственного экзамена (*квваго*) и получение должности. Формально простому народу (*янин*, *чунин*) разрешалось получать образование и сдавать государственный экзамен [4]. Однако сама система просвещения, заключающаяся в изучении китайской письменности и заучивании конфуцианских текстов и догматов, что требовало большого количества времени, делала образование элитарным [2, с. 173].

В эпоху Чосон система просвещения включала в себя достаточно широкую сеть как государственных (*хянгё*¹), так и частных школ (*содан*, *совон*) [4; 17]. Конфуцианские ученые на свои личные средства открывали частные школы – «содан», которые часто располагались прямо в доме учителя и куда принимали детей 7-8 лет не только из знатного сословия, но и из простого народа [6, с. 6]. С XVI в. начали появляться «совоны» – школы при конфуцианских храмах, где отправлялись поминальные обряды в честь того или иного конфуцианского деятеля. Их организовывали ученые-конфуцианцы для укрепления своих позиций в местных обществах. Изначально «совоны» конкурировали с государственными школами – «хянгё», но по мере того, как они завоевывали себе авторитет за счет лучших условий для получения образования, все больше детей местной знати поступало именно в них [6, с. 8].

Таким образом, следует отметить значительное участие корейской знати в вопросах просвещения и, как следствие, такую особенность корейской системы образования, как сосуществование на протяжении многих веков государственных и частных школ.

¹ Хянгё (*hyanggyo*, 향교) – школы, расположенные в столице и в административных центрах. В эти школы дети поступали с 15-16 лет, а обучение длилось 2-3 года.

После «открытия» Кореи, в конце XIX – начале XX вв. в стране была предпринята попытка модернизировать содержание обучения и методику преподавания: отказаться от старых норм заучивания конфуцианских догматов и перейти к изучению практических знаний. Примечательно, что важную роль в этом процессе играли представители иностранных держав [1, с. 59], особенно христианские миссионеры из Европы и США. Зачастую в иностранные школы принимали детей и из бедных семей, однако количество таких школ не позволяло охватить все население Кореи, а само государство не преследовало цели создать систему народного образования.

Вслед за аннексией Кореи Японской империей и установления протектората (1910-1945 гг.) в системе образования произошли большие изменения. Для японской администрации главной задачей была ассимиляция корейского населения и формирование интеллигенции, лояльной к японской власти. С этой целью создавалась новая система образования, которая основывалась на разделении и неравноправии японцев и корейцев. Устанавливалось раздельное обучение для корейского и японского населения колонии, в школах для корейцев вводилось изучение японского языка, истории, культуры, в то же время корейский язык часто оставался факультативным [7, с. 295].

Создавалась новая система школьного образования. Начальные школы для корейцев, обучение в которых длилось 4 года, назывались «обычными». Окончив начальную школу, кореец мог поступить или в производственную, или в старшую обычную школу, срок обучения в которых составлял 4 года. Производственные школы подразделялись на сельскохозяйственные, технические, коммерческие и промышленные и готовили рабочие кадры для некоторых модернизированных японцами отраслей экономики. Выпускники же старших обычных школ могли продолжить обучение в специальных школах, и в дальнейшем постараться получить высшее образование в метрополии или за границей [7, с. 294]. В 1924 г. в Корее был открыт императорский университет Кэйдзэ, вступительные экзамены и обучение в котором проводились на японском языке, что делало высшее образование доступным для ограниченного числа корейцев.

Японская власть не стремилась дать образование всему корейскому населению, а лишь немногим избранным, которые в дальнейшем сформировали бы класс лояльно настроенной к Японии интеллектуальной элиты. Так, к 1942 г. 40% корейских детей посещали начальные школы и не бо-

лее 5% выпускников начальных школ продолжали дальнейшее обучение [18, с. 15].

В то же время, именно японской администрацией были предприняты первые попытки создания государственной централизованной системы просвещения, основанной на преподавании практических наук.

Ограниченная экономическая модернизация, проводимая японской администрацией с целью развития отдельных отраслей промышленности, связанных с обеспечением японской армии, не затронула традиционной, сельскохозяйственной основы корейского общества. Японскими властями сдерживалось развитие политических предпосылок перехода к процессу модернизации корейского общества путем вытеснения наиболее активной и прогрессивной части общества за пределы страны и политикой ассимиляции интеллектуальной элиты внутри страны.

Таким образом, к моменту освобождения в 1945 г. полуфеодалная, экономически слабо-развитая Корея, которая оказалась не способна к самостоятельной социально-экономической и политической модернизации, была зажата между интересами СССР и США, и ее дальнейшее развитие во многом определялось влиянием внешнего фактора [8, с. 50-51].

Всесторонняя американская помощь Южной Корее в годы Корейской войны 1950-1953 гг. и в послевоенный период позволила сформировать на юге полуострова жизнеспособную экономическую и политическую систему. И американцы, и руководство Республики Корея были заинтересованы в построении стабильного, сильного и преуспевающего государства, способного противостоять натиску КНДР и предложить корейскому народу альтернативный путь развития [8, с. 53].

Система образования являлась важным компонентом американской идеи по созданию на Корейском полуострове мирного, демократического и антикоммунистического государства. Военная администрация США исходила из принципа, что создание системы демократического образования является фундаментом для формирования демократического общества, которое она стремилась создать в Южной Корее [17, с. 35].

10 сентября 1945 г. от имени главнокомандующего Военной администрацией США в Корее Джона Ходжа главным по делам образования был назначен капитан Локхард [5, с. 28]. Западные исследователи отмечают, что военная оккупация США была недостаточно подготовлена: руководящая команда не включала в свой состав говорящих по-корейски советников и имела слабые представ-

ления о культуре и традициях Кореи. В вопросах образования американцам оказывали помощь корейские советники, получившие высшее образование в Америке или Японии и разделявшие американские идеи [17, с. 37].

Период с 1945 по 1953 гг. считается переходным в становлении системы образования в Южной Корее. В первые годы после освобождения перед государством стояли острые проблемы: ликвидация безграмотности (в 1948 г. 53% населения в возрасте старше 13 лет было безграмотным); восстановление разрушенных войной и постройка новых школ (в некоторых городских школах, количество детей в классах превышало 100 человек); формирование современной образовательной системы; обеспечение населения всеобщим, доступным 6-летним начальным образованием [14, с. 156].

31 декабря 1949 г. был издан Основной закон об образовании, который во многом отражал американские взгляды на развитие системы образования. Вводилась новая образовательная система, сформированная по американскому образцу («6-3-3-4»: 6 лет начальной школы, 3 года средней школы или неполного среднего образования, 3 года старшей школы или полное среднее образование, и 4 года высшего образования). Также в законе отражалась идея равных возможностей в получении образования, а 6-летнее образование объявлялось обязательным, всеобщим и бесплатным, что было реализовано не сразу [14, с. 30-31].

Основной проблемой в решении вопросов образования была нехватка денежных средств. Существенную помощь оказывали иностранные фонды. Только через американское Агентство по реконструкции Кореи (UNKRA) было получено 100 млн. долларов на строительство школ, покупку учебников, обучение учителей. Отдельно шла помощь стройматериалами: цемент, стекло и т.д. [19, с. 16-17]

В то же время значительны были вложения самого населения. Исследования школ в 1946-1947 гг. показали, что 61,7% финансирования начальных школ шло от центрального правительства, а 38,3% – из ресурсов местного управления. Для средней школы эти показатели составляли 53,6% и 46,4% соответственно. В 1948 г. был опубликован ордонанс, вводивший налог на образование, по которому каждый школьный район финансировал свои школы самостоятельно [17, с. 39-40].

Можно сказать, что в это время руководство страны, взяв на себя минимальные обязательства, серьезно не занималось проблемами образования. До 1955 г. даже не существовало

государственного образовательного стандарта или каких-либо попыток систематизировать содержание школьного образования, т.е. учебники, учебные материалы, учебные программы не были стандартизированы и были бессистемны. Зачастую это были переводы японских или американских учебников [17, с. 113].

Незначительное внимание правительства к системе образования стало причиной развития сферы частного образования. В это время происходит значительный рост числа частных школ, особенно средних и старших. В середине 1940-х гг. доля государственных и частных школ составляла 73% и 27% соответственно, но с каждым годом удельный вес частных заведений возрастал, и в 1969 г. он достиг 45%, в них обучалось не менее половины всех учеников средней школы [9, с. 56].

Тем не менее, долгое время наблюдалась нехватка школ и учебных ресурсов. Только к 1965 г. почти 100% детей соответствующего возраста поступали в начальные школы [9, с. 54], что давало возможность говорить о введении всеобщего начального образования.

После военного переворота 1961 г. и приходу к власти генерала Пак Чон Хи, правительство взяло курс на строительство экспортоориентированной экономики, в первую очередь – создание тяжелой промышленности (химической, кораблестроительной и т.д.). Для этого были необходимы профессиональные рабочие кадры, поэтому главной задачей образования стало обеспечение экономики технически грамотной, профессиональной рабочей силой, и на первый план выходило создание доступного полного школьного образования.

Следует отметить, что все три части системы школьного образования четко отделены друг от друга. Школы трех ступеней находятся в разных зданиях и организационно никак не связаны друг с другом. Переход из начальной школы в среднюю, а из средней – в старшую среднюю являлся для школьников достаточно серьезным событием и испытанием, так как сопровождался вступительным экзаменом, который проводился каждой школой отдельно.

В конце 1950-х – 1960-е гг., несмотря на доступное всеобщее начальное образование, среднее образование было редкостью. С одной стороны, это объясняется нехваткой школ. Если с 1945 по 1955 гг. количество средних школ увеличилось в 5,5 раз (с 166 до 949), то в следующее десятилетие рост не превысил 30% (в 1965 г. насчитывалось 1208 средних школ) [10, с. 4-13]. С другой стороны, в период 1955-1963 гг. в Южной Корее отмечается значительный рост рожда-

емости, который в южнокорейской демографической науке получил название «baby boom» [9, с. 54]. Рост рождаемости повлиял на увеличение числа школьников. Но если количество учеников начальных школ с 1945 по 1965 гг. возросло с 1,4 млн. почти до 5 млн., то число учащихся средних школ в 1965 г. не превышало 800 тыс. человек, а старших – 450 тыс. [10, с. 4-13]. В 1956-1957 гг. только 44,8% выпускников начальных школ поступали в средние школы и 64,6 % выпускников средних школ продолжали обучение в старших средних школах [12, с. 13].

Таким образом, дети втягивались в изнурительный марафон по сдаче экзаменов в среднюю школу, так называемый «экзаменационный ад». В то же время уровень самих школ был разным, поэтому многие стремились поступать в лучшие школы (частные), в которых конкурс был очень высоким. Частные школы более свободно располагали своим учебным временем и планами, для лучшей подготовки к экзамену учителя часто жертвовали, на первый взгляд, ненужными предметами (искусство, музыка и проч.). Кроме того, школьники обращались к услугам частных репетиторов и внешкольных курсов, что могли себе позволить не все семьи [13, с. 4-5]. Таким образом, изначальные условия для поступления и обучения были неравны, и те, кто не мог продолжать образование, были в основном детьми из небогатых семей.

В это время правительство провело реформу (평준화정책²), нацеленную на отмену вступительного экзамена сначала в среднюю школу (1968 г.), а затем и в старшую (1974 г.) [15]. В ноябре 1968 г. законопроект о пересмотре Закона об образовании для отмены вступительных экзаменов для средней школы был принят Национальным собранием [16, с. 11]. В 1968 г. Министерство образования анонсировало детали программы, начинающийся в Сеуле в 1969 г. С 1970 г. она распространялась в других крупных городах, а в дальнейшем охватила всю страну [11, с. 4-5].

² От корейского 평준화하다 – выравнивать, уравнивать, стандартизировать; 정책 – политика. В англоязычной историографии употребляется термин «the School Equalization Policy», от англ. equal – равный, одинаковый. В отечественной историографии используется термин «политика стандартизации» (См.: [3; 5; 9]. Под ним понимается комплекс мер южнокорейского правительства, проводимых в 1960-е – 1970-е гг. с целью обеспечения школьников страны всеобщим, доступным, равным 9-летним образованием. В данный комплекс мер входила: отмена вступительного экзамена для средней и старшей школ; уравнивание школ (бедных и элитных, государственных и частных); стандартизация учебных планов.

Теперь ученики поступали в школы по месту жительства, независимо от того, была ли школа частной или государственной. Министерство образования решило распределять всех выпускников начальной школы с помощью лотерейной системы. Это позволило бы свести к минимуму разницу между бедными и элитными школами, т.к. частные школы также включались в эту систему. Административные районы были поделены на школьные, каждый ученик с помощью жребия выбирал в какую школу своего района он пойдет. Эта система сразу же вызвала нарекания, так как, во-первых, районы были неравномерными и зачастую школьникам приходилось ездить в школу на другой конец города. Во-вторых, не удалось полностью уравнивать элитные и обычные школы, если ученику выпадала элитная школы, ему приходилось перетягивать жребий, чтобы попасть в обычную школу, ведь обучение в элитной он не мог оплатить [17, с. 152-155].

Также руководство страны проводило политику стандартизации школьного образования. Частные школы в своих учебных планах и материалах, критериях найма учителей уравнивались с государственным и фактически становились частью государственной школьной системе. Одновременно правительство продолжало строительство новых средних и старших школ.

Во второй половине XX в., когда в Республике Корея происходили значительные перемены на пути построения современного общества, процесс формирования современной системы образования был осложнен многими факторами. С одной стороны, после японской оккупации в разрушенной Корейской войной стране просто не хватало финансовых и людских ресурсов для самостоятельной модернизации. С другой стороны, оказавшись под влиянием США, Южная Корея переняла многие американские идеи, которые легли в основу новой системы образования.

В середине 1940-х – 1950-е гг. главными задачами для страны в сфере образования являлись ликвидация безграмотности и введение всеобщего начального образования. Во многом решение данных задач происходило за счет вложения самого населения.

Коренное реформирование экономики в 1960-е – 1980-е гг. повлекло за собой серьезные изменения в сфере образования. Страна, в которой даже полное школьное образование было редкостью, остро нуждалась в квалифицированных рабочих кадрах. Для решения этой задачи авторитарное руководство страны прибегло к помощи частного сектора. Традиционное для Кореи

участие населения в вопросах образования проявляется в большом количестве частных школ. В 1960-е – 1970-е гг. правительство включило частные школы в государственную систему, благодаря чему завершился процесс формирования всеобщего, доступного 9-летнего школьного образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванова Л.В. Деятельность русской школы в Корее (1896-1904 гг.) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. №31. С. 59-65.
2. Корнеева И.В. Тема образования в литературе Кореи эпохи Чосон // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. №2. С. 171-176.
3. Ланьков А.Н. Корея: будни и праздники. М.: Международные отношения, 2000.
4. Ланьков А.Н. Школы старой Кореи // Восточный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lankov.oriental.ru/309.shtml>
5. Лим Э.Х. Тенденции развития общеобразовательной школы Республики Корея: 1945-2005 гг.: дис...канд. пед. наук. М., 2006.
6. Син Бёнчжу. «Совоны»: оплот конфуцианства и группировки «сарим» в эпоху Чосон // Кореана. 2015. Т. 11. №4. С.4-10.
7. Тертицкий Ф.К. Образовательная политика Японии в колониальной Кореи // Вестник РГГУ. 2012. №31. С. 290-302.
8. Толстокулаков И.А. Политическая модернизация в Республике Корея (1945-1987 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2005. № 2. С. 50-51.
9. Толстокулаков И.А., Пак Хису. Образование в общественно-политической системе государств Корейского полуострова. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2005.
10. Chong, T., 1968. Twenty years of Korean Education through Statistics. Korean Journal, August, pp. 4-13.
11. Kim, J.Ch., 1971. Impact and problems of the middle school non-examination admission policy. Korean Journal, May, pp. 4-7.
12. Kim, S.W. and Lee, J.H., 2002. The secondary school equalization policy in South Korea. Seoul: KDI School of Public Policy and Management.
13. Kim, T.J., 2004. Shadow education: school quality and demand for private tutoring in Korea. Seoul: KDI School of Public Policy and Management.
14. Lee, Ch.J., 2008. Education in the Republic of Korea. Approaches, achievements and current challenges. In: Fredriksen, B. and Tan, J.P. eds., 2008. An African exploration of the East Asian education experience. Washington: World Bank.

15. Lee, J.H., 2004. The school equalization policy of Korea: past failures and proposed measure for reform. *Korea Journal*, Vol. 1, pp. 221-234.

16. Lee, Y.D., 1974. Educational innovation in the Republic of Korea. Paris: The UNESCO Press.

17. Seth, M.J., 2002. Education fever: society, politics, and the pursuit of schooling in South Korea. Honolulu: University of Hawaii Press.

18. Sorensen, C.W., 1994. Education and success in contemporary South Korea. *Comparative Education Review*, Vol. 38, no. 1, pp. 10-35.

19. William, M., 1962. Foreign assistance to Korean education. *Korea Journal*, January, pp. 16-17.

REFERENCE

1. Ivanova, L.V., 2007. Deyatel'nost' russkoi shkoly v Koree (1896-1904 gg.) [Activities of Russian schools in Korea, 1896-1904], *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*, no. 31, pp. 59-65. (in Russ.)

2. Korneeva, I.V., 2008. Tema obrazovaniya v literature Korei epokhi Choson [The issue of education in the literature of Joseon Dynasty Korea], *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 2, pp. 171-176. (in Russ.)

3. Lan'kov, A.N., 2000. Koreya: budni i prazdniki [Korea: weekdays and holidays], Moskva: *Mezhdunarodnye otnosheniya*. (in Russ.)

4. Lan'kov, A.N. Shkoly staroi Korei [Schools of Old Korea], *Vostochnyi portal*. URL: <http://lankov.oriental.ru/309.shtml> (in Russ.)

5. Lim, E.Kh., 2006. Tendentsii razvitiya obshcheobrazovatel'noi shkoly Respubliki Koreya: 1945-2005 gg. [Trends of the development of comprehensive schools in the Republic of Korea], dissertatsiya kandidata pedagogicheskikh nauk. Moskva. (in Russ.)

6. Sin Benchzhu, 2015. «Sovony»: oplot konfutsianstva i grupirovki «sarim» v epokhu Choson [«Seowon»: stronghold of Confucianism and «sarim» grouping in Joseon era], *Koreana*, Vol. 11, no. 4, pp. 4-10. (in Russ.)

7. Tertitskii, F.K., 2012. Obrazovatel'naya politika Yaponii v kolonial'noi Koree [Educational policy of

Japan in colonial Korea], *Vestnik RGGU*, no. 31, pp. 290-302. (in Russ.)

8. Tolstokulakov, I.A., 2005. Politicheskaya modernizatsiya v Respublike Koreya (1945-1987 gg.) [Political modernization in the Republic of Korea, 1945-1987], *Vestnik DVO RAN*, no. 2, pp. 50-51. (in Russ.)

9. Tolstokulakov, I.A. and Pak Khisu, 2005. Obrazovanie v obshchestvenno-politicheskoi sisteme gosudarstv Koreiskogo poluostrova [Education in the socio-political system of the Korean Peninsula states]. Vladivostok: *Izd-vo Dal'nevostochnogo un-ta*. (in Russ.)

10. Chong, T., 1968. Twenty years of Korean Education through Statistics. *Korea Journal*, August, pp. 4-13.

11. Kim, J.Ch., 1971. Impact and problems of the middle school non-examination admission policy. *Korea Journal*, May, pp. 4-7.

12. Kim, S.W. and Lee, J.H., 2002. The secondary school equalization policy in South Korea. Seoul: KDI School of Public Policy and Management.

13. Kim, T.J., 2004. Shadow education: school quality and demand for private tutoring in Korea. Seoul: KDI School of Public Policy and Management.

14. Lee, Ch.J., 2008. Education in the Republic of Korea. Approaches, achievements and current challenges. In: Fredriksen, B. and Tan, J.P. eds., 2008. *An African exploration of the East Asian education experience*. Washington: World Bank.

15. Lee, J.H., 2004. The school equalization policy of Korea: past failures and proposed measure for reform. *Korea Journal*, Vol. 1, pp. 221-234.

16. Lee, Y.D., 1974. Educational innovation in the Republic of Korea. Paris: The UNESCO Press.

17. Seth, M.J., 2002. Education fever: society, politics, and the pursuit of schooling in South Korea. Honolulu: University of Hawaii Press.

18. Sorensen, C.W., 1994. Education and success in contemporary South Korea. *Comparative Education Review*, Vol. 38, no. 1, pp. 10-35.

19. William, M., 1962. Foreign assistance to Korean education. *Korea Journal*, January, pp.16-17.

ЯПОНИЯ В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ В 1938-1945 гг.

На основе документальных свидетельств и воспоминаний в статье на примере Японии рассматривается проблема эволюции «образа врага» в обыденном сознании жителей Дальнего Востока. Автор исследует стереотипные представления об островном соседе во время локальных конфликтов в конце 1930-х гг. и причины их эволюции в период «дальневосточного затишья» и советско-японской войны в 1945 г. Особое внимание уделено сравнению официальных и обыденных стереотипов, приведены мнения, впечатления о Японии и японцах в среде советских военнослужащих, пограничников, таможенников, тружеников тыла, а также представителей советской дипломатической миссии, находящейся в Японии накануне и в годы Второй мировой войны.

Ключевые слова: обыденное сознание, Япония, Дальний Восток, локальные конфликты, советско-японская война

Commonplace image of Japan among the population of the Russian Far East, 1938-1945. SERGEY V. KORSHENKO (Pushkin Leningrad State University)

Based on documentary evidence and memoirs, the article examines the issue of the evolution of “enemy image” in the minds of the citizens of the Russian Far East, focusing on the case of Japan. The author investigates stereotyped ideas about the Asian country during local conflicts of the late 1930s and the reasons for their change during the “Far Eastern calm” and the Soviet-Japanese war of 1945. Special attention is paid to the comparison of official and commonplace stereotypes, opinions, impressions of Japan and the Japanese among Soviet servicemen, frontier guards, customs officers, workers and the representatives of the Soviet diplomatic mission in Japan on the eve and during the Second World War.

Keywords: commonplace image, Japan, Russian Far East, local conflicts, Soviet-Japanese War

После событий русско-японской войны и дальневосточной интервенции в советском официальном сознании сформировался устойчивый образ Японии как врага Советского Союза. Ряд факторов способствовал тому, что на страницах советских газет в конце 1930-х гг. нельзя было найти ни одной положительной статьи, напрямую или косвенно посвященной Японии: во-первых, открытая агрессия против Китая, выход Японии из Лиги Наций, заключение Антикоминтерновского пакта

ухудшили отношения Японии с СССР на внешнеполитической арене; во-вторых, постоянные провокации на советско-китайской границе со стороны Японии привели в состояние мобилизационной готовности не только жителей Дальнего Востока, но и всего Советского Союза; в-третьих, история взаимоотношений двух стран по итогам первой четверти XX в. позволила сформировать в советском официальном сознании не образ «страны чайных домиков и девушек-мусумэ» [8] – стере-

* КОРШЕНКО Сергей Вадимович, аспирант кафедры истории Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина.

E-mail: skorshienko@mail.ru

© Коршенко С.В., 2017

отипов о Японии, известных в дореволюционной России, – а образ страны с «подлыми, коварными самураями», «страны-оккупанта», «страны-агрессора». Обыденное сознание дальневосточников мало чем отличалось от официального в эти годы, поскольку доминанта массовых настроений в отношении Японии оставалась неизменной. Однако даже в годы войны в советском обыденном сознании можно было обнаружить содержательные идеи, мнения, эмоции, которые носили несущественный, случайный характер, а в ряде случаев даже противоречивый по отношению к официальному сознанию [9, с. 184].

Изучением обыденного сознания преимущественно стали заниматься в 1990-е гг. В монографии «Дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны» [16] профессор Г.А. Ткачева исследует отношение жителей Приморья к островному соседу в годы войны, их тревоги, переживания и обращения в связи с постоянными провокациями японцев на границе с Приморьем. Г.А. Ткачева анализирует различные формы поведения людей в изменяющихся условиях, формулирует доминанту общественных настроений, господствовавших в указанный период в советском Приморье. «Образ врага» в обыденном сознании советских военнослужащих детально исследован в монографии профессора Е.С. Сенявской «Психология войны в XX веке. Исторический опыт России» [11]. Автор работы предлагает хронологическую последовательность советско-японского противостояния с учетом изменения динамики настроений населения и механизмов пропаганды и агитации. В совместной работе профессора Н.Д. Козлова и М.М. Довжинец «Официальное и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны» [4], исследуя моральный фактор и духовный потенциал советского народа в победе над фашистской Германией, приходят к выводу, что «образ врага» позволял держать советское население в состоянии мобилизационной готовности, подавлял вспышки инакомыслия и предательства, на него списывали просчеты в экономике и политике, допущенные руководством.

События на Хасане и Халкин-Голе дальневосточным населением были повсеместно осуждены, боевые действия на границе встретили одобрением, ведь у многих в годы интервенции от рук японцев погибли родные и близкие [12, с. 199-201]. Просьбы о добровольном зачислении дальневосточников в ряды Красной Армии удовлетворялись. «Я обещаю, – писал токарь

Алексей Крушинский, – освоив отлично свое оружие, так же крушить врага, если он повторит попытку, как крушили его славные бойцы у озера Хасан» [3, с. 129]. Раненные во время боев красноармейцы писали на фронт: «Дорогие товарищи, комсомольцы, находясь на защите советских границ у озера Хасан, 6 августа во время боя были ранены и потому были вынуждены выйти из строя... Скоро мы снова встанем в свои ряды защитников прекрасной родины от нападения фашистских самураев. Порукой этому наше комсомольское слово» (Государственный архив Приморского края, далее – ГАПК. Ф. П-85. Оп. 1. Д. 279. Л. 87). В июле 1938 г. военный отдел Дальневосточного краевого комитета ВЛКСМ отчитался о проделанной работе в связи с «японской интервенцией» на границе с Приморьем: был разработан план мобилизационной готовности КСМ Организации, составлен маршрут оповещения, установлено круглосуточное дежурство на объектах, выделена группа агитаторов для проведения митингов и налаживания массово-политической работы среди населения (ГАПК. Ф. П-89. Оп. 2. Д. 64. Л. 22).

В советских газетах 1938-1939 гг. появляются статьи о социально-экономическом положении и политической обстановке в Японии, публикуются материалы о военно-промышленном потенциале страны. В те годы официальная советская пропаганда переосмыслила «образ врага», проведя грань между «японской военщиной», японскими военнослужащими и основной массой японского населения. Если в официальных средствах массовой информации действия японских правительственных кругов подвергались самой жесткой критике, то отношение к японскому народу во многом было снисходительным, доброжелательным [17]. Основой для формирования представлений о японцах в массовом сознании зачастую служили частные наблюдения или уже «отработанные» стереотипы. Из воспоминаний представителя советской дипломатической миссии в Японии М.И. Иванова, побывавшего в конце 1930-х гг. в местечке Каруйдзава: «Верные своим обычаям, японцы рано поднимались, в течение дня куда-то спешили, над чем-то хлопотали и только с наступлением вечерней темноты успокаивались. Мы поражались неутомимой энергии трудовых жителей городка... Что касается господ, они также не любили по-обломовски долго нежиться в постели... совершали предписанный врачами моцион и занимались приятными для них делами...» [2, с. 176].

Образ японского военнослужащего в сознании дальневосточников в 1938 – 1939 гг. носил

собираемый характер Многие красноармейцы отмечали фанатическое упорное сопротивление японских солдат, которые в безвыходных ситуациях не останавливались перед «харакири». Особо выделяли хорошую подготовку японцев в ближнем бою и отсутствие у них перебежчиков [1, с. 173]. Устоявшиеся стереотипы о японских военных дополнялись личными наблюдениями, переживаниями советских солдат, воевавших на Хасане и Халкин-Голе. Так, в частности, радист Григорьев В.В. писал, что незадолго до Хасанских событий японцы попытались отравить весь гарнизон его авиабригады, заложив мышьяк в котлы столовой рядового и младшего состава, но из-за слабой дозы отравы все обошлось сильным расстройством желудков (ГАПК. Ф. П-3135. Оп. 3. Д. 207. Л. 2). Еще в 1934 г. японцы предприняли попытку по заражению водоемов таких больших рек, как Суйфун, Сунгари и Амур, сбрасывая в реки трупы тифозных мертвецов (ГАПК. Ф. П-3135. Оп. 3. Д. 192. Л. 1). Подобные диверсии со стороны японских военных в 1938 г. были не редкостью, проводились регулярно вдоль всей советско-китайской границы (ГАПК. Ф. П-85. Оп. 1. Д. 210. Л. 72), а потому способствовали расширению о них соответствующих представлений. В различных материалах, посвященных Японии, и японские «заказчики», и их «исполнители» называются «провокаторами», «бандитами» и «гадами» [14].

После событий на реке Халкин-Гол внимание советских средств массовой информации полностью сфокусировалось на действиях фашистской Германии и ее союзников в Европе, за исключением мероприятий, связанных с подписанием Пакта о нейтралитете (13 апреля 1941 г.). Договор освобождал Советский Союз от войны на два фронта в грядущей войне, а Японии позволил продолжить создание «зоны совместного сотрудничества в Азии»¹. В условиях начавшегося «дальневосточного затишья», в период отсутствия прямых боевых столкновений с японцами «образ врага» эволюционировал в обыденном сознании дальневосточников. Так, с началом Великой Отечественной войны Правительство СССР сменило агитационную направленность советских СМИ, которые с этого момента акцентировали свое внимание на информационной борьбе с фашистской Германией. На уровне же обыденного сознания восприятие Японии зависело только от географического соседства с ней и конкретных событий и обстоятельств, таких как постоянные провокации со стороны островного соседа на советско-китай-

ской границе, а также продолжающаяся торговля между двумя странами в районах таможенных постов СССР.

По мнению некоторых современников тех лет, победа Красной армии на Хасане и Халкин-Голе в период «дальневосточного затишья» разбудила т.н. «шапкозакидательские настроения» в рядах советских военнослужащих, Япония уже не воспринималась как серьезный враг. Из воспоминаний журналиста А.М. Кривеля: «Настроение у всех боевое. «Наконец-то, – говорят мои товарищи, – мы эту Квантунскую армию разнесем на куски!». Шапкозакидательство? Может быть. Надо поостеречься от такого отношения, война не будет легкой. С японцами, как учит история, шутить не приходится» [7, с. 63]. Хотя в период с 1941 по 1945 гг. советское руководство 80 раз выступало с заявлениями и предупреждениями по поводу японских провокаций (См.: [11]).

В тот же период между двумя странами продолжались торговые отношения, из Японии на территорию советского Дальнего Востока поставляли различные товары, среди которых, химпродукты, горючие материалы, прозодежда, продукты питания, посуда, канцелярские принадлежности, лесоматериалы, сети-снасти, медикаменты и т.п. (ГАПК. Ф. 149. Оп. 8. Д. 17. Л. 40). Согласно отчетам о работе таможенных постов по Приморью во время досмотра японских судов конфликтов с островными соседями преимущественно не возникало. Отсутствовали случаи завоза зараженных грузов и товаров без карантинных сертификатов. Советскими таможенниками отмечалось предъявление японцами всей необходимой документации по первому требованию, а также регистрация товаров не выше положенных норм (ГАПК. Ф. 149. Оп. 8. Д. 19. Л. 1-47. Л. 3-4, 6-6об, 9, 14-15, 17, 19-21, 29-29об, 33об).

Однако случаи различных нарушений советского таможенного законодательства со стороны японцев все же имели место. Так, на одном из участков Колпаковского таможенного поста зимой 1940-1941 гг. был обнаружен контрабандный груз – цианистый калий в количестве 2,5 кг, досмотр которого японцы всячески пытались затруднить. В связи с тем, что в грузовых списках за 1940 г. цианистый калий не значился, было принято решение о его конфискации и наложении штрафа на доверенное лицо на сумму 150 рублей (ГАПК. Ф. 149. Оп. 8. Д. 17. Л. 41). На Кировском таможенном посту в 1942 г. был выявлен случай завоза неучтенных медикаментов, а также медицинских препаратов сверхгрузового списка, вывез-

¹ Подробнее об этом см.: [5; 11; 13].

зенных назад в Японию в течение месяца (ГАПК. Ф. 149. Оп. 8. Д. 18. Л. 36). Ситуация оставалась таковой и в пограничных водах Охотского моря, в частности, на Камчатке, где отмечалось сравнительное отсутствие напряженности между советскими таможенниками и японцами в 1944 г. Однако летом того же года на одном из участков Кошегочинского поста был зафиксирован случай задержания контрабанды – медикаментов, чьи наименования не соответствовали предъявленным грузовым спискам. Советские таможенники конфисковали ящик, а на арендатора наложили штраф в размере 500 рублей (ГАПК. Ф. 149. Оп. 8. Д. 19. Л. 19-21).

О реальной эскалации конфликта со стороны Японии в период «дальневосточного затишья» свидетельствовали случаи несанкционированного ареста некоторых советских торговых судов в водах Японского моря. Если в условиях военного времени торговля с Японией периодически вела к переосмыслению стереотипов о ней, то случаи с советскими пароходами «Ванцетти» и «Ангарстрой» способствовали дополнению уже известных представлений об островном соседе в обыденном сознании дальневосточников.

Согласно политдонесению помполита Кравчука 20 апреля 1942 г. в районе 70 миль от пролива Осуми пароход «Ванцетти», осуществлявший рейс Владивосток – Петропавловск на Камчатке, посетили два японских разведчика, обстреляв судно по носу двумя пулеметными очередями. Появившиеся через некоторое время два японских самолета сбросили вымпел с просьбой остановиться. Подошедший в скорости японский военный сторожевик потребовал следовать за ним в порт, а в случае отказа грозил открыть артиллерийский огонь. Встав на якорь на внешнем рейде порта Кусимото-ко 21 апреля 1942 г., после длительных переговоров капитан советского судна накормил «приторно-вежливых» и «ехидно-веселых» японцев, что в последующем, по общему мнению команды, благотворно отразилось на дальнейших переговорах. Снявшись с якоря и войдя в бухту, японцы чуть было не посадили пароход на камни, при этом, как отмечается в политдонесении, желание посадить на мель советское судно можно было назвать преднамеренным. В порту Кусимото-ко команде судна «Ванцетти» был «торжественно» зачитан меморандум, согласно которому японская сторона могла проводить досмотр грузов и обследование судна в течение «томительных» 8 дней. Спустя чуть больше недели пароход «Ванцетти» взял курс на Петропавловск. Что побудило японские

ВМС арестовать советское судно в нейтральных водах, так и осталось неизвестным (ГАПК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 47. Л. 32-35).

Во втором случае, свидетельствовавшем о реальной эскалации конфликта, показателен пример с советским пароходом «Ангарстрой», потопленным японцами через некоторое время после ареста. 19 апреля 1942 г. с японского эсминца на борт судна «Ангарстрой» высадились 12 вооруженных японских военнослужащих. Под угрозой применения оружия советскому экипажу было приказано прекратить работу с рацией и отправиться в японский порт Кушимото, где было зачитано обвинение о передаче пароходом «Ангарстрой» военных сведений о войне в Тихом океане во Владивосток. 28 апреля японцы зачитали меморандум, согласно которому, во-первых, выражалось сожаление о нахождении советского судна в запретном районе, во-вторых, оговаривалась ответственность японской стороны за причиненные неудобства, в-третьих, гарантировалось скорейшее освобождение парохода «Ангарстрой» после досмотра еще некоторых «сомнительных бумаг». 1 мая в 22:25 советское судно, без каких-либо световых и звуковых сигналов с моря, трижды было торпедировано. Через некоторое время к спасшемуся экипажу затонувшего судна, подошел японский торговый пароход «Койо-Мару». Поинтересовавшись, не являются ли пострадавшие американцами, советским морякам оказали помощь и согласились передать радиogramму о гибели судна во Владивосток, но при этом японской стороной настоятельно рекомендовалось указать, что судно было потоплено американской подводной лодкой. На такое исправление экипаж «Ангарстроя» ответил отказом и лишь 8 мая был освобожден и переправлен в здание советского консульства в Шанхае (ГАПК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 47. Л. 37-50).

Важно отметить, что в советской печати в период с конца апреля по начало мая 1942 г. нет ни одного упоминания о приграничных инцидентах с пароходами «Ванцетти» и «Ангарстрой». Так, даже в центральной «Правде» [10], где на последних страницах публиковали информацию о войне на Тихом океане под одноименной рубрикой, не содержится сведений ни об одном приграничном столкновении. Со страниц приморской газеты «Красное знамя» [6], хабаровской газеты «Тихоокеанская звезда» [15] дальневосточники могли получить информацию о налетах американской авиации на Японию, или, к примеру, о выборах в японский парламент, но не о потоплении советских судов японскими ВМС. Отсутствие по-

добных сведений можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, тем, что Советский Союз четко следовал пунктам Пакта о нейтралитете, согласно которому обе стороны обязались поддерживать дружественные отношения и уважать территориальную целостность. Во-вторых, в период создания условий для коренного перелома в Великой Отечественной войне советским СМИ было необходимо, как никогда раньше, сохранять приверженность патриотическим лозунгам военного времени, а не вызывать «брожение» настроений в общественном сознании новостями об аресте и подрыве советских судов японскими военными.

Обстановка внутри самой Японии находила отражение лишь в восприятии сотрудников советской дипмиссии, находившейся в Токио. Очевидцы тех лет вспоминали, что военный ритм жизни заставлял японский народ много трудиться и жить впроголодь: выдавался мизерный «рисовый» паек в 150-200 г, в рационе гражданского населения отсутствовали мясо, сахар, жиры, когда большую часть продовольствия японцы отправляли на фронт; обычным явлением в Японии стали «рахитические дети с выпуклыми животами и кривыми тонкими ножками», в ряде районов свирепствовала цинга, в некоторых местах была отмечена холера [2, с. 122-123]. В годы «дальневосточного затишья» на основе наблюдений советскими дипломатами была проведена четкая грань в представлениях о военной Японии: если «правящая клика» рекламировала войну как «средство спасения нации», как «панацею от всех бед», то подавляющая масса японского населения встречала известия о войне очень сдержанно, а их настроения, по мнению М.И. Иванова, были скрыты «мишурой показного благополучия» [2, с. 42, 44, 135].

К началу войны с Японией Приморский край уже не был глубоким тылом. На наших границах в период войны было 17 японских дивизий, а на границах Дальнего Востока – 29 (ГАПК. Ф. 1370. Оп. 5. Д. 5. Л. 1-2). Согласно политдонесениям о политико-моральном состоянии советского населения к началу советско-японской войны (к началу августа 1945 г.) в приграничных районах Приморья политика советского руководства местным населением в большинстве случаев одобрялась. В абсолютном большинстве предприятий Дальнего Востока производственный подъем трудящихся усиливался. Например, на заводе 202 г. Владивостока бригада судосборщиков в составе 6 человек под руководством бригадира товарища Служенко рабо-

тала на выполнении задания в течение 5 суток, не выходя из цеха. В том же городе в паровозном депо «Первая речка», несмотря на то, что из депо ушло 65 человек в армию, темпы работ не снижались, задания выполнялись в срок (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 35. Д. 12. Л. 41). Общественные стереотипы об островных соседях сводились к традиционным, уже известным со времен локальных конфликтов конца 1930-х гг. В атмосфере дружественных отношений со странами по антигитлеровской коалиции в советском общественном сознании японцы уподоблялись «империалистам», «фашистам», «последним саттелитам Германии». В условиях начавшейся войны идейное содержание обыденного сознания дальневосточников совпадало с официальным, отличался же порой способом его формирования и применения [9, с. 188]. Из выступления на митинге главного инженера моторемонтного завода Рудакова: «Наступила и для нас пора фронтовой жизни... Япония не хотела понять уроков, полученных гитлеровской Германией. Пора положить конец японской агрессии!.. Мы должны ответить на это событие повышением производительности труда и улучшением трудовой дисциплины» (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 5. Д. 426. Л. 11). Для приморских агитаторов были прочитаны очередные лекции о государственном устройстве Японии, о захватнических войнах в первой половине XX в., а также об идеологической обработке японского населения. В свою очередь агитаторами были прочитаны местному населению лекции на историческую тематику. Вспоминались подвиги команд крейсера «Варяг» и миноносца «Стерегущий», подвиги и судьба Сергея Лазо и др. (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 35. Д. 20. Л. 252-254). В результате агитационно-пропагандистской работы доминанта общественных настроений оставалась прежней, как и в годы Великой Отечественной войны: весь имеющийся у Советского Союза потенциал был направлен на разгром врага. Из переписки Кобыща Ф.Г. с Нырковой Л.Н. в связи с гибелью ее мужа: «Летние месяцы 1945 г. мы все особенно остро чувствовали приближение военной развязки на Дальнем Востоке. Казалось вот, вот начнется война. Много раз мы об этом говорили, и мечтали, после войны, увидиться со своими близкими и родными. Нам хотелось скорее начать войну, чтобы скорее встретиться с вами, домашними» (ГАПК. Ф. Р-1544. Оп. 1. Д. 19. Л. 6).

Вопреки общественным настроениям, согласно отчетам политдонесений, еще в середине ав-

густа 1945 г. в приграничных районах Приморья среди населения наблюдалось преждевременное торжество, беспечность и самоуспокоенность, породившие, в свою очередь, мирные настроения. Так, на танкере «Апшерон» старший радист Матюхин заявил: «Никакой опасности городу [Владивостоку – прим. авт.] нет, только зря панику разводят» (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 35. Д. 20. Л. 255-256). Работница Хлебозавода Трегубец на приказ затемнить окна ответила: «Я хочу, чтобы прилетели самолеты и разбомбили нас» (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 5. Д. 426. Л. 13). Некоторыми дальневосточниками неправильно истолковывались сообщения ТАСС. Например, заведующий культотделом Ворошиловского Горисполкома Коротков еще 10 августа собрал всех работающих в ночное время в Горисполкоме на митинг в честь Победы над Японией. Появлялись домыслы о затягивающейся войне, о бомбежках советских городов, о неспособности советской армии воевать с японцами: «Скучно было военным без дела, вот и вступили в войну с Японией» (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 5. Д. 426. Л. 13).

На уровне обыденного сознания о «коварстве японских самураев» периодически свидетельствовали факты, никак не связанные с агитационно-пропагандистской работой. Так, в ходе боев по разгрому Квантунской армии Суган М.И. обнаружил в одном из японских укрепрайонов вещевой склад с огромным количеством теплой зимней одежды: меховых шуб, ватных брюк, утепленных ботинок. По мнению солдата, это служило неоспоримым доказательством того, что японцы заранее готовились к нападению на Советский Союз (ГАПК. Ф. П-3135. Оп. 3. Д. 187. Л. 4).

На уровне индивидуального восприятия советских солдат был не понят и феномен «японцев-смертников», с которыми красноармейцы впервые столкнулись в июле 1939 г. в боях за сопку Баин-Цаган на Халхин-Голе. В официальных средствах массовой информации какая-либо информация о «солдатах-смертниках» отсутствовала, во время боевых действий красноармейцы встречались с камикадзе довольно часто. Сами смертники ассоциировались не только с летчиками-камикадзе, но и со всеми смертниками, участвовавшими в войне: на суше, на воде и под водой. Участник боев в Хутоуском районе Ярошенко В.Д. вспоминал, что японцы в плен не сдаются, даже когда им угрожает явная смерть: «При прочесывании местности по уничтожению снайперских и огневых точек мы часто видели, что японцы-смертники, видя бесполезность сопротивления, ложились головами вокруг грана-

ты... Взрыв гранаты уничтожил всех» (ГАПК. Ф. П-3135. Оп. 3. Д. 46. Л. 3), [7, с. 125-127]. Некоторые военачальники сравнивали солдат-смертников с «пулей, срабатывающей лишь один раз», а причины появления подобного рода феномена объясняли слабостью японской техники. Из воспоминаний журналиста-международника А.М. Кривеля: «... Они [смертники – прим. авт.] сидели в круглых лунках по обе стороны Хинганского шоссе, одетые в новенькие желтые мундиры, в чистое белье, обязательно с бутылкой сакэ и с миной на бамбуковой палке... Молодые люди, чуть старше нас. Матовое, восковое лицо, ярко-белые зубы, жесткий ежик, черный волос и очки. И выглядят-то они не очень воинственно...» [7, с. 125-127].

Индивидуальное восприятие дальневосточников в большинстве случаев оставалось однородным (негативным) до завершения советско-японской войны. Приморский журналист В. Ковалев в своей книге «Письма из Гензана» вспоминал, как во время капитуляции японцы всячески тянули время, задавая советским солдатам нелепые вопросы, «испытывая на прочность нервы» советских солдат, так в частности, на просьбу сдать оружие, интересовались, как сдавать оружие, где его будут принимать, будут ли оформлены документы. По свидетельствам очевидцев, во время подписания капитуляции контр-адмирал Хори разыграл настоящий фарс, разрезав перочинным ножом кожу у себя на руке, и размазав кровь на пальце, он приложил его под свою «подпись» вместо печати (ГАПК. Ф. 84. Оп. 4. Д. 111. Л. 17-29).

Нейтральные стереотипы о Японии в обыденном сознании дальневосточников начали складываться в условиях победных действий советских войск на Дальнем Востоке, а также в связи с официальным объявлением окончания Второй мировой войны. Уже 8 сентября 1945 г. во время переброски 450 японских военнопленных с острова Кунашир в городок Отомари у капитана плавзавода «Всеволод Симбирцев» Н.П. Манжolina завязалась беседа с японским военнопленным-майором. Из-за языкового барьера пробелы в разговоре восполнялись английским языком, которым в одинаковой степени владели и капитан судна, и японский майор. Первым вопрос задал японец, поинтересовавшийся, в каком направлении следует советское судно. Н.П. Манжолин ответил, что судно движется на сближение с советской эскадрой, где японским военнопленным предстоит встреча с советским адмиралом, который даст указание, куда дальше следовать судну (хотя в реальности ника-

кой встречи и не планировалось). Через 18 часов судно встало на внешнем рейде городка Отомари. Спускаясь по трапу, японский майор и Н.П. Манжолин обменялись улыбками, памятуя о «встрече с советским адмиралом» (ГАПК. Ф. 1027. Оп. 5. Д. 27. Л. 9-12). Данный случай свидетельствует, что на уровне повседневного общения, наряду с отрицательными стереотипами о Японии, формировались и нейтральные, отсутствовавшие в официальных СМИ.

Таким образом, накануне и в годы Второй мировой войны в обыденном сознании жителей Дальнего Востока «укрепились» устойчивые стереотипы о Японии как о враге Советского Союза. Разногласия о будущем переустройстве мира, прямые боевые столкновения на протяжении первых четырех десятилетий XX в. привели к тому, что восприятие Японии в общественном сознании стало однородным, что считалось закономерным в условиях военного времени. Однако профессор Н.Д. Козлов доказал, что в годы войны в СССР морально-психологическая атмосфера, мнения и настроения людей, их отношение к происходящим событиям порой являлись неоднозначными. Исследование общественного сознания показывает, что одномерности массового и индивидуального сознания, упрощенного восприятия предшествующего опыта и действительности в те годы у людей не было [4, с. 306].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
2. Иванов М.И. Япония в годы войны (записки очевидца). М.: Наука, 1978.
3. Илюшина С.С., Слободенюк Л.П. Дальзаводцы (1887-1987). Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1987.
4. Козлов Н.Д., Довжинец М.М. Официальное и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Альтер-Эго, 2008.
5. Кошкин А.А. Россия и Япония: Узлы противоречий. М.: Вече, 2010.
6. Красное знамя. 1942. Апрель – май.
7. Кривель А.М. Это было на Хингане. М.: Политиздат, 1985.
8. Михайлова Ю.Д. Война длиною в целый век: лубок, литография, карикатура // Япония и Россия. Национальная идентичность сквозь призму образов / Сб. ст. под ред. Ю.Д. Михайловой. СПб., 2014. С. 38-67.
9. Насонова Л.И. Обыденное сознание как социокультурный феномен. М.: ЗНАК, 1997.
10. Правда. 1942. Апрель – май.

11. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999.

12. Сергей Лазо. Воспоминания и документы. М.: История гражданской войны, 1938.

13. Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941-1945 гг. М., 1995.

14. Тихоокеанская звезда. 1938. Август.

15. Тихоокеанская звезда. 1942. Апрель – май.

16. Ткачева Г.А. Дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Владивосток, 2010.

17. Япония на рубеже 1937-1938 гг. // Красное знамя. 1938. 1 января. С. 2.

REFERENCES

1. Zhukov, G.K., 2002. Vospominaniya i razmyshleniya [Memories and reflections]. Vol. 1. Moskva: OLMA-PRESS. (in Russ.)
2. Ivanov, M.I., 1978. Yaponiya v gody voyny (zapiski ochevidtsa) [Japan during the war (eyewitness notes)]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
3. Ilyushina, S.S. and Slobodenyuk, L.P., 1987. Dal'zavodtsy (1887-1987) [Dalzavod workers, 1887-1987]. Vladivostok: Dal'nevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo. (in Russ.)
4. Kozlov, N.D. and Dovzhinets, M.M., 2008. Ofitsial'noe i obydennoe soznanie v gody Velikoi Otechestvennoi voyny [Official and everyday mentality during the Great Patriotic War]. Sankt-Peterburg: Al'ter-Ego. (in Russ.)
5. Koshkin, A.A., 2010. Rossiya i Yaponiya: Uzly protivorechii [Russia and Japan: Nodes of contradictions]. Moskva: Veche.
6. Krasnoe znamya. 1942. Aprel' – mai. (in Russ.)
7. Krivel', A.M., 1985. Eto bylo na Khingane [It was on Khingan]. Moskva: Politizdat. (in Russ.)
8. Mikhailova, Yu.D., 2014. Voina dlinoyu v tselyi vek: lubok, litografiya, karikatura [A war that lasted a whole century: lubok, lithography, caricature]. In: Mikhailova, Yu.D., 2014. Yaponiya i Rossiya. Natsional'naya identichnost' skvoz' prizmu obrazov. Sankt-Peterburg, pp. 38-67. (in Russ.)
9. Nasonova, L.I., 1997. Obydennoe soznanie kak sotsiokul'turnyi fenomen [Ordinary consciousness as a sociocultural phenomenon]. Moskva: ZNAK. (in Russ.) (in Russ.)
10. Pravda. 1942. Aprel' – mai. (in Russ.)
11. Senyavskaya, E.S., 1999. Psikhologiya voyny v XX veke. Istoricheskii opyt Rossii [Psychology of war in the XX century. Historical experience of Russia]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

12. Sergei Lazo, 1938. Vospominaniya i dokumenty [Memories and documents]. Moskva: Istoriya grazhdanskoi voiny. (in Russ.)
13. Slavinskii, B.N., 1995. Pakt o neitralitete mezhdru SSSR i Yaponiei: diplomaticheskaya istoriya, 1941-1945 gg. [The neutrality pact between the USSR and Japan: a diplomatic history, 1941-1945]. Moskva. (in Russ.)
14. Tikhookeanskaya zvezda. 1938. Avgust. (in Russ.)
15. Tikhookeanskaya zvezda. 1942. Aprel' – mai. (in Russ.)
16. Tkacheva, G.A., 2010. Dal'nevostochnoe obshchestvo v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941-1945 gg.) [Far Eastern society in the years of the Great Patriotic War, 1941-1945]. Vladivostok. (in Russ.)
17. Yaponiya na rubezhe 1937-1938 gg. [Japan at the turn of 1937-1938], Krasnoe znamya, 1 yanvarya 1938, p. 2. (in Russ.)

ХАЯСИ РАДЗАН «ЗАМЕТКИ ПОВАРА»

Важной вехой в истории японской культуры питания можно считать период Токугава (1603-1868), когда становление новой династии сёгунов и новой идеологии повлекло за собой необходимость обоснования с исторической точки зрения перемен, происходивших в обществе. Именно в это время возникла острая потребность в письменной фиксации основ японской кухни, чему и было посвящено эссе Хаяси Радзан «Заметки повара», перевод которого публикуется в данном номере. Философ прослеживает историю появления отдельных блюд и связанного с ними ритуально-обрядового комплекса, а в качестве примеров приводит выдержки из китайских классических текстов и японских сочинений, подтверждая тесную связь двух традиций. В контексте истории японской культуры питания сочинение «Заметки повара» можно считать основополагающим: философ не только описал историю возникновения японских блюд и выявил истоки японской кухни, но и подтвердил негласное право отдельного клана Сидзё на сохранение господства в древнейшем искусстве кулинарии.

Ключевые слова: история Японии, история повседневности, культура питания, японская кухня

Hayashi Razan «Hōchō shoroku»

Foreword, comments and translation by Oksana A. Nalivayko (Lomonosov Moscow State University)

An urgent need for a written fixation of the basic outlines of Japanese cuisine during Tokugawa period provides the background for the emergence of «Hōchō shoroku» («Cook's notes»), a culinary essay by Confucian philosopher Hayashi Radzan, the translation of which is presented below. The essay reveals the origins of the Japanese food culture, traces the roots of some ingredients and dishes, representing close links of Japanese cuisine with annual events. «Chef's notes» can be considered one of the most important texts in the history of Japanese food culture.

Keywords: history of Japan, history of everyday life, food culture, Japanese cuisine

Вступительное слово

Крупный философ, один из творцов идеологии сёгуната Токугава (1603-1868) – Хаяси Радзан¹ в своем многоплановом литературном творчестве обращается к различным областям общественной

¹ Хаяси Радзан (1583-1657) – один из самых крупных мыслителей и философов эпохи позднего Средневековья, последователь учения Чжу Си, советник военного правительства-бакуфу, один из основателей неоконфуцианской школы в Японии.

жизни, в том числе затрагивает и вопрос о возникновении японской кухни. Его труд «*Хо:тё: сёроку*» («Заметки повара») [21] – это попытка проследить истоки японской культуры питания в рамках истории японского государства и интегрировать сложившиеся к XVII в. представления о японской кулинарии в систему ценностей новой идеологии – конфуцианства чжусианского толка.

Эссе «Заметки повара» является не самостоятельным произведением, а лишь частью вто-

* НАЛИВАЙКО Оксана Александровна, аспирант кафедры истории и культуры Японии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: ksankin30@yandex.ru

© Наливайко О.А., 2017

рого тома труда «Записи кулинарного мастерства Дома Сидзё» («*Сидзё:кэ хо:тё: сёроку*»). Представители рода Сидзё с древних времен обучались тонкостям проведения некоего «ритуала кухонного ножа» – сикиботё [17, с. 41]. Он заключался в демонстрации кулинарной техники шеф-поваром, который, подобно мастеру чайной церемонии, исполнял определенные движения-позы. Перед собравшимися гостями шеф разделявал и тонко нарезал большую рыбу или дичь, превращая ее в цветочную композицию из рыбы или мяса. Получалась своего рода кулинарная *икэбана* [12, с. 334]. Считалось, что шеф-повар освобождает дух убитого животного, что позволяло и повару, и его покровителю избежать дурной кармы [12, с. 334].

Наряду с образованием разных живописных, архитектурных, музыкальных школ-*рю*, в сёгунате Муромати (1392-1467) стали оформляться и первые кулинарные школы, среди которых лидером считалась школа рода Сидзё – *Сидзё-рю*. Первоначально многотомный труд «*Записи кулинарного мастерства Дома Сидзё*» не предназначался для широкой публики, скорее, он составлялся для «внутреннего» пользования в рамках школы и для последующих поколений. Однако в годы Гэнроку (1688-1704), когда стали печататься и издаваться кулинарные книги и различные записи о кулинарном мастерстве древнейших родов, таких как род Сидзё, искусство «ритуала с кухонным ножом» стало доступным широкой публике [17, с. 42]. Итак, главной заслугой представителей рода Сидзё в контексте истории японской культуры питания можно считать то, что благодаря им впервые были сформулированы и записаны основы японской кухни и рассказана её история. Именно по заказу рода Сидзё Хаяси Радзан составляет небольшое историческое эссе «Заметки повара», где он формулирует основы японской кухни и демонстрирует преемственность «высокой кухни» как тайного знания и, как следствие, доказывает приоритет рода Сидзё в сфере кулинарного дела.

В японской историографии жанр «Заметок повара» определен как эссе-*дзуйхицу* (дословно «вслед за кистью» – *прим. авт.*): произведение в целом лишено единой фабульной связи, состоит из отдельных описаний, каждое из которых включает в себя один эпизод, в повествовании присутствует личность автора и ярко выражена авторская позиция и т.д. Однако нельзя не заметить, что при наличии некоторых несомненных признаков жанра *дзуйхицу* «Заметки повара» не обладают главным: мозаичностью, то есть когда произведение состоит из отдельных тематических и компози-

ционно-стилистических неоднородных элементов [2, с. 349]. Напротив, структура «Заметок повара» весьма прозрачна: введение, основная часть, заключение. Во введении автор пересказывает китайский и японский мифы о возникновении пищи, прослеживает историю формирования императорской кухни в Китае и Японии, приводит иерархию придворных поваров в Китае и Японии, выявляя сходства и различия двух систем, несколько раз упоминает о старинном роде Такахаси, представители которого, по словам автора, и познакомили его с материалами об истоках японской культуры питания. Если введение посвящено важности «личности повара», то в заключении Хаяси Радзан в нескольких предложениях рассказывает об истории и этимологии ритуального ножа – главного инструмента повара. Основная часть состоит из 33 отдельных глав, каждая имеет название, которое и определяет тему данной главы. Это либо блюдо («Рисовые лепешки-кусамоти», «Тимаки», «Каша-каю»), либо отдельные продукты («Молодая зелень», «Речной карась-фуна», «Дикий гусь-ган»), либо названия праздников или обрядов («Танабата», «Урабон», «обряд Кадзё»). Лишь одна глава названа именем этнической группы – «Ёсино-кудзу», однако в ней речь идет об обряде, который совершали представители этого народа в Новый год.

Первые четырнадцать глав посвящены календарным праздникам и обычаям. В следующих 12 главах повествуется о разных видах рыб и других морепродуктах, а последние 6 глав посвящены дичи.

Таким образом, структуру «Заметок повара» нельзя назвать хаотичной и бессистемной, во взаиморасположении элементов присутствует определенная логика. Кроме того, огромное количество разнохарактерного материала (этнографические очерки, исторические справки, научные факты и т.д.), помещенного в «Заметки повара», придают им жанровое сходство с *бицзи* – китайскими сборниками смешанного содержания, появившимися в Китае в V-VI вв. [2, с. 336].

В японской, отечественной и западной историографии встречаются самые разные варианты интерпретации иероглифов «*хо:тё:*» (庖丁) и, как следствие, перевода названия «*Хо:тё: сёроку*» («Заметки повара»). В японском толковом словаре «Кодзиэн» приводятся три значения слова «*хо:тё:*»: повар, кулинария, особый нож с тонким лезвием [19, с. 2188]. Многозначность термина породила следующие варианты названия: «Записки ножа» [17, с. 41], «Записки кухонного ножа» [12, с. 341], «Кулинарные записки» [16]. В совре-

менном японском языке под термином «хо:тё:» подразумевается специальный нож, а повара называют «хо:тё:нин», то есть «человек с ножом». Обратимся к первоисточнику. В самом последнем абзаце своего эссе Хаяси Радзан проследивает этимологию термина «хо:тё:»: «Первый иероглиф [庖] в слове «хōтэй»² означает «кухня». Второй иероглиф [丁] взят из имени³. Повар ведаёт делами кухни, часто разделяет мясо, рыбу и птицу, поэтому и нож, которым он пользуется, называется «хōтэй» [21, с. 350]. Производство Хаяси Радзана можно назвать признанием мастерства, которым с давних времен обладали повара-хо:тё:, происходившие из древнейших родов, таких как род Такахаси. Автор признаётся, что «часто спрашивал у представителя рода Такахаси, который ответственен за государеву кухню и организывает пиры, про культуру питания в Китае и Японии». «Он не отказал мне [автору «Заметок повара»] и любезно предоставил некоторые свои записи», – отмечает Хаяси Радзан [21, с. 338]. Таким образом, Хаяси Радзан утверждает, что для него первостепенна именно личность повара-хо:тё: как носителя тайного знания, а нож-хо:тё: – это лишь инструмент, пусть и сакральный. Специалист по воинским ритуалам эпохи Муромати Исэ Садатакэ заверял, что словом «хо:тё:» называют не только нож, но и поваров, так как первый иероглиф обозначает «кухню», а второй взят из слова «посланник» [仕丁 – ситё:] [17, с. 43]. По другой версии, упомянутой как Хаяси Радзаном, так и Исэ Садатакэ, термин «хо:тё:» мог быть просто именем собственным, принадлежащим одному из первых поваров.

В то время как перевод первого иероглифа «хо:»⁴ (кухня) не вызывает споров у исследователей, второй иероглиф «тё:» или «тэй» является многозначным. Одно из значений китайского иероглифа «丁» – «зрелый мужчина», то есть мужчина в работоспособном возрасте (от 20 до 59 лет). В таком случае, термин «хо:тё:» можно перевести как «работник кухни», иными словами – «повар». Руководствуясь точкой зрения самого автора и этимологией термина, я предлагаю перевод названия «Хо:тё: сёроку» как «Заметки повара», имея в виду именно повара-хо:тё:.

² 庖丁 – чаще встречается чтение «хо:тё:», в современном японском языке также употребляется чтение «хо:тё:».

³ Дословно – «丁は人の名也». По одной из версий, одного из первых поваров звали Хо:тё: и при записи его имени использовался иероглиф «丁».

⁴ 庖. Японское чтение – курия.

Как правило, в основе любого японского традиционного искусства лежат морально-нравственные и философские принципы, обусловленные учением Конфуция. Кулинарное искусство не стало исключением, и эссе «Заметки повара» – яркий тому пример. Данное эссе можно назвать основополагающим в японской культуре питания, ведь в нем прослеживается история возникновения японской кухни, а также на примере некоторых аспектов японской культуры питания растолковывается конфуцианский канон.

Хаяси Радзан «Заметки повара»

Давным-давно, когда небо и земля только разделились, появились люди. В те времена они убивали птиц и животных, ели их мясо, пили их кровь, делали из их шерсти одежду, носили их шкуры, в те времена люди еще не высказывали никакой признательности животным за то, что те даруют им возможность носить одежду, кормят их и утоляют их жажду. А затем настали времена, когда появились мудрецы. Они строили храмы, сами шили себе одежду, а еду и напитки преподносили божествам. Именно во времена правления императора Фу Си⁵, когда уже охотились на зверей, ловили рыбу, собирали раковины и использовали их в качестве жертвоприношений божествам, люди впервые узнали о специальном помещении, о кухне, которую стали называть хōтю:, прославляя императора Фу Си⁶. И при следующем правителе Шэнь-нун⁷ обычай – совершать подношения богам – укоренился. Так, в эпоху трех властителей и пяти императоров в Китае божества Ду Кан⁸ и И Ди⁹ впервые поведали людям о вине, а министр

⁵ Мифический персонаж, первый правитель Поднебесной (Китая), изобретатель восьми триграмм, музыки, церемонии бракосочетания, одежды, шелководства, рыболовства и приготовления пищи. Один из основателей китайской культуры. Согласно мифам, имел тело дракона или змеи и человеческую голову.

⁶ Один из вариантов иероглифической записи имени Фу Си – 庖犧. Иероглиф хō庖 также используется при записи слова «кухня» – хōтю: 庖厨.

⁷ Одна из важнейших фигур в китайской мифологии, покровитель земледелия и медицины, один из Трёх Великих императоров. Его называют также «царём лекарей». Ему приписывают создание календаря природы (сельскохозяйственного календаря) и классического фармакологического сочинения о травах и лекарственных препаратах.

⁸ В китайской мифологии один из богов-покровителей виноделов. По одной версии, жил при мифическом государе Хуан-ди и первым начал изготавливать вино.

⁹ В китайской мифологии одно из божеств виноделия.

*И-инь*¹⁰, владевший знанием о приготовлении пищи, изучил вкусы Поднебесной. Во времена правителей династии Чжоу¹¹: *Вэнь-ван*, *У-ван*, *Чэн-ван*, а также, когда страной управлял младший брат *У-вана Чжоу-гун*, исполнявший роль регента при малолетнем императоре, в стране был мир. Именно в эту эпоху были определены и введены застольные обряды и должности в Дворцовом столовом управлении: придворный повар-*дзэмбу*, повар-*хёнин*, повар-*найё*;¹² знахарь-*сёкуи* и др.

Повара-*дзэмбу* руководили приготовлением и сервировкой пищи для императорской семьи: императора, императрицы и наследного принца. Всего насчитывалось около 120 ингредиентов, из которых готовили блюда для императора, их раскладывали по 20 специальным ритуальным сосудам-треножникам. Такие повара были подотчетны государственному ведомству и имели самый низший ранг государственных служащих.

На поваров-*хёнин* возлагалась ответственность за блюда из мяса и дичи. Они знали всё о ритуальной составляющей этих блюд и подавали императору блюда, где был выдержан баланс добра и зла. Кроме того, эти повара руководили приготовлением праздничной трапезы и были ответственны за проведение пиров для особо почетных гостей. Они также относились к самым низшим чинам государственных служащих.

Повара-*найё*: занимались приготовлением блюд исключительно для семейных, неофициальных приёмов пищи императорской семьи. Каждый раз перед тем, как преподнести блюдо императрице или наследному принцу, они сами пробовали на вкус все продукты, а потом дегустировали и готовые блюда.

Повара-*гайё*: напротив, не имели никакого отношения к приготовлению пищи для императора, они были ответственны за тот набор блюд, который преподносился исключительно по случаю праздников божествам в качестве жертвоприношения, а также простым людям в качестве угощения. Они также составляли низший чин государственных служащих.

Знахари-*сёкуи* участвовали в приготовлении пищи для императорской семьи, они были обязаны знать лекарственные свойства всех продуктов. Они хорошо разбирались в воздействии еды на организм человека, поэтому не допускали приготовления несовместимых продуктов. Но если по ошибке были поданы несовместимые продукты, то в этом случае по всей строгости закона наказывали поваров-*дзэмбу*.

В Японии также были введены различные должности для поваров подобно системе, существовавшей в Китае: повара-*тайдзэн*, *сюдзэн*, *найдзэн* и другие. Ведомство, куда входили повара-*тайдзэн*, подчинялось непосредственно министерству Двора; оно было ответственно за проведение различных застолий. В Китае эти функции выполняло ведомство *Дайкан*. Повара-*найдзэн*, будучи чиновниками, руководили исключительно процессом приготовления и сервировки пищи для императорской семьи. Их обязанности в Китае выполняли чиновники, входившие в ведомство *Сё:дзё*. Поварами более низкого ранга считались *будзэн* и *тэндзэн*. В Китае же они считались главами отдельных ведомств при Дворцовом столовом управлении. Всем, что касалось приготовления и подачи пищи для государя дома, из поколения в поколение ведал род *Такахаси*.

Столовое управление Двора наследника трона, ответственное за питание во дворце государя, подчинялось непосредственно Управлению делами наследника трона. Поскольку в этом ведомстве были осведомлены не только о питании в императорском дворце, а в принципе, о правилах кулинарии, то и в наши дни нет никакой необходимости этому ведомству передавать свои полномочия кому-нибудь другому. В Китае также существовало Столовое управление Двора наследника трона, которое выполняло аналогичные функции. Кроме этого, все те, кто руководил процессом изготовления *сакэ*, консервированием, маринадом и приготовлением сладостей-*каси* и рисовых лепешек-*моти*, все также входили в ведомство, ответственное за приготовление блюд в императорском дворце.

Во время правления государя *Момму*¹² *Фузивара-но-Фухито*¹³ по государеву указу приступил к составлению Закона о рангах и должностях, подробно изучив и взяв за основу китайский трактат *Чжоу ли*¹⁴. Таким образом, если мы обратимся к

¹² Годы правления императора Момму – 683-707 гг.

¹³ Фузивара-но-Фухито (659-720) – один из составителей свода законов «Тайхо рицурё».

¹⁴ «Чжоуские ритуалы» – один из памятников, входящих в конфуцианское собрание классической литературы «Тринадцать канонов» («Ши сань цзин»). Относительно датировки нет единого мнения: называют XI в. до н.э., первую или вторую половину I тыс. до н.э., III в. до н.э. Существует также мнение, что копировавший этот текст на рубеже н.э. Лю Синь подделал его. Возможно, содержание трактата в целом отражает специфику государственного строя, административной системы, общественного устройства, законодательства, ритуалов, хозяйственной жизни, состав и обязанности чиновничества в древнекитайских царствах VII-V вв. до н.э., культурно близких домену династии Чжоу [3, с. 583].

¹⁰ Министр при первом государе династии Шан (1600-1027 гг. до н.э.), знаменитый своей помощью в свержении предыдущей династии.

¹¹ Династия Чжоу (XI в. до н.э. – 256 до н.э.)

древним легендарным временам, когда только появилась Япония, то мы узнаем, что в те времена на небе пребывала *Аматэрасу-ōмиками*, а на земле обитала богиня *Укэмоти*. *Аматэрасу-ōмиками* отравила своего брата, божество *Цукиёми-но-микото*, на землю к богине *Укэмоти*, и он оказался в её власти. *Укэмоти* смотрела по сторонам: когда она обращала лицо к стране, изо рта у неё выходил вареный рис, когда поворачивала голову к морю, изо рта у неё выходили «существа с плавниками широкими, с плавниками узкими» [рыбы], а когда поворачивалась к горам, изо рта у неё выходили «существа с грубой шерстью, с мягкой шерстью» [звери]. Уложив всё это на множество подносов, богиня *Укэмоти* отнесла всё в святилище. Именно так во всем мире были сотворены пища и напитки.

Если же говорить о временах, когда землю уже населяли люди, пища и напитки также стали неотъемлемой частью этого мира. Во времена императоров, когда появилась необходимость в постоянных церемониях и подношениях, были созданы специальные ведомства. Принимая всё вышесказанное на веру, можно сказать, что вкус проявился тогда, когда люди научились пользоваться огнем, то есть люди стали совершенствоваться. Таким образом, день за днем люди пробовали новые блюда и познавали новые вкусы.

В Китае всё началось с того, что повара научились различать и отделять мутную воду от чистой питьевой, а затем они стали забивать скот, исполняя при этом ритуальную музыку и танцы. В нашей стране род *Такахаси* много веков подряд устраивал пышные застолья. Глава Управления садов и прудов на протяжении многих лет испарывал брюхо карпам. Нет никакого смысла рассказывать небылицы, так как всё последовательно вытекает из прошлого. Я часто спрашивал у представителя рода *Такахаси*, который ответственен за государственную кухню и организовывает пиры, про культуру питания в Китае и Японии. Он не отказал мне и любезно предоставил некоторые свои записи.

Форель – *хара-ака*

Когда император *Кэйко*¹⁵ отправился в *Цукуси*¹⁶, рыбаки поднесли ему именно эту рыбу. На двадцать четвертый день первого месяца пятнадцатого года *Тэнпё*¹⁷ императору *Сёму*¹⁸ также преподнесли эту рыбу от управления *Дадзайфу*. С этих пор повелось, что каждый раз в первый день Нового года необходимо подать эту рыбу на празднич-

ный новогодний стол. С давних времен рыба эта называлась «*хара-ака*», то есть «красное брюхо». Обычно праздничная трапеза заканчивалась тем, что каждый съедал эту рыбу. Рыба *хара-ака* относится к лососевым. В *Ши цзин*¹⁹ также упоминается рыба, пойманная девятью сетями, относящаяся к семейству лососевых.

Ёсино кудзу

Когда государь *Одзин*²⁰ совершал высочайший выезд в *Ёсино*, у подножия гор его встречали люди-*кудзу*²¹, они преподносили ему сакэ и пели в честь него песни. Люди-*кудзу* жили в горах вдоль реки *Ёсино*. Как правило, они не имели контакта с другими. Изредка, например, когда приезжал государь, они покидали горные чащи и преподносили ему сезонную рыбу. В первый день Нового года люди-*кудзу* пели песни, били в губные барабаны, и отовсюду было слышно, что в *Ёсино* отмечают начало Нового года. В это время сезонной рыбой считается вид форели-*аю*. Также есть упоминания о том, что в *Ёсино* совершал высочайший выезд государь *Киёмихара*²², и люди-*кудзу* вышли из гор его поприветствовать и совершить обряд.

Молодая зелень

Традиция преподносить в первые дни Нового года молодую зелень берет начало во времена правления государей годов *Канпё*²³. В последующие годы *Энги*²⁴ и *Тэнряку*²⁵ также прослеживается эта традиция. Существовал набор из семи трав: пастушья сумка обыкновенная (*надзуна*), мокрица (*хакобэра*), японская петрушка (*сэри*), японская репа (*судзуна*), сушеница (*гогё*), ростки японской редьки-*дайкон* (*судзусиро*), яснотка (*хотокэ-но-дза*). Также был набор и из двенадцати растений: мокрица (*хакобэра*), японский салат (*тисья*), япон-

¹⁹ «Книга песен» – самая древняя антология китайской поэзии. Включена в канонический сборник конфуцианских текстов «У-цзин». Корпус «Ши цзина» в основном сформировался предположительно в X–VI вв. Состоит из 305 произведений [3, с. 623–625].

²⁰ *Одзин* – 15-й император Японии, правил с 270 по 310 гг.

²¹ Упоминание о племени-*кудзу* встречается в древнем летописно-мифологическом своде «*Нихон сёки*», где об этих людях говорится как о собирателях: «Обычно они питаются горными плодами, а также любят лакомиться вареными лягушками». Также приводятся их песни, которые заканчиваются некими губными щелканьями (*кутитудуми-о ути*, «бьют в губные барабаны») [10, с. 431].

²² Будущий император *Тэмму* (631–686 гг.)

²³ 889–898 гг.

²⁴ 901–923 гг.

²⁵ 947–957 гг.

¹⁵ Годы правления императора *Кэйко* – 71–130 гг.

¹⁶ Старое название острова *Кюсю*.

¹⁷ 729–749 гг.

¹⁸ Годы правления императора *Сёму* – 701–756 гг.

ская петрушка (*сэри*), орляк (*вараби*), пастушья сумка обыкновенная (*надзуна*), штокроза (*афухи*), многолетник (*сиба*), полынь (*ёмоги*), водяной перец (*датэ*), кладосифон (*модзуку*), сосна (*мацу*). Иногда сосну (*мацу*) заменяли на японскую репу (*судзуна*). Другое название японской репы – *кохонэ*. Если же говорить о сосне (*мацу*), то она являлась одиннадцатым растением в данном наборе, её специально выращивали, а затем её ветки использовали в качестве праздничных подношений. В китайском трактате *Гу цзинь ши вэнь лэй цзюй*²⁶ так и написано, что на седьмой день первого месяца совершались подношения «семью травами». Считалось, что если в этот день их съесть, то они избавят от всех болезней.

Каша

В пятнадцатый день Нового года в качестве подношений использовали жидкую рисовую кашу-каю. В древние времена в Китае обитал злой дух *Си Ю*, но после того, как Небесный Владыка *Хуан-ди*²⁷ одержал победу над вождями отдельных племен, на пятнадцатый день первого месяца он убил и *Си Ю*. После смерти злой дух превратился в *Тэнгу*²⁸, продолжив своё земное существование. Поэтому и в наши дни считается, что если совершить подношение *Тэнгу*, выставив вечером в сад на специальной подставке в определенный час сваренную кашу из красных бобов, а затем, повернувшись на восток, дважды упасть на колени и

²⁶ «Вещи и знаки древности и века нынешнего, классифицированные по родам». Это произведение, составленное группой придворных ученых под руководством Чжу Му (?-1255). Фундаментальный труд в 170 свитках, представляющий собой некий «справочник» о различных предметах и явлениях. Начальный раздел, к примеру, традиционно посвящен «небесным явлениям», где, к примеру, определяется сущность Полярной звезды (более 70 страниц текста посвящено различным проявлениям Полярной звезды). Также встречаются разделы о сути государственной службы, о формах погребений, о видах и разновидностях ритуальной утвари, о сельском хозяйстве (подготовка поля к севу, посевная, сбор урожая и т.д.), о ремесленном производстве и т.д. По сути, аналог энциклопедического свода. (*Комментарий Грачева М.В.*)

²⁷ Легендарный правитель Китая и мифический персонаж, который считается также основателем даосизма и первопредком всех китайцев.

²⁸ В японской мифологии существо, предстающее в облике мужчины огромного роста с красным лицом, длинным носом, иногда с крыльями, в одежде горного отшельника, наделен огромной силой, враждебной плодородию. По народным поверьям, после смерти в *Тэнгу* может превратиться гордец или человек, не избившийся при жизни от злобы [8, с. 1147].

съесть кашу, то это избавит от болезней на целый год. У легендарного императора *Кю*²⁹ была жена, которая вдруг захворала и на пятнадцатый день первого месяца умерла в дороге. Однако душа её так и осталась на земле, она бродит по дорогам и беспокоит путников. Так как при жизни она очень любила эту кашу, то и сейчас, если ей сделать подношение, то и беды обойдут стороной. В Японии обычай появился на основе этих двух легенд. Вероятно, о происхождении этого обычая помнят и тогда, когда, к примеру, при переезде в новый дом этой кашей окропляют четыре угла в помещении. Примерно с годов *Каннэ* каждый год стали использовать кашу в качестве подношений. Кроме этого, в это же время было установлено, что каша будет являться основным подношением и во время сезонных праздников, как например, на третий день третьего месяца. В девятой главе хроники, созданной одним из Правых министров, написано, что каша готовится из семи ингредиентов: белое зерно, бобы (*мамэ*), красная фасоль (*адзуки*), чумиза (*ава*), каштан (*куруи*), хурма (*каки*), красные бобы (*сасагэ*). В трактате «*Цзянь цзинь юэ лин*»³⁰ говорится, что если в первом месяце отведать эту кашу, приготовленную из злаков *дзио*, из омежника-бѳфу, из перилла-сисо и т.д., то это пойдет только на пользу.

Рисовые лепешки – *кусамоти*

Традиция употреблять на третий день третьего месяца в пищу рисовые лепешки-*кусамоти* берет своё начало со времен императора *Ю*³¹ из династии *Чжоу*. Более подробные детали о появлении этого обычая неизвестны. В «*Цзянь цзинь юэ лин*» говорится, что в этот день срывали моксу³², обирали её, а затем она шла на изготовление лекарств.

²⁹ Мифический император Древнего Китая, один из Пяти легендарных императоров. Имел прозвище Гаосин. Годами его правления считается период с 2436 по 2366 гг. до н.э.

³⁰ Полное название – «Сунь Ши Цянь цзинь юэ лин» («Помесячные установления, [стоимостью в] тысячу золотых, [составленные] Сунь Ши»). Одно из поздних пояснений к фундаментальному китайскому труду «Бэй Цзи Цянь цзинь яо фан» («Важнейшие методы [стоимостью в] тысячу золотых, [составленные] Бэй Цзи»), представляющему из себя даосский трактат по «внутренней медицине» в 30 свитков, созданный в середине VII в. (чаще всего упоминается 652 г.). «Сунь Ши Цянь цзинь юэ лин» – это небольшое произведение в один свиток, принадлежащее кисти ученого эпохи Южная Сун. Содержало информацию о том, как при помощи правильного питания можно сохранять здоровье и «внутренние силы». (*Комментарий Грачева М.В.*)

³¹ Годы правления императора Ю – 781-771 гг. до н.э.

³² Вид полыни.

Тимаки³³

На пятый день пятого месяца бытует обычай есть *тимаки* – рисовый колобок, завернутый в листья. Существует легенда, что в древние времена в Китае на пятый день пятого месяца сын императора *Ку*, известный своими плохими делами, находился в лодке в открытом море, но налетела буря и потопила судно. Тогда он превратился в Духа Воды и стал пугать простых людей. Кто-то взял нити пяти цветов, обернул их вокруг рисового колобка, завернутого в листья, и лишь бросил в море, как рисовый колобок превратился в пятицветного небесного дракона. Испугавшись дракона, дух перестал причинять страдания морским божествам и людям, и все несчастья стали обходить стороной лодки из дерева. Также в китайских источниках говорится, что, когда *Цюй Юань*³⁴ утопился в реке *Мило*, появилась традиция бросать в воду *тимаки* в память о том, что он стал кормом для рыб. К тому же, у *Абэ-но Сэймэй*³⁵ и в нескольких китайских источниках есть упоминание о том, что *тимаки* по своей форме напоминают злых духов, и если эти рисовые колобки съесть, предварительно развязав веревки и развернув листья, то и духи отступят. В Китае во времена династии *Тан*³⁶ появилось огромное количество различных видов *тимаки* для сезонного праздника пятого дня пятого месяца: квадратные; круглые; ромбовидные; квадратные с добавлением проса; *тимаки*, обмотанные сотнями белых шелковых нитей; девять одинаковых *тимаки*, нанизанных на одну деревянную палочку. *Тимаки* делали и квадратными, и круглыми, и ромбовидными, и цилиндрическими, как бамбуковый стебель, и в виде гирьки, подобной той, что цепляется на удочку, на них также наматывали нити пяти

цветов и собирали их в грозди, подобно чёткам. *Тимаки* нанизывали на палочку подобно *данго*³⁷, девять штук – одну за другой. Их всегда заворачивали в широкий лист злака-*макомо*³⁸. Так было и с квадратными *тимаки*, и с *тимаки* с добавленным просом. В давние времена именно это блюдо приготовила старшая сестра *Цюй Юань* на его похороны. И упоминание об этом можно найти в *Цянь цзинь юэ лин*. Сестру звали *Ну Сюй*.

Лёд³⁹

Считается, что в первый день шестого месяца соблюдался обычай, когда лёд распределяли среди подданных императора. В пятом месяце 62 года правления императора *Нинтоку*⁴⁰ принц *Нэката-но-Оонака-хико* поехал на охоту в *Тукэ*. С вершины горы принц оглядел окрестность и заметил вдалеке шалаш с соломенной крышей. Тогда он отправил посыльного поглядеть. Вернувшись, тот доложил, что это пещера. Тогда принц спросил у местных, кто проживал в этих горах, они сказали, что в этой пещере хранится лёд. Принц спросил, как его хранят и для чего потом используют. Ему ответили, что вырывают специальную яму в один *дзэ*⁴¹ глубиной, потом покрывают её крышей из тростника, внутри выстилают травой или камышом, а сверху укладывают лёд. Из-за толстого слоя травяной подстилки лёд не тает. И даже в самые жаркие летние месяцы его можно использовать. Тогда принц преподнёс этот лёд государю *Нинтоку* и удостоился высшей похвалы. Так написано в различных древних хрониках. Отсюда пошла традиция в качестве

³⁷ Японские рисовые лепешки-моти, нанизанные на деревянную палочку и политые специальным соусом.

³⁸ Один из видов дикого риса.

³⁹ В японской традиции лёд связывают с государем *Нинтоку*. Упоминания о некоей «пещере со льдом» встречаются еще в летописно-мифологическом своде «*Нихон сёки*»: «Принц ... спросил: «Что это там за пещера в лесу?» «Пещера со льдом», – отвечал тот. «А как его хранят? И для чего используют?» – спросил принц. «Вырывают в земле яму в один туэ глубиной. Потом покрывают крышей из тростника. Выстилают внутри травой и камышом и сверху укладывают лёд. Он и в летние месяцы не тает. А используют его так – в жаркую пору добавляют в воду и сакэ». Принц отнес этот лёд во дворец. Государь изволил радоваться. И с тех пор, всякий раз, когда приближался конец зимы, непременно запасали лёд. А с приходом весеннего равноденствия начинали этот лёд использовать» [10, с. 317].

⁴⁰ Годы правления императора *Нинтоку*, согласно «*Нихон сёки*», – 313-399 гг.

⁴¹ 1 *дзэ* (丈) = 100/33 м

³³ Колобок из риса, завернутый в лист бамбука.

³⁴ *Цюй Юань* (ок. 340-278 до н.э.) – первый известный лирический поэт в истории Китая эпохи Воюющих Царств. День его ритуального самоубийства отмечается как праздник под названием Праздник Драконьих Лодок.

³⁵ *Абэ-но Сэймэй* (921-1005) – оккультист эпохи Хэйан, астролог, заведующий отделом дворцового стола, начальник левой половины столицы, губернатор провинции Харима. О его сверхъестественных способностях и мастерстве мага сложено много легенд, зафиксированных в классической литературе. Согласно литературным источникам, *Абэ-но Сэймэй* обладал способностями видеть духов, воскрешать мертвых, менять судьбу людей. Разработал ряд мантических методов, опирающихся на теорию инь-ян и пяти элементов [1, с. 229].

³⁶ Годы правления династии *Тан* – 618-907 гг.

подношений использовать лёд. С этих пор каждый раз, как наступала зима, этот лёд собирали и помещали в специальные хранилища, которые были построены по всей стране. Кроме этого, в первый день первого месяца в императорской кухне совершался обряд подношения льда – *Хино-тамэси*. Обряд заключался в том, что государю преподносили куски льда разной толщины: и толстые, и тонкие. В трактате *Чжоу Ли* говорится, что была специальная должность *Рёсин* – управляющие складами со льдом. Зимой, в самые холода, высоко в неприступных горах собирали заледеневший снег и отвозили его в хранилища, а летом, когда на улице становилось невыносимо жарко, доставали этот лёд и распределяли между подданными. В *Шицзин* говорится, что на второй день во льду появится отверстие, а на третий день лёд окончательно растает. В *Цзо Чжуань*⁴² говорится, что на севере в специальном хранилище держат лёд, а на западе, где всегда жарко, вынуждены брать лёд с севера. В древние времена китайский правитель *Ши Фу* в день Собаки⁴³ приказал собрать лёд в замерзшем колодце и раздать его министрам. В Японии же до недавних пор все хранилища со льдом находились далеко в горах около [провинции] *Тамба*⁴⁴.

Обряд *Кадзё*

На шестнадцатый день шестого месяца совершался обряд *кадзё*⁴⁵. И сейчас в народе по-

⁴² «Цзо Чжуань» – памятник исторической прозы Древнего Китая, представляющий собой подробнейшие комментарии к краткой хронике «Чунью» о событиях периода Весны и Осени. Повествование охватывает период с 722 до 468 гг. до н.э.

⁴³ В Китае в период седьмого и восьмого лунного месяца выделяют три дня, так называемые – Дни Собаки (*сан фу*, 三伏), с промежутком примерно в 10 дней. Эти дни приходятся на самое жаркое время, и считается, что в Дни Собаки энергия *инь* полностью подавлена солнечной энергией *ян*. Иероглиф [伏] означает «лежать», «пасть на землю»: в это время человек [人] полностью бездействует от жары и похож на собаку [犬], распластавшуюся на земле. Известно, что во время правления династии Цинь (221-206 до н.э.) эта традиция была завезена на территорию Кореи [14].

⁴⁴ Современный округ Киото и префектура Хёго.

⁴⁵ По легенде, на 16 день 6 месяца годов *Кадзё* государю Ниммэй (833-850) во сне явились боги и сказали, что, если он совершит преподношение в 16 сладостей, то это избавит его в будущем от болезней. Этот обряд преподнесения шестнадцати сладостей и был назван *кадзё* («доброе предзнаменование») вслед за девизом правления. С этих пор пошла традиция каждый год в этот день совершать подобный обряд, чтобы избавиться от бед и болезней. В современной Японии 16 июня считается «Днем Японских сладостей-вагаси» [22].

говаривают, что во времена сёгунов в эпоху *Муромати*⁴⁶ в шестом месяце обычно проводились соревнования по стрельбе из ивового лука, чтобы отвлечься от невыносимой жары. Те, кто проигрывал в соревнованиях, должны были на шестнадцать китайских монет купить угощение и преподнести его победителям. *Кадзё*⁴⁷ – это также девиз правления 17 года китайского императора *Нин-дзу*⁴⁸. С первого года правления императора *Нин-дзу* каждый год в течение шестнадцать лет чеканились особые монеты, затем в этот день (шестой день шестого месяца) все шестнадцать монет были преподнесены императору от Правого Министра. И хотя в записях, оставленных Правыми Министрами, не упоминается эта история, но принято считать, что традиция обряда *кадзё* появилась именно так.

Праздник *Танабата* (*Сицусэки*)

Вечером седьмого дня седьмого месяца, когда Ткачиха (Орихимэ) и Волопас (Кэнгю) переходят небесную реку и встречаются друг с другом, принято выставлять плоды дыни и совершать праздничные подношения этим двум звёздам. Так как в этот день и мужчины, и женщины просят о том, чтобы небо одарило их талантом, этот праздник также называется *Кицукотэн* – «День, когда просят о ниспослании таланта».

Праздник *Урабон*

Пятнадцатого числа седьмого месяца из бамбука плетут специальные [формой, напоминающие миски] корзины, накладывают в них белый рис и совершают подношения: поклоняются осенним богам-ками и молятся о хорошем урожае зерновых. Называются такие корзины-миски *урамбон*. *Уран* – это один из видов плетеной корзины. Обычай этот известен с давних времен. В наше время рис, который используется во время ритуала Бон, накладывают на листья лотоса. Тем не менее, и до нас дошла легенда, что мать *Мокурэна*⁴⁹ оказалась в мире «голодных духов»⁵⁰. *Мокурэн* пытался изо всех сил спасти

⁴⁶ 1336-1573 гг.

⁴⁷ Дословно – «Установление благодати».

⁴⁸ Нин-дзу – 4-й китайский император империи Южная Сун, правивший в 1194-1224 гг. (13-й император династии Сун).

⁴⁹ В буддийской традиции один из двух главных учеников Шакьямуни (второй – Шарипутра).

⁵⁰ Имеется в виду состояние («мир»), в которое перерождается человек, совершивший недостойные, с точки зрения буддийского учения, поступки. Всего их три: первое – состояние пребывания в аду – «мир ада»; второе состояние – «мир голодных духов» и третье – «мир скотов» [13, с. 492].

свою мать. Он проводил ритуалы, оставлял ей подношения, но еда превращалась в огонь, или же горло матери становилось настолько узким, что через отверстие могла пройти только иголка. Взволнованный *Мокурэн* пошел к Будде. Будда посоветовал ему положить на поднос разные кушанья и напитки и раздать всем, кто встретится на его пути. *Мокурэн* последовал этому совету и таким образом избавил мать от страданий. Слово «уран» на языке брахманов⁵¹ означает «великое страдание». Произошло это пятнадцатого числа седьмого месяца. Слово «уран» стали по звуковому принципу записывать теми же иероглифами, что и плетенные корзины. Это и дало название празднику.

Праздник Хассаку⁵²

Праздника «хассаку» в древности не существовало. Впервые его начали справлять в годы *Кэнтё*⁵³. Поскольку молились за хороший осенний урожай на полях, то в народе пошла традиция называть первый день восьмого месяца – «днем поля».

Сакэ из хризантем

На девятый день девятого месяца устраивают пир в честь праздника хризантем. Другое название этого праздника – *Тё:ё*⁵⁴. В этот день от лица императора подданным преподносят сакэ из хризантем. Устанавливается специальный постамент, на который по краям справа и слева вешают мешочки с веточками и плодами дикой маслины, а перед постаментом ставится ваза с хризантемами. Считается, что если надломить веточку дикой маслины и прикрепить её к головному убору, то это избавит от несчастий. Давным-давно один отшельник *Фей Чанфан* предсказал *Хуань Цзин* из *Жунань*, что на девятый день девятого месяца в его доме случится беда. Тогда *Хуань Цзин* и его родные смастерили мешочки, положили в них веточки дикой маслины, закрепили эти мешочки на руках возле локтей, отправились в горы и стали пить там сакэ из хризантем. Это должно было избавить их семью от предсказанных бед. Когда вечером они благополучно вернулись домой, то обнаружили, что весь их скот неожиданно умер. Так и появилась традиция в этот день пить сакэ из хризантем.

⁵¹ На санскрите.

⁵² Дословно «первый день восьмого лунного месяца».

⁵³ 1249-1256 гг.

⁵⁴ 重陽 – дословно «удвоенное нечетное число», так как четные числа в китайской традиции соотносились с инь (陰), а нечетные – с ян (陽).

Рисовые лепешки – *инокомоти*⁵⁵

В начале десятого месяца в день кабана во всех ведомствах при императорском дворе заготавливали такие рисовые лепешки-*моти* и совершали преподношения императору, который изволил лакомиться этими сладостями. Считается, что если в день Свиньи в десятом месяце съесть такую рисовую лепешку, то отступят все болезни. Когда возникло это поверье – неизвестно. Если в своде *Энгисики*⁵⁶ встречаются упоминания об этом лакомстве, значит, традиция берет свое начало издревле. Известно, что в четвертом году эпохи *Дзё:ан*⁵⁷ правительство направило запрос относительно древности этой традиции. Известно также, что старший секретарь Государственного совета *Ёрисигэ* и чиновник *Моронао* написали ответ, но это не прояснило ситуацию. Все эти факты упоминаются в летописях. В «*Повести о принце Гэндзи*» встречается фраза: «*Сколько же их [лепешек] прикажете подать в честь дня Крысы*»⁵⁸. И на следующий день все *моти* были съедены.

Бобы в канун весны – *сэцубун мамэ*

Во время праздника *Сэцубун*⁵⁹ обычно по всему дому разбрасывают бобы, приговаривая: «Черти

⁵⁵ Лепешки-*моти* по случаю дня Свиньи – особые лепешки, которые полагалось есть в первый день Свиньи в десятом месяце. Считалось, что они предохраняют от болезней и приносят процветание в потомстве. Такие лепешки делали обычно из нескольких видов муки: соевой, фасолевой, кунжутной с добавлением сушеной хурмы, каштана и сахара [9, с. 187].

⁵⁶ «Внутриведомственные инструкции годов Энги» – сочинение в 50 свитках, составленное в 927 г, однако его статьи введены в действие только в 967 г. Текст «Энгисики» представляет собой конкретизацию законодательного свода «Ёро рицурё» и указов императора и является важнейшим источником по истории японского государственного аппарата и раннего синто, его сакральной географии и ритуальной практике [1, с. 43].

⁵⁷ 1171-1175 гг.

⁵⁸ Упоминание об *инокомоти* встречается в 9-й главе «*Повести о Принце Гэндзи*»: «*Вечером принесли лепешки-моти по случаю дня Свиньи. Поскольку пора скорби еще не миновала, никаких пышных церемоний в тот день не устраивали, только во флигель были доставлены изящные кипарисовые коробки, наполненные разнообразными лепешками*». Гэндзи просит унести *моти* и подать их на следующий день. За днем Свиньи следовал день Крысы («*нэ-но-хи*»), *отсюда и игра слов «нэ-но-моти» – «моти в честь дня Крысы*». «Нэ» одновременно означает и «крыса», и «спать». Таким образом, речь идет об особых *моти* («*микаё-но моти*»), которые полагалось вкушать новобрачным на Третью Ночь [9, с. 187].

⁵⁹ *Сэцубун* – последний день перед началом каждого сезона, но обычно его соотносят с наступлением весны. Фактически это японский новый год по лунному календарю.

вон! Счастье в дом!»). И это уже стало обычаем. Во дворце государя в этот день проводят обряд *цуйна*. Он заключается в том, чтобы изгнать всевозможных злых духов из дворца. Другое название этого обряда *они-яраи*. В хронике династии Хань⁶⁰ встречается упоминание о том, что с наступлением ночи в этот день смешивали зерно с бобами и разбрасывали их. Бобы являются одним из пяти основных злаков. В древности один поэт воспел в своих стихах новгородные бобы, а затем бросил их наземь, и бобы попали прямо в глаза злым духам, находившимся в доме. Поэтому и сейчас считается, что когда разбрасывают бобы, они летят прямо в глаза демонам.

Карп – *кои*

Как сказано в книге *Ши цзин* в главе «Песни Чен»⁶¹: «Если и употребляют в пищу речную рыбу, то это непременно должен быть карп». Среди всех рыб карп считается самым вкусным. Когда у Конфуция родился сын, то по случаю этого события в качестве подарка был прислан карп, и отец решил назвать сына *Ли* – что означает «карп», а после обряда совершеннолетия – *гэнпуку* мальчик получил новое имя – *Бо Юй*⁶². Несомненно, эта рыба является благожелательным символом! Карп двигается вверх по водам Желтой реки от гор *Кунлун*, минуя горы *Цзи Ши Шань* на пути к бурному водопаду, который называют «ворота Дракона»⁶³. Здесь, у этого водопада течение становится в три раза сильнее, а шум от него подобен раскату миллиардов громов, что раздаются одновременно. Весной в третьем месяце, когда цветы от персиковых деревьев опадут в воды Реки, карп начинает плыть вверх по течению к водопаду. Если он сумеет перепрыгнуть водопад, то он превратится в Дракона. Если же он не справится с этим препятствием, то сорвется в бурлящие воды и погибнет. Среди всех рыб только у карпа, у самой выдающейся рыбы, может возникнуть желание – преодолеть водопад! Превратившись в дракона, он

⁶⁰ 206 г. до н.э. – 220 г. н.э.

⁶¹ 12-я глава книги *Ши цзин*.

⁶² Первый иероглиф 伯 «бо» означает «старший из братьев», второй 魚 «юй» – «рыба».

⁶³ Сюжет известной легенды «Лиуйтяолунмэнь» (鲤鱼跳龙门) о карпе, который, преодолевая бурные воды Желтой реки на пути к месту нереста, двигался вверх по реке против ее течения и благодаря своему огромному упорству и целеустремленности сумел перепрыгнуть водопад, пройдя через символические «Ворота Дракона», превратившись в Дракона и поднявшись в Небо. В этом качестве карп в китайской культуре символизирует усердие, упорство, непоколебимость, стремление к намеченной цели, способность преодолевать жизненные трудности и преграды. Этот образ также являет собой метафору постоянного усердия и достижения цели [6, с. 516].

поднимается высоко в облака и, цепляясь за туман, свободно парит между небом и землей. Также карп является олицетворением энергии «инь». Числовой символ «инь» равен шести, а шесть раз по шесть – это тридцать шесть, и именно такое количество чешуи у карпа, независимо от того взрослая это рыба или еще маленькая. У всех рыб, когда они умирают, меняется цвет. Только карп и после смерти остается прежнего цвета.

Морской судак – *судзуки*

Когда *У-ван*⁶⁴ совершал переправу по реке *Мэнцзинь*, то вокруг кораблей плавало много белой рыбы. Он принял это за благое предзнаменование, и ему удалось свергнуть государя царства *Чжоу*⁶⁵ из династии *Шан* и стать правителем Поднебесной. Как гласят источники, белая рыба была морским судаком, который верно служил *У-вану*. Великий полководец *Цао Цао*⁶⁶, который жил в эпоху Троецарствия, очень любил вкусно покушать, в том числе и морского судака из *Сонкō*⁶⁷. Как-то раз один даосский монах *Цзоу Чи* налил в медное блюдо воды и с помощью магии на глазах у изумленной публики и перед самим *Цао Цао* выудил из этого блюда судака из *Сонкō*.

В эпоху Троецарствия блюдо *намасу*⁶⁸ из судака вместе с бульоном из водного растения бразения⁶⁹ считалось особенным и готовилось только в *Сонкō*. Затосковав по этому блюду, *Дунпоцзюйши*⁷⁰

⁶⁴ У-ван – основатель китайской династии Чжоу, правивший ок. 1046-1043 гг. до н.э.

⁶⁵ Ди Синь – полулегендарный последний император китайского государства Шан-Инь, правивший в 1075-1046 гг. до н.э.

⁶⁶ Цао Цао (155-220) – китайский полководец, автор сочинений по военному делу и поэт, первый министр династии Хань.

⁶⁷ *Сонкō* или *Сё:кō* (松江) – это японское чтение китайской провинции Сунцзян (располагалась в северо-восточной части, сейчас – название округа около Шанхая). В Китае с давних времен был широко известен морской судак из Сунцзяна. По легенде, один человек, происходивший из этих мест, добровольно отказался от высокого чина и вернулся в родную деревню, так как не смог навсегда отказаться от привычки каждое лето кушать блюдо *сасими*, приготовленное из морского судака из его родной деревни в провинции Сунцзян. Интересно, что в Японии морским судаком славится город с точно таким же иероглифическим написанием – Мацуэ (松江) [20].

⁶⁸ Мелко наструганная сырая рыба, приправленная уксусом.

⁶⁹ Монотипный род многолетних водных растений с плавающими листьями. По своей форме это растение похоже на лотос, но считается более древним.

⁷⁰ *Су Ши* (выступавший под псевдонимом *Су Дунпо*) (1037-1101) – знаменитый китайский поэт, эссеист, художник, каллиграф и государственный деятель эпохи династии *Сун*, известен своим произведением «Ода Красной Стене».

вернулся в *Сонкō* и стал ловить судака большого и мелкого у красной стены. Поскольку морской судак белого цвета, то он очень похож на серебристую речную рыбу. Когда готовишь из этой рыбы блюдо *намасу*, то кусочки получаются тонкими, словно нить, и можно приготовить разные виды *намасу*: *ито-куваи*, *кёку-куваи*. В эпоху правления династии *Суй*⁷¹ считалось, что *кёку-куваи* обладает изысканным юго-восточным вкусом. В нашей стране морской судак стал символом процветания дома *Тайра*, у корабля *Тайра Киёмори* также было много этих рыб, выпрыгивающих из воды.

Речной карась – *фуна*

Карась относится к семейству карповых. Еще в сочинениях *Чжуан-цзы*⁷² встречается упоминание о карасе, который водится в дорожной колее, поэтому рыба эта известна с давних времен. Карась издавна является деликатесом: в трактате «*Вёсны и осени господина Люя*» говорится, что при приготовлении блюда *умаки*⁷³ используется карась из озера *Дунтинху*⁷⁴. В своих стихах *Су Шунь Цинь*⁷⁵ писал, что в одиночестве с утра до вечера долго-долго ждал на мосту *Сё:кё*: Золотистого карася. Значит, существует и карась золотистого цвета. Этот пруд называется Пруд Золотистого Карася. Подобно тому, как место *Сонкō* славится своим судаком, так и озеро *Дунтинху* славится карасями. А также известны карась из *Ōми*⁷⁶ и карп из *Ёдо*⁷⁷.

Морской карась – *тай*

Давным-давно во времена Богов, когда *Хикохоходэми-но Микото*⁷⁸ ловил рыбу, крючок заглотила рыба-акамаэ⁷⁹. Однако Владыка Воды освободил

⁷¹ 581-618 гг.

⁷² Чжуан-цзы – знаменитый китайский философ, предположительно IV века до н.э. эпохи Сражающихся царств, входящий в число учёных Ста Школ.

⁷³ Блюдо, представляющее из себя филе рыбы (обычно угря), вымоченное в сладком соусе, затем обжаренное и завернутое в омлет.

⁷⁴ Большое неглубокое озеро в северо-восточной части китайской провинции *Хунань*.

⁷⁵ Один из знаменитых поэтов эпохи Сун. Годы жизни 1008-1048 гг.

⁷⁶ Историческая область Японии, которая сегодня включает префектуру Сига. В центре провинции находилось озеро Бива.

⁷⁷ Главная река префектуры Осака. Единственная река, вытекающая из южной части озера Бива в городе Оцу, административном центре префектуры Сига.

⁷⁸ Хикохоходэми-но Микото, также известен под именами Хоори или Ходэри-но микото, – в японской мифологии божество, рождённое в браке *Ниниги* с *Кохохана-Сакуя-химэ*; является одним из прародителей императоров Японии.

⁷⁹ Красный карась.

рыбу-акамаэ, снял её с крючка. Может, история эта случилась и не с акамаэ, а с *кутимэ*. *Акамаэ* – это карась. *Кутимэ* – это лобан⁸⁰. Поэтому морской карась известен еще с легендарных времен. В тексте *Фудоки*⁸¹ земли *Нагато-но-куни*⁸² упоминается, что пролив *Симо-но-сэки*⁸³ был назван в честь рыбы *акамаэ*. Его следовало бы называть *Акамаэ-но-сэки*, но ошибочно прижилось название *Симо-но-сэки*. В своде *Энгисики* также упоминается некая «плоская рыба», имеется в виду морской карась.

Кета – *сакэ*

Река *Коромогава* в провинции *Ōсю* и провинция *Этиго* славятся кетой. Известно три разных названия вяленой кеты: *совари*, *сиобики*, *карадзакэ*. *Минамото Ёритомо* была преподнесена эта рыба в вяленом виде от *Кадзивара Кагэтоки*⁸⁴. Однажды *Дайнагон*⁸⁵ *Сидзё Такатика* слышал, будто бы невозможно достать сушеную кету даже для императорской трапезы, но он не поверил этому. «*Почему же нельзя найти сушеную кету?! Ведь сушеную рыбу аю*⁸⁶ *подают императору во время трапезы*». В Китае также с наслаждением едят эту рыбу. В *Нанси*⁸⁷ упоминается, что *Юку*

⁸⁰ Промысловая рыба, самая крупная из серых кефалей.

⁸¹ *Фудоки* (風土記, «Описание провинций») – один из древнейших памятников японской письменности VIII в. Отрывки описаний провинций, кроме полностью сохранившихся *Идзумо-фудоки* и частично *Харима*, *Хитати*, *Бунго* и *Хидзэн*, были собраны ученым школы национальных наук *Бан Нобутомо* (1773-1846), отрывки из описаний 40 провинций в 1903 г. опубликовал *Курита Хироси* (1835-1899). Среди опубликованных отрывков описаний провинции *Нагато* не упоминается. Вряд ли ученые, собиравшие отрывки, упустили его, тем более учитывая ссылку *Хаяси Радзан*. Скорее, во времена *Хаяси Радзан* отрывок существовал в каком-либо письменном памятнике, который был впоследствии утрачен. (*Комментарий Симоновой-Гудзенко Е.К.*)

⁸² Историческая провинция Японии в округе *Санъёдо* на крайней юго-западной оконечности острова *Хонсю*.

⁸³ Автор употребляет вариант иероглифического написания *赤間関*, т.е. – «Красная застава».

⁸⁴ *Кадзивара Кагэтоки* (1140-1200) – приближенный *Минамото Ёритомо* (1162-1200). Был шпионом *Минамото* во время войны *Гэнпэй* (1180-1185), заслужил дурную славу завистника и гонителя *Ёсисунэ*, младшего брата *Минамото Ёритомо*, легендарного полководца войны *Гэнпэй*. Считается, что именно по навету *Кагэтоки* сразу после войны *Ёритомо* устроил охоту за своим младшим братом. Один из героев средневекового эпоса «Сказание о *Ёсисунэ*».

⁸⁵ Старший государственный советник.

⁸⁶ Вид форели.

⁸⁷ Хроника, описывающая историю Южных Династий с 420 по 589 гг.

Хаси отведал 27 видов кеты. Даже Ду Фу⁸⁸ написал в стихотворении, что ему стыдно, что кета не подается на стол. А Хуан Тинцзянь⁸⁹ писал в одном из своих произведений: «Женщина накормила свою свекровь умело приготовленной кетой». Если вспомнить о традиционной фитомедицине, то у иероглифа «кета» одинаковое чтение с иероглифом «кацура»⁹⁰. Существуют люди, которые считают, что кету лучше называть *кэй*, как и дерево *кацура*. Но я называю кету – *сакэ*, как это было изначально принято в Японии.

«Рыба из королевских обедков»⁹¹

Когда правитель китайского царства У⁹² Хэ-лу⁹³ сплавлялся по реке, он кушал *намасу*⁹⁴ из рыбы, а обедки выбрасывал в реку. Попав в реку, обедки превращались в рыб. Так и закрепилось за этой рыбой название «рыба из остатков *намасу*». Она также называется «рыбой из королевских обедков». По другой версии, рыба появилась из обедков правителя царства Северная Чжоу⁹⁵ Юйвэнь Чань⁹⁶.

Кальмар или «вороний разбойник»

Кальмар всплывает на поверхность воды, отчего становится заметен воронам, однако как только вороны пытаются его клонуть, кальмар сворачивается «трубочкой», хватает птиц и утаскивает их под воду. За это он и получил название «вороний разбойник». Живущие у морского берега люди рассказывают, что во времена династии Суй⁹⁷ в Восточное море были выброшены мешочки-*санбукуро*⁹⁸, которые и превратились в кальмаров. Поэтому кальмар выглядит как рыба, подобен мешочку и внутри у него черная тушь. Если кальмара сначала солят, а затем сушат, то называют такой способ приготовления *мэйсё*, а если

его сушат, пока он свежий, – *тансё*. Однако и в том, и в другом случае кальмара едят сушеным.

Осьминог – *тако*

В Японии осьминога называют либо *сё:гё*, либо *тако*. Люди в царстве Минь⁹⁹ и царстве Юэ¹⁰⁰ ели осьминога вместе с уксусом, изготовленным из имбиря. Хань Юй¹⁰¹ писал, что в битве с морскими гребешками осьминог выглядел ужасающе. У осьминога тело маленькое, а щупальца длинные, поэтому его также называют «*сэкикё*» – «длинный камень». Его солят и жарят. Иногда осьминога называют «*тэнага дако*» – «длиннорукий осьминог». В японском языке китайский иероглиф «сё» («паук») читается как «тако», но откуда возникло это чтение, неизвестно. Осьминог – это тот же длинноногий паук. Осьминог похож на паука, поэтому и был позаимствован этот иероглиф.

Медуза – *курагэ*

У медузы нет глаз. Всплывая на поверхность воды, медуза становится похожа на вату. Рядом с медузами часто водятся креветки, но когда пытаешься поймать креветку, она уходит под воду, а вместе с ней уходит и медуза. В книге *Вэнь Сюань*¹⁰² говорится, что креветка – глаза медузы. Также говорится, что медуза одалживает глаза у креветки. По-японски медуза называется «*суйбё*». Но есть и другие названия: *сэкикё*: – «каменное зеркало», *кайкё*: – «зеркало моря», *кайда* – «морская змея». Медузу окунают в воду с повышенным содержанием известняка или алюминия, добавляют пепел от ростков баклажана, а затем промывают и употребляют в пищу с имбирным уксусом.

Креветка – *эби*

Существует несколько вариантов написания иероглифа «креветка»¹⁰³, но в обоих случаях сло-

⁸⁸ Ду Фу (712-770) – китайский поэт эпохи Тан.

⁸⁹ Китайский каллиграф. Представитель цзяньсийской поэтической школы. Годы жизни 1045-1105 гг.

⁹⁰ Кацура (桂) – багряник японский, используется в медицинских целях.

⁹¹ Рыба-лапша, вид корюшки.

⁹² Удельное царство периода Чуныцю (722-481 гг. до н.э.) в древнем Китае.

⁹³ Хэ лу (кит. 闕閭) – правитель царства У в 514-496 гг. до н.э.

⁹⁴ Мелко настроганная сырая рыба, приправленная уксусом.

⁹⁵ Государство Тоба периода Северных и Южных династий (420-589) в Северном Китае в 557-581 г. Впоследствии его сменила династия Суй.

⁹⁶ Юйвэнь Чань (кит. 宇文 盛) – правитель царства Северная Чжоу в 579-581 гг.

⁹⁷ 581-618 гг.

⁹⁸ Элемент придворной одежды периода Хэйан (794-1185), представляющий собой маленькую коробочку с выгравированным силуэтом рыбы, которая крепилась к поясу.

⁹⁹ Одно из Десяти царств, существовавшее в 909-945 гг. Располагалось в горных районах нынешней провинции Фуцзянь и пользовалось почти полной независимостью.

¹⁰⁰ Древнекитайское царство, которое населяли народы юэ. Находилось на территории современной провинции Чжэцзян с VII в. до 333 г. до н.э.

¹⁰¹ Хань Юй (768-824) – китайский философ, историк, писатель, поэт, каллиграф.

¹⁰² Вэнь Сюань (дословно – «Избранные литературные произведения») – один из древнейших сборников китайской поэзии, в него вошло 578 поэтических и прозаических произведений (начиная с IV-III вв. до н.э. вплоть до нач. VI в.), представляющих творчество 129 авторов [5, с. 255-266].

¹⁰³ Хаяси Радзан приводит два варианта иероглифического написания слова «креветка» – 蝦 и 蝦. В современном японском языке обычно используется вариант иероглифического написания – 海老 или же слово записывается слоговой азбукой.

во произносится как «эби». Креветки, которые водятся в реках и озерах, окрашены в белый цвет, а креветки, которые водятся в оврагах, – в пепельный. Однако если их поместить в кипяток, то любые креветки становятся красного цвета. В Китае их едят, предварительно приправив уксусом. Их могут готовить и на пару. Также креветки вымачивают в имбирном уксусе. Большие креветки называются морскими креветками, потому что они водятся в море. Из креветок делают блюдо *намасу*. Их также сушат. Один из видов морской креветки – это креветка *Исэ-эби*¹⁰⁴.

Сушеная рыба – *хосимоно*

Сушеную рыбу называют «хб»¹⁰⁵, так как, когда рыбу сушат, она становится меньше. В *Ли Цзи*¹⁰⁶ такую рыбу называют «мёртвой рыбой». Свежую пресноводную рыбу сушат и солят, такой вид называется «тангё». Если рыбу насаживают на деревянную палочку и выставляют на улицу сушиться или потрошат, а затем насаживают на веревку, то она называется «хбгё». А если просто солят, то – «энгё». Всё это разные виды вяленой рыбы. Некоторые рыбы источают очень неприятный запах при вялении. Например, рыба-коносиро. В Японии морское ушко тоже называют «хб», его сушат, предварительно насадив на деревянную палочку. В этом случае и морское ушко может считаться сушеной рыбой. Сырое морское ушко нельзя назвать «хб». Морское ушко называют «хакугё» или «кэ-цумэйси». В древней песне поётся, что к приезду императора в доме необходимо заранее повесить занавеси¹⁰⁷ и решить, какую рыбу ему преподнести. Без морского ушка никак не обойтись¹⁰⁸.

¹⁰⁴ *Исэ-эби* – это вид японского лобстера, дословно – «креветки из Исэ», так как именно место Исэ (соврем. провинция Миэ) славилось большими креветками. Считается, что любая креветка – это символ долгожительства, так как длинные усы и согнутая спина олицетворяют старость, поэтому креветки были неизменным атрибутом новогодней трапезы. По другой версии, название этого вида креветки произошло от слова «исэи» (威勢, досл. – могущество, влияние). Так как в названии уже была заложена благопожелательная символика, креветка *Исэ-эби* стала неотъемлемым угощением или украшением праздничного стола.

¹⁰⁵ 鮑 – рыба, которая уменьшилась в размерах в ходе сушки.

¹⁰⁶ «Книга ритуалов» – один из главных канонов конфуцианства.

¹⁰⁷ Это связано с запретом смотреть на императора. Считалось, что, взглянув на императора, можно ослепнуть, поэтому во время аудиенций император обычно находился за ширмой или за специальными занавесями.

¹⁰⁸ Морское ушко-*аваби* с древнейших времен было неотъемлемым блюдом на праздничном столе (особен-

Носи

*Носи*¹⁰⁹ – это сушеное морское ушко¹¹⁰. Его также называют «сэкикэцумэй» или «кукōра». Из-за того, что в этом моллюске девять дырочек, его и называют «кукōра».

Утюг делают из меди. В него кладут горячие угли, а затем им разглаживают вещи. В царстве *Цзинь*¹¹¹ пока мать *Канкōхаку* шила одежду для своего сына *Кōхаку*, он принес ей утюг. Мать предложила разгладить хакама, но *Кōхаку* сказал, что это не имеет смысла. Если внутри утюга огонь, то ручка утюга сильно нагревается. А когда надеваешь одежды, то подол всё равно останется мятым. *Кōхаку* был тогда совсем маленьким, он проявил сыновнюю почтительность по отношению к матери и показал свою сообразительность. Мать очень удивилась.

но во время новогодней трапезы), так как символизировало удачу, процветание и долголетие. Начиная со второй половины периода Токугава (1603-1867) сушеное морское ушко являлось одним из основных предметов экспорта из Японии в цинский Китай, где считалось, что блюда из *аваби* обладают особыми свойствами и идеально подходят для императорской трапезы. В Японии моллюски-*аваби* также с древних времен являются частью новогоднего ритуального украшения-*симэкадзари*: соломенных жгутов с вплетенными в них зигзагообразными полосками бумаги, кусочками тканей, пучками соломы, сушеными фруктами и рыбками. См. комментарий к *носиаваби* и *утиаваби*.

¹⁰⁹ *Носи* (熨斗) означает «утюг».

¹¹⁰ *Носиаваб* – это мясо моллюска-морское ушко, растянутое на тонкой полоске и высушенное на солнце. В периоды Нара (710-794) и Хэйан (794-1185) считалось неизменным атрибутом праздничных придворных застолий, так как символизировало удачу и долголетие. Позже традиция употребления в пищу этого моллюска в сушеном виде была позаимствована представителями военного сословия. Самураи часто брали *носиаваб* в военные походы, поскольку продукт этот не портился. По одной из версий, «носи» означает «победа», что также повлияло на укоренение традиции потребления *носиаваб* в военном сословии [17, с. 69]. Обладающий благопожелательной символикой сушеный моллюск-*носиаваб* также использовали в качестве декоративного оберточного материала: моллюск высушивали на солнце, растягивали, нарезали на тонкие полоски, сплетали их в сложные узлы и прилагали к праздничной упаковке подарка. Традиция в измененном виде дошла до наших дней. Упаковочную бумагу в Японии называют «носигами», то есть «бумага из моллюска-аваби» [15, с. 143]. См. комментарий к *утиаваби*.

¹¹¹ Царство Цзинь – одним из самых могущественных удельных царств эпохи Чуньцю (722-481 гг. до н.э.) в древнем Китае, находившееся преимущественно к северу от реки Хуанхэ, основная территория которого лежала в современной провинции Шаньси.

Морское ушко вытягивают, сушат и строгают. Так получается *носи* или *утиаваби*¹¹² – «домашнее морское ушко». Во время правления династии Хань¹¹³ изготавливали специальные талисманы из разных камней, а также из меди. В длину они достигали 2 сяку 5 сун¹¹⁴. Ставили эти талисманы возле места, где сидели. Они способствовали благоприятной и спокойной атмосфере. «Утиаваби» делали похожими на утюг и на эти талисманы.

Журавль – *цуру*

Во время правления династии Чжоу¹¹⁵ правителю преподнесли кровь белого журавля. Её пьют для того, чтобы стать сильным. В анналах династии Хань говорится, что обычно охотились на черного старого журавля, которого затем использовали в качестве подношения правителю. Известно, что если слушать *кото*¹¹⁶, распутные песни и любоваться журавлями, то это приведет к упадку страны¹¹⁷, поэтому необходимо сжечь, пустить на дрова *кото*, а журавля – съесть¹¹⁸. Только отшельники умеют летать на журавлях. Журавль живёт очень долго и является птицей с благопожелательной символикой¹¹⁹.

¹¹² *Утиаваби* (打ち鮑) – то же самое, что *носиаваби*. Название, видимо, было придумано представителями военного сословия от слова «уцу» – атаковать, нанести удар. Сушеный моллюск-*утиаваби* считался самым подходящим подарком для самурая из-за его благопожелательной символики. См. комментарий к *носиаваби*.

¹¹³ 206 г. до н.э. – 220 г. н.э.

¹¹⁴ Около 76 см.

¹¹⁵ 1045-221 гг. до н.э.

¹¹⁶ Японская цитра, щипковый музыкальный инструмент.

¹¹⁷ Последователи учения Конфуция придавали большое значение «правильной музыке» в вопросах управления государством. С одной стороны, «музыка» (*юэ*, 樂) считалась хорошим средством контроля настроений общества: правильная «музыка» способна породить в народе правильную эмоцию, а единая эмоция – это мощный рычаг управления народом. С другой стороны, в плохом обществе поют плохие песни. К примеру, предметом нападок Конфуция была «музыка» княжества Чжэн с ее фривольными мотивами, совместными (мужчины с женщинами вместе) танцами и т.п. В государстве, в котором слушают такую «музыку», не может быть хорошего правления [11].

¹¹⁸ Скорее всего, традиция потребления журавля в пищу могла быть связана с древними представлениями о том, что через еду в человека переходят качества съеданной жертвы, а журавль считался символом долголетия, прочности, неуязвимости.

¹¹⁹ В Китае и в Японии журавль издревле был символом долголетия, стойкости и преданности. Считалось, что журавли моногамны и их пары сохраняются в течение всей жизни, а если один из особей умирает, то вто-

Лебедь – *кугун*

Лебедь – это небесный гусь. А в Японии он называется «*хакутё*»¹²⁰ – белой птицей, лебедем. Лебедь считается деликатесом¹²¹, и его подают на официальные пиршества. Говорят, что если съешь лебедя, то станешь сильным.

Дикий гусь – *ган*

Дикие гуси прилетают осенью с севера на юг. А весной улетают с юга на север. По законам мирового порядка они летают парами и живут парами, поэтому в Китае при сватовстве принято дарить дикого гуся как символ прочного замужества¹²². В *Шицзин*¹²³ говорится, что на дикого гуся и утку часто охотятся. В *Чу цы*¹²⁴ говорится, что дикого гуся жарят.

рой остается один до самой смерти, поэтому журавль также являлся символом верности, а его изображение было неотъемлемой атрибутикой свадебного ритуала. В древних даосских легендах журавль почитался священной птицей, спутником или перевозчиком бессмертных-*сянь*. В китайской мифологии журавль был птицей, связанной со светлым началом ян. В Японии журавль считался самой вкусной птицей и был самым популярным объектом соколиной охоты среди самураев. В период Эдо крупные военные феодалы-даймё дарили убитых журавлей сёгуну в знак особой почтительности и уважения. Известно, что правительство предпринимало попытки регулировать популяцию этих птиц и даже был издан указ, по которому запрещалось убивать и потреблять в пищу журавлей всем, кроме представителей военного сословия [4, с. 672; 18, с. 139-141].

¹²⁰ 白鳥 – «лебедь».

¹²¹ Наряду с диким гусем, уткой и журавлем считался неотъемлемым блюдом придворных пиров. На лебедя, как и на ряд других птиц, разрешалось охотиться только представителям военного сословия.

¹²² В Китае гусь ассоциировался с силой ян, солярным культом и мужским началом, а также считался птицей, приносящей семейное счастье. В Японии гусь считался одним из деликатесов и непременным атрибутом праздничной трапезы в высших сословиях. В японском искусстве образ перелетного гуся символизирует наступление осени.

¹²³ «Книга песен» – один из древнейших памятников китайской литературы. Включен в канонический сборник конфуцианских текстов У-цзин.

¹²⁴ Свод «Чу цы» («Чуские строфы») – антология китайской поэзии. Первый вариант свода был составлен Лю Сяном (77-6 гг. до н.э.), собравшим вместе пятнадцать уже имевшихся древних и ханьских текстов и добавившим к ним свое собственное творение. Второй и считающийся окончательным вариант свода «Чу цы» был предложен поздниханьским филологом Ван И (89-158), прокомментировавшим вариант свода Лю Сяна и тоже дополнившим его сочиненным им самим циклом [7, с. 52].

В *Хэ Ханьшу*¹²⁵ упоминается, что кто-то в шутку сказал, чтобы сделаться управителем уезда *Яньмэнь*¹²⁶, необходимо съесть дикого гуся.

Курица – *ниватори*

Курица была особенно популярна в Китае. Также очень ценились куриные яйца¹²⁷.

Фазан – *кидзи*

У фазана разноцветное оперение, поэтому его используют как украшение. Если на родовом гербе изображен фазан, это означает, что род чтит законы чести. Фазан стойко приемлет свою смерть, поэтому его часто преподносят в дар военным. Летом вяленое мясо фазана подают на стол императору. Это блюдо называется *тидзэн*. *Чжун Ю*¹²⁸, ученик Конфуция, как-то преподнес в дар своему учителю самку фазана. В *Чжоу ли* упоминается шесть¹²⁹ разных птиц, которых употребляют в пищу, среди них есть и фазан.

Фазан считается деликатесом¹³⁰. Одна из разновидностей фазана называется *кэй*. Фазан-*кэй* обитает на пастбищах. Иными словами, *кэй* – это японский фазан – *ямадори*.

¹²⁵ «История династии Поздняя Хань» – продолжение исторической хроники Ханьшу, охватывающее период с 25 по 200 гг.

¹²⁶ «Врата гусей» – уезд (и даже округ) и стратегический перевал через горы Хэншань в провинции Шаньси между нынешним уездным центром Дайсянь и древним городом Гуаньфу.

¹²⁷ Известно, что в японском рационе питания яйца и курица заняли место именно благодаря испано-португальским вкусовым привычкам, однако данная глава подтверждает, что для Хаяси Радзан был важен лишь китайский прецедент.

¹²⁸ Чжун Ю (другое имя – *Цзи Лу*, 542-480 гг. до н.э.) – один из десяти учеников Конфуция.

¹²⁹ Шесть видов птиц – это гуси, перепела, трёхперстки, фазаны, горлицы и голуби (*янь* 雁, *чунь* 鶉, *янь* 鷓, *чжи* 雉, *цзю* 鳩, *гэ* 鴿).

¹³⁰ В Японии фазан наряду с диким гусем и журавлем был излюбленным объектом соколиной охоты и считался деликатесом. Мясо фазана сравнивали с карпом – «королем среди рыб». В литературной традиции фазан считался символом родительской любви или супружеской верности. В классической японской поэзии образ фазана – это образ весенней птицы, ищущей корм на диких болотах и истошно кричащей, пытаясь привлечь особь противоположного пола. Однако, в литературе периода Муромати крик фазана трактовался как символ привязанности матери к своему ребенку. Образ фазана был также связан с темой жертвенности, так как взрослый фазан, если его в поле настигает пожар, никогда не покидает своих детенышей и сгорает дотла [18, с. 117-118].

Перепелка – *удзура*

В хронике династии *Хань* говорится, что мясо перепелки сперва солили, а затем жарили на огне. В *Ли цзи* упоминается, что из мяса перепелки варили суп. Перепелку также опускают в *сакэ*, затем оборачивают мясом листьями *дерева-тадэ* и тушат.

Первый иероглиф в слове «*хōтэй*» означает «кухня». Второй иероглиф [丁] взят из имени. Повар ведает делами кухни, часто разделяет мясо, рыбу и птицу, поэтому и нож, которым он пользуется, называется «*хōтэй*». Давным-давно на нож вешали колокольчик, поэтому при резке всегда раздавался приятный звук. Такой нож называли «нож феникса». В *Шицзин* и в *Ли цзи* слова «феникс» и «колокольчик» читаются одинаково – «*ран*». *Чжуан Цзы* говорил, что когда режешь ножом – *хōтэй*, то раздается звук от колокольчика, будто бы идёт представление. Существует и другой вид ножа – *варитō*. К нему не прикрепляют колокольчик, но он также хорошо режет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боги, святилища, обряды Японии. Энциклопедия Синто / А.Н. Мещеряков, Е.М. Дьяконова, Л.М. Ермакова и др.; под ред. И.С. Смирнова. М.: РГГУ, *Orientalia et Classica*, 2010.
2. Горегляд В.Н. Дневники и эссе в Японской литературе X-XIII вв. М.: Наука, 1975.
3. Духовная культура Китая. В 5-ти т. Т. 1. Философия / под. ред. М.Л. Титаренко [и др.]. М.: Восточная литература, 2006.
4. Духовная культура Китая. В 5-ти т. Т. 2. Мифология. Религия / под. ред. М.Л. Титаренко [и др.]. М.: Восточная литература, 2007.
5. Духовная культура Китая. В 5-ти т. Т. 3. Литература. Язык и письменность / под. ред. М.Л. Титаренко [и др.]. М.: Восточная литература, 2008.
6. Духовная культура Китая. В 5-ти т. Т. 6 (дополнительный). Искусство / под. ред. М.Л. Титаренко [и др.]. М.: Восточная литература, 2010.
7. Кравцова М.Б. Поэзия Древнего Китая: Опыт культурологического анализа. Антология художественных переводов. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994.
8. Мифы народов мира. В 2-х т. Т.2 / под ред. С.А. Токарева. М.: Советская энциклопедия, 1988.
9. Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи (Гэндзи-моногатари). Т. 1. / пер. и коммент. Т.Л. Соколова-Делюсина. СПб.: Гиперион, 2010.

10. Нихон сёки. Анналы Японии. В 2-х т. Т. 1. / пер. и коммент. Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1997.
11. Рыков С.Ю. Древнекитайская философия: Курс лекций. М.: ИФ РАН, 2012.
12. Симонова-Гудзенко Е.К. Пищевая культура // История Японской культуры. М.: Наталис, 2011. С. 322-350.
13. Сутра о цветке лотоса чудесной дхармы / пер. и коммент. Игнатович А.Н. М.: Ладомир, 1998.
14. Encyclopedia of Korean Folk Culture. URL: <http://folkency.nfm.go.kr/eng/twelvemonths.jsp?id=1410&d=&m=june>
15. Lindsey, W.R., 2007. Fertility and pleasure: ritual and sexual values in Tokugawa Japan. Honolulu: University of Hawaii Press.
16. Nishiyama, M. and Groemer, G. eds., 1997. Edo culture: daily life and diversions in urban Japan, 1600-1868. Honolulu: University of Hawaii Press.
17. Rath, E., 2010. Food and fantasy in early modern Japan. Berkeley: University of California Press.
18. Shirane, H., 2012. Japan and the culture of the four seasons: nature, literature, and the arts. New York: Columbia University Press.
19. Кодзиэн: дай сан хан [Японский толковый словарь]. Токио: Иванами Сётэн, 1991.
20. Нихон-но сюн сакана-но оханаси [О сезонных рыбах в Японии]. – Режим доступа: <http://www.maruha-shinko.co.jp/uodas/syun/16-suzuki.html>
21. Хаяси Радзан. Хо:тё: сёроку [Заметки повара] // Нихон дзуйхицу тайсэй. [Сборник эссе-дзуйхицу] / под ред. Нихон дзуйхицу тайсэй хэнсю:бу, 23: 337-49. Токио: Ёсикава Кобункан, 1976.
22. Ямамото Митико. Сики-но гёдзи-но омотэнаси [Правила проведения сезонных праздников]. Киото: ПиЭйчПи эру Синсё, 2012.
- REFERENCES**
1. Smirnov, I.S. ed., 2010. Bogi, sv'yatilishcha, obryadi Yaponii. Entsiklopediya sinto [Gods, temples, sacred rites of Japan. Encyclopedia of Shinto religion]. Moskva: RGGU, Orientalia et Classica. (in Russ.)
2. Goreglyad, V.N., 1975. Dnevnik i esse v yaponskoi literature X-XIII vv. [Diaries and essays in Japanese literature of X-XIII centuries]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
3. Titarenko, M.L. ed., 2006. Dukhovnaya kultura Kitaya. Filosofiya [Spiritual culture of China. Philosophy.]. Vol. 1. Moskva: Vostochnaya literatura. (in Russ.)
4. Titarenko, M.L. ed., 2007. Dukhovnaya kultura Kitaya. Mifologiya. Religiya [Spiritual culture of China. Mythology. Religion]. Vol. 2. Moskva: Vostochnaya literatura. (in Russ.)
5. Titarenko, M.L. ed., 2008. Dukhovnaya kultura Kitaya. Literatura. Yazik i pis'mennost' [Spiritual culture of China. Literature. Language and writing system]. Vol. 3. Moskva: Vostochnaya literatura. (in Russ.)
6. Titarenko, M.L. ed., 2010. Dukhovnaya kultura Kitaya. Iskusstvo [Spiritual culture of China. Art]. Vol. 6. Moskva: Vostochnaya literatura. (in Russ.)
7. Kravtsova, M.B., 1994. Poeziya drevnego Kitaya. Opit kul'turologicheskogo analiza. Antologiya khudozhestvennikh perevodov. [Poetry of ancient China: an attempt of cultural analysis. An anthology of literary translations]. Sankt-Peterburg: Tsentr «Peterburgskoye vostokovedeniye». (in Russ.)
8. Tokarev, S.A. ed., 1988. Mifi narodov mira [Myths of the peoples of the world]. Vol. 2. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. (in Russ.)
9. Murasaki Shikibu, 2010. Povest' o Gendzi. [The tale of Genji]. Vol. 1. Sankt-Peterburg: Giperion. (in Russ.)
10. Nihon Shoki. Annali Yaponii [Nihon Shoki. The chronicles of Japan]. Vol. 1. Sankt-Peterburg: Giperion, 1997. (in Russ.)
11. Rikov, S.Y., 2012. Drevnekitayskaya filosofiya. Kurs lektsii [Ancient Chinese philosophy. Lectures]. Moskva: IF RAN. (in Russ.)
12. Simonova-Gudzenko, E.K., 2011. Pishchevaya kultura [Food culture]. In: Istoriya yaponskoi kulturi. Moskva: Natalis, pp. 322-350. (in Russ.)
13. Sutra o tsvetke lotosa chudesnoi dkharmy [Sutra on the White Lotus of the sublime dharma]. Moskva: Ladomir, 1998. (in Russ.)
14. Encyclopedia of Korean Folk Culture. URL: <http://folkency.nfm.go.kr/eng/twelvemonths.jsp?id=1410&d=&m=june>
15. Lindsey, W.R., 2007. Fertility and pleasure: ritual and sexual values in Tokugawa Japan. Honolulu: University of Hawaii Press.
16. Nishiyama, M. and Groemer, G. eds. 1997. Edo culture: daily life and diversions in urban Japan, 1600-1868. Honolulu: University of Hawaii Press.
17. Rath, E., 2010. Food and fantasy in early modern Japan. Berkeley: University of California Press.
18. Shirane, H., 2012. Japan and the culture of the four seasons: nature, literature, and the arts. New York: Columbia University Press.

19. 新村出,1991. 広辞苑第三版 [Comprehensive dictionary of Japanese language]. 東京:岩波書店. (in Japanese)

20. 本の旬・魚のお話[Seasonal fish in Japan]. URL: <http://www.maruha-shinko.co.jp/uodas/syun/16-suzuki.html> (in Japanese)

21. 本随筆大成, 23:337-49, 1976. 林羅山 包丁書録 [«Records of the knife» by Hayashi Razan]. 東京: 吉川圭三. (in Japanese)

22. 山本三千子, 2012. 四季の行事のおもてなし [The rules of seasonal festivals]. 京都:PHPエル新書. (in Japanese)

ЭВОЛЮЦИЯ ЧАСТНОГО КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ В РУССКОЙ ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЕ

В статье рассматривается проблема эволюции частного коллекционирования в русской дворянской усадьбе, обосновываются три основных периода в развитии усадебного коллекционирования на протяжении XVIII – XX вв. В первый период усадебное собирательство было связано с данью моде, доступной очень небольшому кругу придворной аристократии вблизи столиц, служило созданию атмосферы европейского образа жизни. Второй период освоения европейских ценностей связан с провинциальным дворянством и усадьбами, а также с открытием национальной темы для коллекционеров. Третий период усадебного коллекционирования связан с широкой распространенностью этой практики, публичностью, признанием образованного общества, приводит к появлению усадеб-музеев разного типа.

Ключевые слова: история России, частное коллекционирование, европейская культура, дворянская усадьба

Evolution of private collecting in Russian manor houses. OKSANA V. IGNATIEVA
(Perm State Humanitarian-Pedagogical University)

The article examines the evolution of the private collecting practices in manor houses of Russian nobility. The author identifies three major periods in the manor collecting during the period of the XVIIIth – the beginning of the XXth centuries. First, manor collecting was a matter of fashion, available to a very small circle of court aristocracy of capital cities and aimed at creating an atmosphere of European way of life. During the second period collecting was a part of the lifestyle of provincial nobility, their manors and the discovery of a national theme for collectors. In the third period this practice becomes widespread, public, recognized by the educated part of the society and leads to the emergence of museum-manors of various types.

Keywords: Russian history, private collecting, European culture, manor house

Если следовать акторно-сетевой теории Б. Латура [5], то в процессе европеизации России акторами выступали не только люди, но и вещи, объекты. Культурные практики, связанные с освоением мира новых вещей европейского происхождения (нового типа жилища, интерьеров, костюмов), не менее значимы для освоения европейского образа

жизни русским дворянством, чем соответствующие указы. От степени владения новыми практиками, включающими постоянное использование вещей европейского происхождения, например, умение носить европейский костюм, прическу, аксессуары, зависел в том числе и статус в придворном обществе.

* ИГНАТЬЕВА Оксана Валерьевна, кандидат исторических наук, заведующая кафедрой культурологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

E-mail: ignatieva2007@rambler.ru

© Игнатьева О.В., 2017

Одним из обязательных атрибутов европейской культуры в русском обществе начиная с Петра I становится европейское искусство. Европейская художественная культура из посредника превращалась в проводника новой системы ценностей, образа жизни, новых практик. Театр, музыка, литература, изобразительное и декоративно-прикладное искусства, заимствованные из Европы, требовали новых типов созерцания, навыков «потребления» и включенности.

Частное коллекционирование появляется в России в XVIII в. как один из каналов европеизации и постепенно становится культурной практикой, востребованной образованным обществом. По изменению предметов собирательства можно судить как об эволюции самого коллекционирования, так и о переменах, происходивших в обществе и культуре. В XVIII в. коллекционирование в русском обществе рассматривалось скорее как вельможная прихоть, забава монархов и приближенных к ним аристократов, но уже в начале XIX в. статус коллекционирования меняется, накапливая смыслы общественной пользы, прагматического или научного интереса.

Собирательство как практика систематизации объектов, будь то произведения искусства, книги, природные экспонаты, одновременно предполагает некое экспонирование, если не для чужих глаз, то хотя бы для самого коллекционера. Поэтому коллекционирование невозможно представить себе вне определенного пространства, которое задает вектор системы, концепции собрания, и представляется важным обратить внимание на варианты этого пространства.

Одним из пространственных локусов частного коллекционирования выступает дворянская усадьба, так как именно в дворянской среде первоначально осваивается практика собирательства. Как отмечает П. Рузвельт, «русское дворянство было последним аристократическим обществом в Европе, которому довелось выразить самое себя в усадебной жизни» [9, с. 28].

Формирование новой русской аристократии, дворянства, начинается при Петре I. Примером придворной культуры и аристократического этоса для русского двора были европейские дворы, прежде всего, немецкий и французский. Во Франции двор, по мнению Н. Элиаса, выступал не просто «репрезентативным органом», но и «фильтром», через который проходило все, что появлялось в стране [14, с. 57]. В России XVIII в., в период абсолютной монархии, для императорского двора были характерны те же функции. Репрезентация власти и роскоши, стремление затмить европей-

ские дворы – все это вело к размаху каменного строительства дворцов, загородных резиденций, появлению садово-паркового искусства европейского типа.

Вхождение в состав придворного общества требовало от новой русской аристократии рачительности и «демонстративного потребления», но, с другой стороны, только вхождение в придворный круг, близость к власти могли быть инструментами карьеры и обогащения, получения чинов и званий, земель и крепостных. «Эта своеобразная ситуация, жесткая привязанность к своему обществу, которое является их подлинной родиной, при относительно легко меняемом месте проживания – не в последнюю очередь определила их характер и характер их домов. Все в этих домах ... указывает на тесную связь владельца с этим обществом...» [14, с. 60-61]. Социальный статус отражался в архитектурном облике домов, в степени богатства их интерьеров, в ценности художественных коллекций, представленных во дворцах и усадьбах.

Вслед за императорскими дворцами и загородными особняками русские аристократы строили свои городские и загородные усадьбы, прежде всего в Петербурге и его окрестностях, а потом и в Москве и Подмосковье. Эта новая архитектура соответствовала публичной жизни и тем событиям, с которыми была связана жизнь при дворе, – приемы, балы и маскарады, светские обеды и ужины с фейерверками.

Одна из современных исследователей русской усадьбы П. Рузвельт определяет первоначальный смысл этой формы культуры как аристократическую забаву. Можно согласиться с автором, многие дворянские усадьбы XVIII в. вместе с наспех собираемыми коллекциями европейского искусства скорее служили забавой, праздником, чем постоянным местом жизни.

В исследованиях по русским усадьбам часто можно встретить словосочетания «усадебное собирательство», «усадебные коллекции». В какой мере можно говорить о коллекционировании применительно к усадебной культуре? С точки зрения сторонников семиотического подхода, дворянская усадьба, как в Европе, так и в России, это целостный текст, включавший в себя природный ландшафт, парки и сады, архитектуру, соответствующую определенному стилю, а также интерьеры. Обязательной частью интерьеров аристократических особняков становились произведения искусства, которые мы воспринимаем чисто эстетически, как варианты определенного стиля, но которые самими современниками воспринимают-

ся в то же время как в высшей степени дифференцированное выражение социальных различий [14, с. 77].

Таким образом, наличие в интерьерах русских усадеб произведений искусства не может служить доказательством практик коллекционирования. Так было принято, это соответствовало престижу, моде и внутреннему единству стиля. Не случайно те из русских дворян, кто не мог себе позволить покупать подлинные произведения искусства, с легкостью находили другой вариант решения данной задач – творчество крепостных мастеров, копировавших шедевры европейского изобразительного искусства, строивших по планам иностранных архитекторов усадебные комплексы.

Для большинства дворян важным было не собрать коллекцию живописи, скульптуры, фарфора или мебели в соответствии со своими индивидуальными предпочтениями, а продемонстрировать, в том числе и роскошными интерьерами усадьбы, свой статус и степень просвещенности.

На этом фоне особенно интересно присмотреться к тем аристократам и владельцам усадеб, которые выбирали для себя коллекционирование как неотъемлемую часть образа жизни. Для второй половины XVIII – начала XIX вв. – времени расцвета русской усадьбы – одним из самых известных коллекционеров был князь Н.Б. Юсупов (1751 – 1831), обустроивший для своего собрания подмосковную усадьбу Архангельское, которую называли «русским Версалем»¹.

Николай Борисович Юсупов принадлежал к узкому кругу аристократических семей, приближенных к русскому престолу, он получил разностороннее домашнее образование, овладел пятью европейскими языками, по примеру многих аристократических семей завершив образование в Европе в Лейденском университете и совершив обязательное образовательное путешествие. Николай Борисович начал государственную службу в 1772 г. в Коллегии иностранных дел [3]. Непосредственным начальником князя был Д.И. Фонвизин, который не только имел собственную художественную коллекцию гравюр и картин, но и, имея возможность выезжать в Европу, привозил

произведения искусства для продажи. Возможно, одним из источников увлечения художественным коллекционированием стало именно общение с Д.И. Фонвизиним.

С 1783 г. начинается дипломатическая служба князя в Италии. В том числе Н.Б. Юсупов выполнял и поручения Екатерины II относительно приобретения для Эрмитажа и для нее лично произведений искусства и антиков. В Италии Н.Б. Юсупов имел возможность посещать мастерские художников, приобретать произведения живописи и скульптуры для своей коллекции. Возвратившись в Россию в 1788 г. по требованию Екатерины II, Николай Борисович выполнял многие поручения императорского двора, так или иначе связанные с художественной жизнью и привычным для него кругом общения, консультировал царскую семью по поводу закупок произведений в Эрмитаж, не забывая пополнять и свою коллекцию. Так в числе отклоненных картин для приобретения в Эрмитаж были полотна Д.-Б. Тьеполо, которые приобрел Н.Б. Юсупов. Позднее в Архангельском будет специальная комната, отведенная живописи этого художника.

После выхода в отставку Н.Б. Юсупов переехал из Петербурга в Москву, где, до покупки Архангельского, разместилась и его коллекция. Архангельское, каким его замыслил и обустроил Н.Б. Юсупов, – это и роскошные декорации для приема именитых гостей, и идеальный мир, достойный просвещенного аристократа. «Как Архангельское не есть доходная деревня, а расходная, и для веселия, а не для прибыли, то стараться...то заводить, что редко, и чтобы все было лучше, нежели у других», – писал Н.Б. Юсупов своему приказчику [2, с. 31]. Коллекции занимали в этом сконструированном мире не последнюю роль. Скульптура украшала собою сады и парки, интерьеры комнат и галерей. Живопись любимых европейских художников (а других в коллекции Юсупова не было) не только напоминала о мифологических, религиозных и исторических сюжетах, но и о знакомстве со знаменитыми художниками, для которых князь выступал покровителем и заказчиком.

В случае с Архангельским можно отметить, что коллекции во многом определяли планировку дворца: был салон Тьеполо или Венецианский зал, салон Роббера. Весь декор, краска стен – все должно было соответствовать колориту представленных в комнатах картин. Сложно судить, как в таком доме, больше похожем на музей, можно вести повседневную жизнь, что это за тип повседневной созерцательности. Усадьба – как храм муз,

¹ Относительно Архангельского существовала легенда, которая передавалась в разных изданиях. Впечатленный приемом в Версале 28 мая 1782 г. будущий император Павел Петрович высказал пожелания иметь в России подобие Версаля. Князь Н.А. Голицын в это время заказывает проект главного усадебного дома в Архангельском (См. об этом, напр.: Крючкова М.А., Парушева В.Г. Русский Версаль: Усадьбы князей Голицыных Архангельское и Никольское-Урюпино. М.: Русский мир, 2012).

и все они служат одному господину, который изредка, «с барского плеча» может этим миром поделиться с монархами, аристократами или художниками и поэтами.

Таким образом, на примере Н.Б. Юсупова можно отметить следующие тенденции, характерные для коллекционеров придворного круга. Европейское образование и мода на коллекционирование европейского искусства в придворных кругах формировали первоначальный интерес к собирательской практике. Возможность быть советником императорских особ по вопросам приобретения произведений искусства, переписка, личные встречи и поручения – все это позволяло чувствовать себя в кругу приближенных, избранных. Личная благосклонность монархов, к которой всегда так ревностно стремятся придворные, в том числе давала возможность не только получать чины и звания, но и вести тот образ жизни избранных, который позволял путешествовать по Европе, тратить огромные средства на покупку произведений искусства, завести в России личный Версаль.

Приобщаясь к европейской культуре, Н.Б. Юсупов стремился ее репрезентировать своим образом жизни, в который обязательным атрибутом входило почитание искусства, как квинтэссенции красоты, добра и истины, и покровительство деятелям искусства, роль мецената. Возможно, идеальным воплощением стиля жизни, совмещавшего и придворную публичность, и некоторую интеллектуальную самоизоляцию, для Юсупова стала именно усадьба Архангельское, которая для многих в России и впоследствии представлялась как едва ли не единственное поместье европейского типа [4, с. 61].

Второй круг освоения европейских ценностей связан с провинциальным дворянством и усадьбами. П. Рузвельт называет эту форму патриархальным миром. В первой половине XIX в. дворянская усадьба окончательно укореняется в ландшафте русской культуры, не случайно жизнь в усадьбе так воспевалась славянофилами. Именно с этого времени рождается миф о русской усадьбе как родовом гнезде, так широко представленный в русской литературе. Для этого мира характерно подражание столичной аристократии, в том числе в собирательстве и оформлении усадеб. Возможности для приобретения подлинных произведений европейского искусства были далеко не у всех, поэтому копирование крепостными мастерами было широко принято. Символом усадьбы как родового гнезда становятся портретные галереи предков, распространенные в том числе и в провинции. По мнению Г.Ю. Стернина, семейные портреты, «обрастая легендами, ... были главными источниками

той мифологизации как времени, так и пространства, которая оказывалась неперменной частью самосознания усадебной культуры» [12, с. 47].

В конце XVIII – начале XIX вв. романтизм обращается к национальным культурам и их образцам, круг предметов коллекционирования пополняется историческими артефактами, свидетельствами национальной истории. На примере истории отдельных усадеб видно, как происходит переориентация в коллекционировании от европейского, например, античного искусства к собирательству «отечественных древностей», как принято было тогда говорить. Так случилось с усадьбой Поречье, где С.С. Уваров (1786-1855) создает «музей», собрание антиков, картин европейских художников, даже мраморный древнеримский саркофаг.

Сын С.С. Уварова, Алексей Сергеевич, получив домашнее образование, мог слушать в Поречье лекции известных русских профессоров – М.П. Погодина, Г.И. Спасского, С.П. Шевырева, Т.Н. Грановского. Закончив Санкт-Петербургский университет, А.С. Уваров служил по дипломатическому ведомству, но карьера дипломата его не устраивала, ему хотелось вести научные исследования в области отечественных древностей. Он начинает формировать свою коллекцию, которую после смерти отца и выхода в отставку перевозит в Поречье. Коллекция пополнялась покупкой старых рукописей, которых к середине XIX в. было около двух тысяч номеров. Был выпущен сборник рукописей графа А.С. Уварова [11], а самими рукописями пользовались многие известные ученые своего времени – Ф.И. Буслаев, М.П. Погодин, Н.С. Тихонравов, В.О. Ключевский.

Но еще большим увлечением для А.С. Уварова стала отечественная археология, в развитие которой он внес несомненный вклад. Позднее, особенно в советской историографии, археологическая и собирательская деятельность А.С. Уварова оценивалась крайне негативно, «классовым происхождением» объясняли причуды коллекционера: «типичные признаки дворянского коллекционерства: стремление к собиранию красивых вещей и пренебрежение рядовыми материалами, которые в силу своей массовости наиболее ценны для науки» [1, с. 533]. В 1930 г. В.И. Равдоникас утверждал, что к археологии Уваров «относился ... как к охоте, к балету, к разведению породистых лошадей, к карточной игре» [8, с. 35].

Если в последнем утверждении отношение А.С. Уварова к археологии можно связать с азартом, то, наверное, с этим сложно не согласиться. Возможно, этим азартом можно объяснить стремление как можно быстрее извлечь из небытия

курганых насыпей тайны и вещи, которые могут пролить свет на отечественную историю. Археологическое собрание А.С. Уварова пополнялось прежде всего путем археологических раскопок.

Музей в Поречье, пополненный А.С. Уваровым древними рукописями, археологическими находками, иконами, монетами, древней утварью, был открыт для посетителей, в 1853 г. в Москве вышел «Указатель Порецкого музеума для посетителей».

Итак, в отличие от первого периода в развитии русских усадеб и их коллекций, когда ближний круг придворной элиты осваивал европейскую культуру и искусство, для второго периода усадебного коллекционирования становится характерным собирательство русского искусства, в том числе в виде портретных галерей, а также отечественных древностей. Интерес к национальной истории, пробужденный в эпоху романтизма, не мог быть полностью удовлетворен сочинениями русских историков. Требовались вещественные доказательства наличия этой истории, уходящей корнями в самые древние эпохи. Этому интересу полностью соответствовала тогда археология, которую графиня П.С. Уварова назвала наукой для богатых людей. Без покровительства богатых и влиятельных людей это научное направление тогда развиваться не могло, не случайно А.С. Уварова называли «меценатом науки» [7].

Формирование усадеб-музеев продолжится и во второй половине XIX – начале XX вв. С точки зрения А.И. Фролова, в России в начале XX в. было около 50 частных усадебных музеев [13]. Третий период усадебного коллекционирования, связанный с широкой распространенностью этой практики, публичностью, признанием образованного общества, приводит к появлению усадеб-музеев разного типа.

Усадебные музеи конца XIX – начала XX вв. можно условно разделить на две основные группы по типу формирования коллекций: комплексные и профильные. Преобладали именно профильные усадебные музеи, которые условно можно разделить по преобладающей теме собирателей на подтипы: художественные, археолого-этнографические, историко-мемориальные, естественнонаучные, литературные, музыкальные [6, с. 12].

Владельцами усадеб и основателями усадебных музеев в конце XIX в. далеко не всегда были представители дворянских родов. Разбогатевшие промышленники и купцы становились новыми владельцами дворянских гнезд, приобщаясь тем самым к элитарным символам и практикам. Одной из таких дворянских практик было коллекционирование, собрания вместе с усадьбой могло переходить к новым владельцам.

Новой темой для собирательства становится народная культура. Одним из примеров подобного увлечения народной культурой становится подмосковная усадьба Абрамцево. В середине 1870-х гг. она была приобретена С.И. Мамонтовым и с этого времени постепенно становится одним из художественных центров. В Абрамцевский художественный кружок входили многие известные русские художники, В.А. Серов, В.М. Васнецов, М.А. Врубель, И.Е. Репин, И.И. Левитан и др. В стремлении к возрождению народных ремесел в Абрамцево возникают мастерские народных промыслов, собирается и экспонируется коллекция предметов народного быта. Такие художественные объединения вокруг усадеб и их собраний становились «экспериментальными станциями» культуры и искусства [9, с. 357]. На их основе возникают своего рода учебные центры в разных областях художественной жизни. Русский стиль, национальный романтизм в искусстве занял место европейской культуры в архитектуре, декоративно-прикладном искусстве усадеб второй половины XIX в. Усадебные коллекции пополнялись, как предметами народной культуры, так и изделиями в новом стиле.

Ностальгия по «золотому веку» усадебной дворянской культуры в конце XIX – начале XX вв. приводит не только к желанию возродить утраченный «идеальный мир», как, например, в случае с усадьбой Талашкино и деятельностью М.К. Тенишевой, но и к изучению усадебных комплексов, их коллекций и собраний.

Таким образом, завершая тему усадебного коллекционирования, можно сделать следующие выводы. Усадьба в том виде, как мы ее знаем, как дворянское гнездо, формируется в процессе европеизации как очаг европейской культуры в России. Первоначальное освоение новых практик европейской жизни происходило в придворном обществе по инициативе императорской власти: «в России исполнение роли дворянина имело дополнительную культурную коннотацию: самодержавие требовало, чтобы дворяне вели себя, как европейцы» [9, с. 222].

Первые усадьбы придворных вельмож мало годились для повседневной жизни, скорее – для публичных праздников и фейерверков, и европейские коллекции, купленные без особого разбора для соответствующих интерьеров, не имеют особого отношения к практикам коллекционирования. Но постепенно дворянство, получая европейское образование, путешествуя, бывая в европейских усадьбах и королевских дворах, начинало включаться в общеевропейские художественные процессы, выступать меценатами и заказчиками произведе-

ний искусства, как для русского двора, так и для себя лично. Формировалась личная художественная избирательность, но все же в рамках того, что могли предложить мастерские и художественные рынки Европы, что было связано с европейскими художественными стилями. Эта избирательность соответствовала и роли просвещенного аристократа, который не только следует долгу на государственной службе, но и умеет интеллектуально проводить свой досуг в чтении, созерцании произведений искусства, в разговорах об искусстве. Усадебные коллекции в этом смысле сами выполняли просветительскую функцию. Произведения искусства, смысл которых не может быть прочитан без знакомства с античной мифологией, литературой, приучали и глаз, и мысль к аллегориям и символам, без которых не мыслим в том числе и придворный этикет. Этот визуальный ряд, отобранный и систематизированный коллекционером, выступал своего рода «тренажером» для формирования стиля мировоззрения и жизни русских европейцев.

Создать русский Версаль и наполнить его произведениями европейских художников могли очень немногие аристократы из числа приближенных к императорскому двору, регулярно бывавшие в Европе. Но статус, мода, канон потребления требовал от дворянского сословия соответствовать образу жизни, включавшему усадебный мир, наполненный европейскими, аристократическими символами. В ход шли все возможные средства, от копирования крепостными мастерами произведений европейских художников, скульпторов до воспитания своих крепостных художников, доросших, как показало время, до европейского уровня. Провинция стремилась успеть за столицами, провинциальные усадебные коллекции уже в начале XIX в. открывают новый мир объектов для собирательства, позволяющий выстраивать дискурс национальной истории. Мифология дворянского гнезда, которой соответствовали семейные истории в портретах предков, вполне укладывалась в общее увлечение и интерес к истории.

В нашей стране национализация усадеб вместе со всеми коллекциями, как правило, приводила к расформированию усадебных собраний. Может быть, это стало еще одной причиной поиска утраченного рая дворянских гнезд в современных исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арциховский А.В. Развитие археологии и этнографии до середины XIX в. // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955.

2. Безсонов С.В. Архангельское. Подмосковная усадьба. 3-е изд. М., 2012.

3. Буторов А.В. Князь Николай Борисович Юсупов. Вельможа, дипломат, коллекционер. М.: Астрель, 2012.

4. Врангель Н.Н. Старые усадьбы. Очерки русского искусства и быта. СПб., 1910.

5. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.

6. Мельников В.Л. Частные усадебные музеи в России во второй половине XIX – начале XX века (на примере усадебного музея князя П.А. Путятина в Бологом). Автореф. дисс. ... канд. культурологии. СПб., 2006.

7. Незабвенной памяти графа Алексея Сергеевича Уварова. Речи, прочитанные в соединенном заседании ученых Обществ 28 февраля 1885 года. М.: Книга по требованию, 2011.

8. Равдоникас В.И. За марксистскую историю материальной культуры // ИГА-ИМК, 1930. Т. VII. Вып. 3-4. С. 35-38.

9. Рузвельт П. Жизнь в русской усадьбе: опыт социальной и культурной истории. СПб.: Коло, 2008.

10. Савинская Л. Коллекция живописи князей Юсуповых – феномен художественной культуры России второй половины XVIII – начала XX века: от истоков формирования до издания каталога // Искусствознание. 2012. № 1-2. С. 435-479.

11. Собрание рукописей графа А.С. Уварова: [Критич. очерк] / М.Н. Сперанский. М.: Т-во тип. А.М. Мамонтова, 1896.

12. Стернин Г.Ю. Усадьба в поэтике русской культуры // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 1(17). М., Рыбинск, 1994.

13. Фролов А.И. Частный музей графов Уваровых в имении Поречье // Уваровские чтения – II. Муром, 21-23 апреля 1993. М.: ИВФ Антал, 1994.

14. Элиас Н. Придворное общество. Исследования по социологии короля и придворной аристократии. М.: Языки славянской культуры, 2002.

REFERENCES

1. Artsikhovskiy, A.V., 1955. Razvitie arkheologii i etnografii do serediny XIX v. [The development of archeology and ethnography before the middle of the XIX century]. In: Ocherki istorii istoricheskoy nauki v SSSR. Vol. 1. Moskva: Izd-vo Akademii nauk SSSR. (in Russ.)

2. Bezsonov, S.V., 2012. Arkhangel'skoe. Podmoskovnaya usad'ba [Arkhangelskoe. A manor near Moscow]. 3-e izd. Moskva. (in Russ.)

3. Butorov, A.V., 2012. Knyaz' Nikolay Borisovich Yusupov. Vel'mozha, diplomat, kollektzioner [Prince Nikolai Yusupov. Dignitary, diplomat, collector]. Moskva: Astrel'. (in Russ.)
4. Vrangel', N.N., 1910. Starye usad'by. Ocherki russkogo iskusstva i byta [Old manor houses. Essays on Russian art and everyday life]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
5. Latour, B., 2014. Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu [Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory]. Moskva: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki. (in Russ.)
6. Mel'nikov, V.L., 2006. Chastnye usadebnye muzei v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka (na primere usadebnogo muzeya knyazya P.A. Putyatina v Bologom) [Private manor museums in Russia in the second half of the XIXth – the beginning of the XXth century (the case of Prince P.A. Putyatin manor museum “Bologoye”)], avtoreferat dissertatsii kandidata kul'turologii. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
7. Nezabvennoy pamyati grafa Aleksey Sergeevicha Uvarova. Rechi, pročitannye v soedinennom zasedanii uchenykh Obshchestv 28 fevralya 1885 goda [To the unforgettable memory of Count Aleksey Sergeevich Uvarov. Speeches delivered at the joint meeting of scientific Societies on February 28, 1885]. Moskva: Kniga po trebovaniyu, 2011. (in Russ.)
8. Ravdonikas, V.I., 1930. Za marksistskuyu istoriyu material'noy kul'tury [For the Marxist history of material culture], IGA-IMK, T. VII, Vyp. 3-4, pp. 35-38. (in Russ.)
9. Ruzvel't, P., 2008. Zhizn' v russkoy usad'be: opyt sotsial'noy i kul'turnoy istorii [Life in a Russian manor house: an attempt of social and cultural history]. Sankt-Peterburg: Kolo. (in Russ.)
10. Savinskaya, L., 2012. Kolleksiya zhivopisi knyazey Yusupovykh – fenomen khudozhestvennoy kul'tury Rossii vtoroy poloviny XVIII – nachala XX veka: ot istokov formirovaniya do izdaniya kataloga [The collection of paintings of Yusupov family – the phenomenon of Russian culture of the second half of the XVIIIth – the beginning of the XXth century: from the origins to the catalogue publication], Iskustvoznaniye, no. 1-2, pp. 435-479. (in Russ.)
11. Speranskiy, M.N. ed., 1896. Sobranie rukopisey grafa A.S. Uvarova [Collection of manuscripts of Count A.S. Uvarov]. Moskva: T-vo tip. A.M. Mamontova. (in Russ.)
12. Sternin, G.Yu., 1994. Usad'ba v poetike russkoy kul'tury [Manor house in the poetics of Russian culture]. In: Russkaya usad'ba. Sbornik Obshchestva izucheniya russkoy usad'by. Vyp. 1(17). Moskva, Rybinsk. (in Russ.)
13. Frolov, A.I., 1994. Chastnyy muzey grafov Uvarovykh v imenii Porechye [Private museum on the Counts Uvarovs in Porechye]. In: Uvarovskie chteniya – II. Murom, 21-23 aprelya 1993. Moskva: IVF Antal. (in Russ.)
14. Elias, N., 2002. Pridvornoe obshchestvo. Issledovaniya po sotsiologii korolya i pridvornoy aristokratii [Court society. Studies in sociology of king and court aristocracy]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (in Russ.)

К.К. Кораблин*

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТРУДА ССЫЛЬНОКАТОРЖНЫХ ПРИ ОСВОЕНИИ И ЗАСЕЛЕНИИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В XVI – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье предпринята попытка осветить страницы истории России, связанные с заселением и хозяйственным освоением восточных окраин страны лицами, осужденными к наказанию в виде ссылки и каторги. Автор прослеживает развитие уголовно-пенитенциарной политики Российского государства в период с конца XVI до начала XX вв., изменение численности и состава ссыльнопоселенцев в зависимости от исторических событий, способы их транспортировки к месту поселения, а также виды работ, где использовался каторжный труд. Автор приходит к выводу, что для царского правительства каторга и ссылка была не только мерой наказания, но и одной из форм заселения и освоения Сибири и Дальнего Востока.

Ключевые слова: Сибирь, Дальний Восток, тюремная политика, лишение свободы, ссылка, каторжный труд

Towards the issue of the use of the convict labour in the economic development and settling of Siberia and Russian Far East (the XVIIth – early XXth century).
KONSTANTIN K. KORABLIN (Pacific State University)

The article attempts to highlight the pages of Russian history related to the settling and economic development of the eastern outskirts of the country by the exiles and convicts. The author traces the development of the penitentiary policy of Russian Empire from the end of the XVIIth century to the beginning of the XXth century, the change in the numbers and composition of the exiled in accordance with important historical events, the ways of their transportation to the place of settlement, and the types of work where the convict labour was used. The author concludes that for the tsarist government penal servitude and exile were seen not only as a punishment for crime, but also as one of the forms of settling and developing of the newly acquired territories.

Keywords: Siberia, Russian Far East, prison policy, imprisonment, exile, convict labour, prisoners

*Ах ты доля, моя доля,
Доля-долюшка моя,
Ах зачем же, злая доля,
До Сибири довела?...*

В.Н. Гартевельд
«Песни каторги»

Вся история России неразрывно связана с наказанием в виде лишения свободы – заточением в

монастырь, острог, крепость, тюрьму; отправкой в ссылку и на каторжные работы; помещением в смиренные и работные дома; осуждением в исправительные арестантские роты и т.п. Опираясь на систему принудительных органов, государство стремилось изолировать своих идеологических противников, остановить рост уголовной преступности, пресечь деяния лиц, склонных к совершению правонарушений, защитить законо-

* КОРАБЛИН Константин Климентьевич, кандидат юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Юридического института Тихоокеанского государственного университета.

E-mail: kkorablin@mail.ru

© Кораблин К.К., 2017

послушных граждан от насилия и произвола путём применения к лицам, преступившим закон, жёстких мер воздействия. Вместе с тем, обладая огромными пространствами, российское правительство стремилось освоить отдалённые, необжитые, богатые природными ресурсами территории, путём использования дешёвого труда лиц, осужденных за совершение государственных, уголовных, административных и иных преступлений.

Исследованию различных историко-правовых аспектов проводимой государством пенитенциарной (тюремной) политики занимались многие отечественные учёные. Однако и сегодня ощущается острый недостаток в комплексных научно-теоретических работах, посвящённых многим ещё не изученным проблемам, в полной мере раскрывающим некоторые особенности использования пенитенциарного контингента в целях заселения, хозяйственного и экономического освоения восточных краев России.

Историография дореволюционного периода русского тюремоведения многопланова. Она широко представлена дошедшими до наших дней фундаментальными трудами таких известных учёных-правоведов, как Е.Н. Анучин, С.К. Гогель, Д.А. Дриль, Н.В. Варадинов, М.Ф. Владимирский-Буданов, М.А. Колчин, А.Ф. Кистяковский, П.Л. Кропоткин, С.В. Максимов, С.П. Мокринский, В.Н. Никитин, Н.Г. Новомбергский, А.А. Панов, А.А. Пионтковский, С.В. Познышев, А.С. Пругавин, А.И. Свирский, Н.Д. Сергиевский, В.Л. Серошевский, Н.С. Таганцев, Е.Н. Тарновский, В.Н. Трапезников, И.Я. Фойницкий, Г.С. Фельдштейн, Н.М. Ядринцев и многие другие, работы которых посвящены проблемам исполнения наказания в виде лишения свободы с точки зрения его организационно-правового содержания, а также демографической, экономической, хозяйственной целесообразности и эффективности.

Особую ценность для исследователя представляют работы практиков тюремного дела – руководителей Главного тюремного управления М.Н. Галкина-Врасского, П.К. Грана, А.П. Саломона, А.М. Стремоухова, С.С. Хрулёва, а также М.М. Исаева, В.Д. Набокова, П.П. Почтарёва, собравших богатый фактический материал, ставший основой для теоретических исследований учёных-тюремоведов.

Представлять советский период отечественной пенитенциарной историографии, как эпоху, не имеющую глубоких социальных корней, было бы ошибочным. Преемственность автор-

Рис. 1. Обложка издания В.Н. Гартсвелъда «Песни каторги». 1912 г.

ских теорий, сложившихся в советский период, на наш взгляд, произошла в результате восприятия передовых научных идей, выдвинутых и сформулированных ещё в дореволюционную эпоху. Среди авторов советского периода, прямо или косвенно затрагивающих вышеуказанную проблематику, необходимо особо выделить Н.А. Беляева, А.В. Борисова, Н.П. Ерошкина, Н.Н. Ефремову, А.И. Зубкова, М.М. Исаева, И.И. Карпеца, В.М. Курицына, А.С. Михлина, Р.С. Мулукаева, А.Е. Наташева, И.С. Ноя, С.С. Остроумова, Н.А. Стручкова, Ю.М. Ткачевского, Г.А. Туманова, М.Д. Шаргородского, Д.И. Шинджикашвили, И.В. Шмарова и многих других. В ранней советской пенитенциарной историографии особняком стоит имя профессора Московского университета М.Н. Гернета, монументальный труд которого «История царской тюрьмы» целиком посвящён тюремной политике, проводимой царским самодержавием в период с 1762 по 1917 гг. [12].

Комплексные историко-правовые исследования конца XX – начала XXI вв., посвящённые различным аспектам реализации пенитенциарной политики России, принадлежат перу В.И. Алек-

сеева, Л.И. Беляевой, М.Г. Бодяк, О.Н. Бортниковой, А.В. Верещагиной, Т.У. Воробейковой, А.Я. Гришко, Т.О. Гусаровой, Ф.Ф. Давыдова, М.Г. Деткова, В.Н. Дворянова, А.И. Дубровиной, Н.Н. Ефремовой, С.М. Зубарева, А.А. Иванова, В.В. Казаченок, С.В. Кодана, С.И. Коломенцева Д.В., Кузьмина, О.С. Кузьминой, С.А. Кутякина, В.О. Лачиной, М.В. Лаврентьева, В.Н. Максимовой, А.П. Печникова, С.Ю. Овечкиной, А.А. Раскевича, В.А. Рогова, В.Б. Романовской, В.Н. Савардуновой, Н.В. Славинского, Е.А. Скрипилёва, П.В. Тепляшина, В.А. Уткина, Т.В. Шитовой и многих других.

Необходимо также отметить научный потенциал дальневосточных учёных, которые также внесли весомый вклад в развитие отечественной исторической науки, изучая развитие на Дальнем Востоке правоохранительных органов и органов исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы, совершенствования организационно-правовых основ их деятельности, профессиональной подготовки кадров, форм и методов борьбы с преступностью и т.п. Указанной проблематике посвящены научные работы С.Н. Бакшутова, М.Ю. Бобкова, С.А. Головина, В.Ж. Дорохова, О.П. Еланцевой, Э.В. Ермаковой, А.А. Плотникова, Н.А. Шабельниковой, М.А. Ковальчука, А.Ю. Котельникова, В.В. Сонины, Е.Н. Чернолуцкой, Е.В. Гамермана, Н.В. Кравчука и многих других.

Среди зарубежных авторов, чьи работы посвящены изучению пенитенциарной системы России, прежде всего необходимо назвать Джорджа Кеннана (1845-1924) [24] который в своей книге «Сибирь и ссылка», получившей всемирную известность, правдиво показал состояние тюрем, мест ссылки и каторги в этом далёком крае, изобразил быт и портреты заключённых, дал точные характеристики содержания революционного движения в России в 1870-1880-е гг., изучил социально-экономические и духовные проблемы, которые это движение порождали. В мае 1885 г. – августе 1886 г. вместе с художником и фотографом из Бостона Джорджем Фростом он совершил поездку по Сибири, знакомясь с системой каторги и ссылки.

Большую известность в нашей стране получил ещё один исследователь сибирской каторги и ссылки, шведский путешественник, этнограф, композитор Юлиус Наполеон Вильгельм Гартевельд (1859-1927), который в начале XX в. издал в Москве книгу «Каторга и бродяги Сибири» [10]. Выпускник Лейпцигской консерватории, он в 1906-1909 гг. объехал всю Сибирь, записывая

тюремные песни, песни сибирских каторжан, бродяг, публиковал их и исполнял на концертах. Подготовленный им сборник «Песни каторги» (1912) [11] стал одним из важнейших источников изучения музыкального фольклора сибирской каторги.

История свидетельствует о том, что, в середине XVI в. огромные территории, приобретённые Россией на северо-восточном побережье Тихого океана, становятся её далёкой окраиной. Царское правительство рассматривает их как районы сбыта готовой продукции, источник сырьевых ресурсов, зону экономической и сельскохозяйственной колонизации. Официальная правительственная политика была направлена на создание и укрепление здесь административно-чиновничьего и военно-полицейского аппарата, призванного обеспечивать социально-экономические и стратегические интересы России на её восточных рубежах.

Заселение, хозяйственное и экономическое освоение восточных окраин России предусматривалось осуществлять не только за счёт вольных поселенцев, но и путём отправки туда ссыльного и каторжного элемента. Царская администрация всерьёз рассматривала каторгу и ссылку, как одну из форм колонизации Сибири. По мнению известного русского учёного в области уголовной статистики Е.Н. Анучина (1831-1905), «эта богатая, но безлюдная страна, сильно нуждалась в руках для разработки скрытых в её недрах неисчерпаемых руд драгоценных металлов. С открытием даурских серебряных рудников и в особенности, с развитием горных промыслов в Нерчинске, по мере увеличивавшейся на тамошних заводах потребности в рабочих людях, последовало несколько указов об отправлении осуждённых на каторгу в сибирские казённые заводы... Потребность на рабочих в Сибири ещё более усилилась по случаю открытия горных заводов в Екатеринбурге и суконной фабрики в Иркутске. На работы в последней велено отправлять всех женщин, присуждаемых к ссылке... В Сибирь ссылали всех тяжких преступников и тех из второстепенных, которые не годились в военную службу и не могли быть помещены в крепостях» [1, с. 7-9].

Удаляя государственных и уголовных преступников из европейской части страны, царское правительство преследовало главную цель – расширить и укрепить границы России в завоёванных территориях путём их «штрафной колонизации». Чтобы удержать осуждённых от побегов, их отправляли в Сибирь вместе с жёнами и детьми на вечное житьё для занятия земледелием [32, с. 216]. Сибирским воеводами предписывалось наблю-

дать за тем, чтобы осужденные в местах ссылки занимались земледелием, а для этого им выдавать семенной хлеб, лошадей, рабочий скот [33, с. 95-129; 34, с. 428-429].

Согласно первой переписи населения в Сибири (1662), ссыльные и каторжные составляли примерно 8 из 70 тыс. человек населения этого сурового края. В последующие столетия ссылка и каторга являлись одним из источников роста народонаселения Сибири и формирования местного крестьянства.

Основной контингент ссыльнокаторжных первоначально составляли беглые крестьяне, дезертиры, нищие, бродяги, воры, мошенники, грабители, разбойники, фальшивомонетчики, контрабандисты, убийцы, богохульники, участники различных протестов, бунтов, восстаний, а также крепостные крестьяне, сосланные помещиками за порочное поведение [1, с. 25].

В период дворцовых переворотов 1740-х – начала 1760-х гг. сибирскую ссылку и каторгу стали пополнять участники политических заговоров и придворных интриг, видные государственные сановники – Г.Г. Скорняков-Писарев, М.Г. Головкин, А.Д. Меньшиков, А.Г. Долгоруков, А.И. Остерман и др.

На рубеже XVIII-XIX вв. ссылка и каторга в Сибири становятся более массовыми. Ссыльнокаторжные направлялись в различные районы Сибири, но основными местами их сосредоточения стали Нерчинские и Карийские серебряноплавильные рудники, железоделательные, винокуренные и другие заводы, расположенные преимущественно в Восточной Сибири.

В первой четверти XIX в. значительно повышается роль политической ссылки и каторги. В связи с ростом освободительного движения в стране, ссылка и каторга пополняются революционными демократами – борцами с царским самодержавием. Одним из первых прогрессивных русских мыслителей и общественных деятелей, сосланных в Сибирь, был А.Н. Радищев, однако действительно массовая ссылка революционеров начинается с декабристов. Среди них были братья М.А. и Н.А. Бестужевы, братья А.И. и П.И. Борисовы, братья В.К. и М.К. Кюхельбекеры, П.В. Аврамов, Я.М. Андреевич, А.И. Вегелин, С.Г. Волконский, И.И. Горбачевский, Д.И. Завалишин, К.Г. Игельстром, М.С. Лунин, А.Н. Муравьев, Е.П. Оболенский, А.В. Поджио, И.Ф. Шимков и многие др. [36, с. 5; 37, с. 127].

Несмотря на тяжёлые испытания, декабристы не изменили своим идеалам и продолжали служить народу. Их деятельность носила главным

образом просветительный характер. Они обучали местных детей, помогали юридическими советами сельским и городским жителям, выводили новые сорта культур и вводили передовую агротехнику, оказывали медицинскую помощь населению, занимались литературной и научной деятельностью, сами пахали, сеяли и убирали хлеб [21, с. 90-91].

С 1861 г. царское правительство стало всячески поощрять заселение Дальнего Востока. С 1880-х гг. ссыльные из европейской части России, Сибири и Забайкалья стали регулярно направляться в Амурскую, Приморскую области, Южно-Уссурийский край. В 1894 г. удельный вес ссыльнопоселенцев и каторжных был весьма высок (в Николаевске – 20,2%, Хабаровске – 13,1%, Владивостоке – 3,5%). Интересно, что несмотря на ограничения, которые существовали при поселении ссыльных в крупных административных центрах, их абсолютное большинство находилось в Хабаровске [31, с. 71].

В 1900 г. в Приамурском крае¹ проживало более 35 тыс. ссыльных, из них в Приморье – 4 тыс., т.е. 1,4% населения области [22, с. 65].

В XIX – начале XX вв. в России ежегодно росло число крестьянских волнений (1826-1834 гг. – 145, 1845-1854 гг. – 348, 1855-1860 гг. – 474) [8, с. 6], увеличивалось количество лиц, совершивших государственные (1884-1890 гг. – 538 чел., 1901-1903 гг. – 2599 чел., 1906-1912 гг. – 5052 чел.) и политические преступления (1902 – 15 чел.; 1903 г. – 43 чел.; 1904 г. – 18 чел.; 1905 г. – 308 чел.; 1906 г. – 4698 чел.; 1907 г. – 4335 чел.; 1908 г. – 7016 чел.) [30, с. 274-275].

В 1872 г. в составе Сената было учреждено «Особое присутствие для суждения дел о государственных преступлениях и противозаконных сообществах» – орган высшего суда по политическим делам. Политические процессы, как правило, завершались приговорами к смертной казни, отправкой в ссылку, на каторжные работы, либо заключением в тюрьму. За период с 1872 по 1881 гг. в Особом присутствии Сената было рассмотрено до 60 политических процессов: в 1874 г. – 3, в 1875 г. – 5, в 1876 г. – 11, в 1877 г. – 15, в 1878 г. – 17, в период с 1879 по 1881 гг. – 9 [18, с. 264-265].

С отменой крепостного права в 1861 г. число государственных и уголовных преступников, отправляемых на поселение и на каторгу в Си-

¹ Приамурское генерал-губернаторство было образовано 6 июня 1884 г. с центром в Хабаровке. В его состав вошли Амурская, Приморская, Забайкальская области и остров Сахалин. Первым генерал-губернатором был назначен А.Н. Корф.

бирь, как ни странно, стало увеличиваться. По характеру политическая ссылка становится преимущественно революционно-демократической, народнической. Через неё прошли революционеры-демократы Н.Г. Чернышевский, М.И. Михайлов, В.А. Обручев, Н.А. Серно-Соловьёвич и другие, историк-демократ А.П. Щапов, польские повстанцы (1863-1864), участники многочисленных народнических и народовольческих организаций, члены первых рабочих организаций [36, с. 8-9].

Учётом и распределением ссыльных по сибирским губерниям ведал Приказ о ссыльных, находившийся сначала в Тобольске, а затем в Тюмени. По данным Тюменского приказа о ссыльных, с 1853 по 1862 гг. в Сибирь было сослано 101 238 чел., а с 1863 по 1872 гг. – 146 380 чел. В 1891 г. в Сибири находилось 260 тыс. ссыльных. Они были разделены на пять категорий: 1) сосланные на каторгу; 2) сосланные на поселение; 3) сосланные для водворения; 4) сосланные на жительство; 5) сосланные в административном порядке.

Существовала ссылка в Сибирь двух видов: судебная и административная. По судебным приговорам, после отбытия наказания в виде лишения свободы, в ссылку отправляли на поселение в «места отдалённые» или «не столь отдалённые» на водворение или на жительство. Существовала также категория «водворяемых рабочих», которых ссылали в Сибирь в административном порядке для работы на казённых заводах.

Для царского правительства каторга и ссылка по уголовным делам была не только мерой исполнения наказания, но и одной из форм земледельческой колонизации Сибири, источником получения дешёвой рабочей силы для казённых заводов и рудников. Между тем, по сравнению с вольным переселением, колонизационная роль ссылки была невелика. Для прочной и широкой колонизации Сибири ссыльнопоселенцы представляли неустойчивый, текучий элемент, склонный к совершению преступлений [6, с. 39].

В конце 1881 г. общее количество тюрем в России (не считая полицейских арестных помещений) достигло 767 [13, с. 13]. К началу XX в. их уже насчитывалось 895 [8, с. 36].

Повсеместно в европейской части России тюрьмы были переполнены. Тюремные здания оставались старой постройки, в помещениях царили теснота, сырость, антисанитария. В отчёте Главного тюремного управления за период с 16 июня 1880 г. по 1 января 1882 г. указывалось, что переполнение тюрем в этот период к действительному количеству тюремных мест составляло

в размере более 24%. По некоторым местностям это переполнение достигало таких размеров, «что введение сколько-нибудь удовлетворительного порядка содержания арестантов находится почти вне всякой возможности». Переполненность тюремных камер достигала катастрофических размеров. Так, например, в Петраковской губернии на одно тюремное место приходилось 5,2 арестанта, Сувалкской – 2,7, Седлецкой и Оренбургской – 2,6, Саратовской – 2,5, в Симбирской – 2,3.

В отчёте Самарского губернского попечительного о тюрьмах комитета за 1862 г. отмечалось: «во всех тюрьмах средним числом содержалось ежедневно 1246 арестантов, по кубическому содержанию воздуха (2 куб. саж. на чел.) могло быть размещено в этих тюрьмах не более 673 чел.» Переполнение порождало эпидемические болезни среди арестантов, нередко угрожая заразою и свободному населению» [14, с. 38].

По данным, которые приводит Н.С. Таганцев, видно, что к 1880-м гг., например, в Казанской пересыльной тюрьме, построенной на 200 человек, нередко помещалось 400-600 человек и даже более; в Пермской пересыльной тюрьме еженедельное летнее количество осужденных доходило до 2000 человек, а зимой до 1500 человек. В Иркутской Александровской тюрьме, построенной на 1000 человек, к 1 января 1895 г. было 2166 человек. Наиболее переполненной была Томская тюрьма, в которой к концу навигации каждого года количество осужденных достигало до 3000 человек, однако тюрьма могла вместить не более 1200 человек [38, с. 120].

Хроническая нехватка тюремных помещений и их переполненность арестантами констатировалась и самим тюремным ведомством, которое по этому поводу в 1909 г. даже провело специальное обследование мест заключения.

Рост революционных настроений и социальной напряженности в обществе, и, как следствие, увеличение арестантского контингента в тюрьмах, заставляли царское правительство принимать меры по «переселению» избыточного количества осужденных из промышленных центров России в огромные необжитые пространства Восточной Сибири и Дальнего Востока.

В период с 1861 по 1898 гг., по данным Главного тюремного управления, в Сибирь было сослано 543,8 тыс. человек, включая членов их семей, добровольно последовавших за ними. На 1 января 1898 г. на всей территории Сибири, включая остров Сахалин, находилось 298 577 ссыльных (члены семей не учитывались). География представлена в таблице 1.

**География распределения ссыльных
в Сибири и на Дальнем Востоке на 1 января 1898 г.**

Регион	Количество ссыльных	В процентном отношении
Томская губерния	106 093	35,53
Тобольская губерния	38 334	12,83
Енисейская губерния	51 019	17,13
Иркутская губерния	71 800	24,01
Забайкальская область	14 395	4,82
Якутская область	5 177	1,73
Амурская область	679	0,23
Приморская область	2 177	0,71
Остров Сахалин	8 963	3,01

Регистрационный учёт всех ссыльных и членов их семей был налажен лишь в 1882 г. С этого времени по 1898 г. в Сибирь поступило 148 032 осужденных. За ними в ссылку последовало 81 043 члена их семей. По различным категориям ссыльных показатели их численности были следующими: административно-ссыльные – 77 158 чел. (52,1%); ссыльнопоселенцы – 46 002 чел. (31,1%); сосланные на водворение – 21 652 чел. (14,6%); сосланные на житьё – 3220 чел. (2,2%). Основная масса ссыльных попала в Сибирь внесудебным порядком (более 77 тыс. чел.), из них высланные по приговорам сельских и мещанских обществ составляли 93,7%, за совершение политических преступлений в ссылку были отправлены 6,3%.

Процедура распределения ссыльных являлась чисто механической. В Тобольскую и Томскую губернии направлялась основная масса административных ссыльных и ссыльных на житьё. Для отправки в Восточную Сибирь отбирались лица, ссылаемые на основании судебных приговоров, каторжные и бродяги. Трудовые навыки ссыльных, их возможности приспособиться к новым условиям жизни при этом не учитывались.

Не все ссыльные жили в определённых для них местностях. Большинство, по прибытии получив паспорт на «отлучку» для заработков, уходило и редко возвращалось назад. Характерной особенностью ссылки был устойчиво высокий процент беглых. На 1 января 1898 г. в «безвестной отлучке» в Енисейской губернии находилось от 22,6%

ссыльных, в Приморской области – до 84,8%. От общего числа ссыльных «безвестно отсутствующих» это составляло одну треть. Среди всего населения Сибири ссыльные к 1897 г. составляли около 5%, а среди заключённых сибирских тюрем – 70,2% [26, с. 23-25].

Побеги ссыльных, поиск которых в бескрайних просторах Сибири был чрезвычайно затруднён, способствовали развитию такого негативного явления, как бродяжничество (челдонство²). Изучая этот вопрос, профессор Н.С. Таганцев, ссылаясь на статистические данные, приводимые профессором И.Я. Фойницким, отмечал, что «ссылка страшно развивает бродяжничество: масса лиц возвращается в Европейскую Россию, ещё большие толпы странствуют по Сибири, где число бродяг определяется до 30 тысяч. Цифра болезней и смертности между ссыльными изумительна: она в 4-15 раз более заболеваемости свободного населения» [38, с. 114].

Придавая большое значение «штрафной колонизации» Восточной Сибири, начиная с первой четверти XVIII в., царское правительство неоднократно предпринимало попытки организовать в местах ссылки различные виды арестантских работ с целью хозяйственного и экономического освоения территории:

– в 1733 г. в Охотск была отправлена первая партия ссыльных для занятия их хлебопашеством,

² Челдón, чалдón или чолдón – бродяга, беглый, варнак, каторжник.

но из-за суровых климатических условий хлеб там не созревал, поэтому ссыльные разбежались по нажитым местам Сибири;

– в 1737 г. местом каторги и ссылки были назначены Иркутская губерния и Якутская область, а позднее – Камчатка [16, с. 26], где поселенцам предписывалось заниматься сельскохозяйственными работами, раскорчёвкой земли и подготовкой её под пашню и сенокосы;

– с 1738 по 1744 гг. ссыльные крестьяне отправлялись для заселения южной части Камчатки, но и здесь хлебопашество не утвердилось, ссыльнопоселенцы перешли на рыбный и зверовой промыслы;

– в 1760 г. в Иртышские крепости и остроги были отправлены 80 ссыльнокаторжных женщин, с разрешением местным крестьянам на них жениться (ссылка женщин-преступниц в эту местность продолжалась до вплоть 1800 г.);

– в 1783 г. правительство пыталось заселить Сибирский тракт от Якутска до Охотска;

– в 1799 г. указом императора Павла I предполагалось отправить на поселение в Сибирь около 10 тыс. ссыльных из отставных солдат и крепостных крестьян (всего же было отправлено лишь 1 454 чел.);

– предпринимались попытки заселить и Нижнеудинский округ (2769 ссыльных), районы между Енисейском и Туруханском (около 360 семей ссыльных);

– в 1829 г. был принят к реализации проект по водворению 6 тыс. ссыльных в Енисейскую и Иркутскую области и строительству для них специальных поселений (Енисейская область – 22, Иркутская – 5).

Усилия царского правительства не пропали даром. Так, к 1839 г. численность ссыльнопоселенцев в Енисейской и Иркутской областях выросла до 60 тыс. мужчин и 3835 женщин. Селения строились самими осужденными. Дома возводились красивые, большие, просторные. Все ссыльнопоселенцы получили от государства денежные ссуды, были снабжены рабочим скотом, земледельческими орудиями труда. Однако к концу 1840-х гг. все колонисты разбрелись (преимущественно – на золотые прииски), построенные ими дома были заброшены, хозяйство окончательно развалено [20, л. 112об-113об].

На каторжных работах в Сибири осужденные использовались в основном как бесплатная рабочая сила. Каторжные строили укрепления в пограничных городах, возводили военные сооружения и крепости, добывали соль в Илецке, выполняли различные работы на сибирских железодель-

ных заводах, а со времени передачи в 1760 г. Екатеринбургских и Нерчинских рудников в ведение Берг-коллегии, стали добывать здесь железную руду, золото, серебро, медь, свинец [20, л. 115об].

Главными производственными центрами царской каторги в Восточной Сибири были Иркутский (Усольский), Селенгинский, Усть-Кутский, Троицкий (Енисейская губерния) солеваренные, Александровский и Илгинский винокуренные, Николаевский железодельный каторжные заводы в Иркутской губернии, Тельминская фабрика, Петровский железодельный завод, Ленские золотые прииски, Желтугские, Урюмские, Карийские (семь каторжных тюрем, обслуживавших золотые прииски – Усть Кара, Нижняя тюрьма, тюрьма для политических заключенных, Нижние прииски, Средняя Кара, Верхняя Кара и Верхняя или Амурская тюрьма) золотые рудники, а также серебряные и свинцовые рудники Нерчинского горного округа (Акатуйский золотой рудник, Алгачинский, Покровский, Кадаинский, Смирновский, Александровский, Савинский серебряные рудники, Кутомарский завод по выплавке руды, копи Горного Зерентуя) в Забайкальской области. Особое место в системе мест заключения занимала Нерчинская каторга. Так, на 1 января 1886 г. на Карийских рудниках отбывали наказания 2507 каторжных (среди них было от 600 до 800 женщин с детьми).

К началу XX в. в России функционировало более десятка каторжных тюрем – Шлиссельбургская, Петропавловская, Динамондская, Илецкая, Новоборисоглебская и Новобелгородская в Харьковской губернии, Пермская, Симбирская, Виленская, Усть-Каменогорская в Семипалатинской губернии, Тобольские (№ 1 и № 2), Мальцевская женская каторжная тюрьма недалеко от Иркутска, Нерчинские и Карийские каторжные тюрьмы. В этот же период продолжали действовать, появившиеся ещё в 1870-х гг. каторжные централы в Москве (Бутырская тюрьма), Петербурге, Пскове, Новониколаевске (Херсонская губерния), Смоленске, Владимире, Ярославле, Вологде, Иркутске (Александровский централ, расположенный в 70 верстах от Иркутска).

После революции 1905-1907 гг. каторжной цитаделью в Восточной Сибири становится Александровский централ, где осужденные выполняли различные виды производственных работ в столярных, портняжных, слесарных мастерских, производили ручной помол (жерновами) хлеба, изготавливали кирпич, строили здания, трудились в сельском хозяйстве. Каторжный труд осужденных Александровской тюрьмы широко применял-

ся при строительстве Сибирской железной дороги. Среднее ежедневное число каторжных в Александровском центре составляло от 1400-2000 человек [19, л. 60об-61].

Отправка партий каторжных в Восточную Сибирь и на Дальний Восток осуществлялась по суше и по воде. В общих чертах этот нелёгкий путь выглядел следующим образом: от Перми до Тюмени сухопутным трактом (пешком или на подводах); от Тюмени до Томска водным трактом (на пароходах или на баржах); от Томска до Иркутска сухопутным трактом (пешком или на подводах); от Иркутска через Байкал (на баржах или на пароходах) в летнее время, а в зимнее – пешком или на подводах (кроме того существовал ещё и так называемый «кругоморской путь», проходивший по берегам Байкала, которым пользовались лишь в определенное время года); от восточного берега озера Байкал до верхнего течения реки Амур – сухопутный тракт (пешком или на подводах); по реке Амур – водным трактом (на баржах, паузках³ и пароходах).

Указанный путь движения арестантских партий из европейской части России на Восток был довольно труден и продолжался от 6-8 месяцев до 1-2 лет. Помимо уже названного существовал и другой маршрут – по морю (пароходами из Одессы на остров Сахалин). Основная часть осужденных, отправляемых этим путём, должна была отбывать каторгу на острове. Перевозка ссыльнокаторжных на Сахалин осуществлялась на судах Добровольного флота, специально оборудованных под содержание таких «путешественников».

Количество ссыльнокаторжных, отправляемых на Дальний Восток морским путём, было довольно значительным. Например, в 1890-х гг. ежегодно на Сахалин доставлялось от 1100 до 1300 арестантов. Морской путь был более коротким и занимал примерно 1,5-2 месяца, но в силу различных причин он мог растянуться и на более длительное время.

Передвижение ссыльнокаторжных более интенсивно осуществлялось в летний период, в осенне-зимний сезон большие партии арестантов накапливались в пересыльных тюрьмах и централах⁴ – в Тюмени, Томске, Красноярске, Иркутске и

некоторых других, ожидая либо начала навигации на сибирских и дальневосточных реках, либо когда дороги и трактовые пути будут готовы к нормальному функционированию.

Конвоирование осужденных осуществлялось специальными воинскими командами, которые имелись во многих городах Сибири и Дальнего Востока. Подчинялись они исключительно военному ведомству. Одной из повинностей местного населения, проживавшего в притрактовой полосе, было предоставление арестантским партиям подвод для перевозки больных и багажа, а также выделение сельской стражи, которая должна была осуществлять охрану этапных и полуэтапных помещений в период пребывания в них осужденных.

Для государственной казны стоимость доставки одного осужденного в Сибирь или на Дальний Восток составляла примерно от 300 до 800 рублей. И во столько же обходилась ссылка крестьянскому обществу, несшему, как было указано выше, расходы в форме различных натуральных повинностей [17, с. 14].

В годы массовых революционных волнений, когда поток ссыльнокаторжных заметно возрастал и имевшихся конвойных команд было недостаточно, военное руководство выделяло для этих целей подразделения регулярной армии и казачьи части. Однако это делалось с большим нежеланием, поскольку к охране или сопровождению «преступного элемента» привлекались воинские подразделения, не имевшие специальной подготовки.

В конце 1890-х гг., в ходе эксплуатации уже частично построенной Сибирской железной дороги, был существенно изменён не только способ пересылки каторжных, но сам маршрут их следования. Администрация Сибирской железной дороги имела в своём распоряжении несколько десятков специальных вагонов, предназначенных исключительно для перевозки арестантов. Одними из первых осужденных, доставленных таким образом в Восточную Сибирь, были члены «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса» [3, с. 72-74].

Тюремная реформа 1879 г. способствовала повышению значимости арестантского труда. С принятием закона от 6 января 1886 г. № 3447 «О занятии арестантов работами и распределении получаемых от сего доходов» [39] повсеместно осужденные стали привлекаться к различным видам работ: строительным, землеройным, сельскохозяйственным, механическим, железнодорожным, ремонтным, погрузочно-разгрузочным, столярным, сапожным, портняжным, ткацким и т.п. До этого, арестантские работы (за исключе-

³ Паузок – речное самоходное деревянное беспалубное судно малой грузоподъемности, с плоским днищем, предназначенное для перевозки грузов по мелководью.

⁴ Централ – крупная тюрьма центрального подчинения, т.е. находившаяся в непосредственном подчинении Главного тюремного управления (Рижский, Орловский, Владимирский, Александровский и др.).

нием каторжных работ и работ в военных арестантских ротах) ничем не регламентировались. Закон допускал эксплуатацию труда заключённых частными подрядчиками и самой администрацией тюрьмы. Та и другая система использования арестантского труда нередко превращала заключённых в настоящих рабов.

Циркуляры Главного тюремного управления, принятые в 1880-е гг. (от 25 апреля 1886 г. № 13; от 3 марта 1888 г. № 6; от 14 декабря 1888 г. № 21; от 25 июня 1889 г. № 16 и др.) уточняли условия арестантского труда как внутри тюремных помещений, так и вне пределов тюрьмы. Относительно видов арестантского труда внутри тюремных зданий Главное тюремное управление рекомендовало производить следующие виды работ: ткацкое производство; плетение веревок, корзин; изготовление предметов быта из соломы и разных волокон; ремонт щёточных изделий; пошив одежды, мешков, обуви и т.п. несложные занятия.

Развитие арестантских работ стало рассматриваться как один из основных источников, восполняющих расходы государства, выделяемых на содержание осужденных в тюрьмах. В связи с чем была введена следующая система распределения заработанных сумм: лицам, приговорённым к заключению в тюрьме – 4/10 части, лицам, приговорённым к наказанию в исправительных арестантских отделениях – 3/10, осужденным на каторгу – 1/10 часть от заработанной суммы. Из оставшихся средств одна половина перечислялась в доход государства, другая – в доход тюрьмы. Так, в 1880 – 1890-х гг. средний доход от каждой российской тюрьмы составил: в 1887 г. – 539 руб., в 1888 г. – 726 руб., в 1889 г. – 793 руб., в 1890 – 784 руб., в 1891 г. – 802 руб., в 1893 г. – 812 руб., в 1894 г. – 1081 руб. В 1892 г. в целом по России валовый доход от труда заключённых достиг 1 млн. руб., а годовой заработок одного арестанта в тюрьмах Санкт-Петербурга доходил до 64 руб., в Архангельской и Вологодской губерниях – до 35-36 руб. [4, с. 216-217].

Общая сумма поступлений от произведённых осужденными работ в 1887 г. по средней сумме в 1883-1885 гг. 245 тыс. руб. с отчислением в доход государства до 81 тыс. руб., в действительности составила 62 тыс. руб., а чистого дохода, распределённого между арестантами, местами заключения и казной, было около 540 тыс. руб., причём в пользу государства поступило около 166 тыс. руб., т.е. вдвое больше, чем предполагалось. Затем доходность, от произведённых арестантами работ, с некоторыми колебаниями возрастала [38, с. 133].

С 1902 г., когда в составе Главного тюремного управления было открыто специальное отделение по организации трудовой занятости осужденных, в тюрьмах стали вводиться и более сложные виды арестантских работ с применением ткацких машин фабрично-заводского типа.

В октябре 1915 г. было утверждено положение Совета Министров о привлечении к обязательным работам подследственных арестантов-рецидивистов («О привлечении к обязательным работам подследственных арестантов-рецидивистов»). Циркуляр Главного Тюремного Управления от 15 декабря 1915 г. № 55 [39].

В 1890-х гг. – начале XX в. труд ссыльнокаторжных широко использовался при постройке Сибирской, Уссурийской, Амурской железных дорог, Амурской шоссеиной дороги.

На заседании комитета Сибирской железной дороги 10 декабря 1892 г. император сказал: «Надеюсь при содействии вашем довести до конца начатую постройку Сибирского рельсового пути дёшево, а главное – скоро и прочно». Главное тюремное управление согласилось, что «единственной местной силой, которой можно воспользоваться для удешевления и ускорения постройки дороги, является труд арестантов». Министерство Юстиции по этому поводу отметило, что «Мера эта, с одной стороны, обеспечит постоянный контингент рабочих, по ценам низшим по сравнению с ценой на вольнонаёмный труд... с другой – послужит к привлечению на работы нуждающихся в заработке арестантов» [4, с. 218].

Начиная с мая 1910 г. по январь 1916 г. труд ссыльнокаторжных стал применяться и на строительстве Амурской железной дороги, где было занято около 2,5–3 тыс. заключённых. За это время ими было заработано 4 269 305 руб. 10 коп., из которых в доход тюремного ведомства было перечислено 289 603 руб. 23 коп. На покрытие издержек по ведению указанных работ было отнесено более 3 млн. руб. [15, с. 67].

Первый отряд осужденных из Александровской центральной каторжной тюрьмы в количестве 67 человек был отправлен на работы по постройке Иркутского участка Сибирской железной дороги 7 июля 1894 г. В течение июля 1894 г. на железнодорожные работы из этой же тюрьмы было отправлено 270 чел., в августе 1894 г. – 105 чел., в сентябре 1894 г. из Иркутского тюремного замка было отправлено ещё 100 чел. и из Александровской центральной каторжной тюрьмы – 9 чел. Итого в работах по строительству железной дороги принимало участие 516 осужденных.

Ссылнокаторжные трудились под конвоем надзирателей, количество которых составляло 8-13 чел. на 250-350 арестантов. Размер ежедневной рабочей нормы каждого из них составлял 0,383 куб. сажени грунта, однако в летне-осенний период (с 1 мая по 10 октября) её размер увеличивался до 0,5 куб. сажени. За работу по выемке или отсыпке 1 куб. сажени грунта при укладке полотна железной дороги была установлена плата в размере 2 руб. 30 коп. За одну десятину вырубленного на участке строительства леса была установлена плата в размере 40 руб., а за одну десятину выкорчёванных пней – 60 руб. Из общего количества заработанных средств (19 828 руб. 27 коп.), в среднем один арестант ежедневно получал 1 руб. 5,9 коп. [27, с. 118-120].

В связи с бурно развивающимся железнодорожным строительством постепенно стало изменяться и направление использования каторжного труда, который стал находить новое практическое применение не только при выполнении грунтовых работ, но и при прокладке железнодорожных путей. Рабочих рук на строительстве крайне не хватало, поэтому по отзывам чиновников, осуществлявших руководство заключёнными при строительстве Уссурийской железной дороги, отмечалось, что «...означенные команды принесли делу начала работ по постройке неоспоримую пользу...» [9, с. 153].

Строительство Уссурийской железной дороги велось в период с 1891 по 1897 гг. Производство работ было возложено на воинские подразделения расквартированных здесь частей, а также на вольнонаёмных рабочих, прибывших из центральных губерний России. Однако немалую часть работ выполняли и каторжные, отправленные на строительство дороги с острова Сахалина и организованные в специальные железнодорожные арестантские команды. В строительных работах в 1891-1897 гг. принимало участие до 1500 подневольных рабочих [25, с. 43].

Каторжным отводились наиболее трудные и скалистые участки дороги. Для выполнения тяжёлых грунтовых работ сюда направлялись только физически крепкие, выносливые и здоровые арестанты. Они рубили лес, выкорчёвывали пни, долбили грунт, производили насыпи, строили мосты. За 1 куб. сажень грунта казной выплачивалось 2 руб. 30 коп. Один арестант в среднем зарабатывал в день 2 руб. 5,9 коп. Наибольший заработок одного заключённого (при условии выполнения установленной нарядом нормы) в месяц составлял до 50 руб., а наименьший – 7 руб. Работали ссылнокаторжные артелями по 20 чел. Каждая артель

выбирала себе старосту. Ежедневная норма производства работ составляла 0,3 куб. саж. грунта. Рабочий день продолжался с 6 час. утра до 18 час. вечера. При этом на обед и послеобеденный отдых отводилось 2 часа (с 11 до 13 час. дня). В 7 час. 30 мин. и в 16 час. производилась остановка работ для чаепития.

Тяжёлый каторжный труд использовался не только при строительстве Уссурийской и Амурской железных дорог, но и при постройке Амурской шоссейной дороги («Амурская колесуха»). Строительство Амурской колёсной (шоссейной) дороги от Хабаровска до Благовещенска, протяженностью 960–980 вёрст (около 1 034,8 км), было начато в 1898 г. и закончилось в 1909 г. До 1905 г. в строительстве дороги принимали участие только уголовные преступники, а с 1905 г. – и политкаторжане.

«Амурская колесуха» первоначально строилась силами сахалинских каторжан. Однако с 1904 г. к ним стали добавлять каторжан из Мошковской центральной пересыльной тюрьмы и Александровского централа (расположенного близ г. Иркутска), Нерчинска, заключённых из местных приамурских тюрем. После 1905 г. сахалинская каторга была ликвидирована и к концу строительства основным контингентом, занятым на возведении шоссейной магистрали, были Александровские и Нерчинские каторжные. В 1907 г. их численность на строительстве дороги достигает максимума – 1200 человек. К строительству дороги привлекались и вольнонаёмные рабочие. Однако «Амурская колесуха» от начала до конца строилась главным образом трудом ссылнокаторжных. Условия труда на строительстве дороги были настолько тяжёлыми, что, по мнению И.П. Дубинского, автора статьи об Амурской колёсной дороге в Сибирской советской энциклопедии, «она построена... на арестантских костях, и полита арестантской кровью» [25, с. 43].

После окончания работ на строительстве «Амурской колесухи», в рамках подписанного в апреле 1910 г. соглашения между Военным губернатором Амурской области А.Л. Валуевым и начальником средней части Амурской железной дороги инженером В.В. Трегубовым 750 каторжных, строивших Амурскую шоссейную дорогу, были переведены на работы по строительству Амурской железной дороги (от Хабаровска до Благовещенска).

Строительство Амурской железной дороги было начато в 1909 г. после выхода 6 июня 1908 г. закона «О начале сооружения Амурской железной дороги распоряжением казны и за её счёт». Закон устанавливал сроки и утверждал строительную

стоимость головного участка Амурской железной дороги. В нём указывалось: «1) разрешить постройку Амурской железной дороги на всём её протяжении от станции «Куэнга» Забайкальской железной дороги до города Хабаровска, с ветвями к городу Нерчинску и к реке Амуру у города Благовещенска средствами и распоряжением казны, с началом постройки этой дороги в 1908 г.; 2) утвердить строительную стоимость головного участка Амурской железной дороги протяжением 183 версты на восток от станции «Куэнга» Забайкальской железной дороги, в сумме 16 млн. 99 тыс. 970 руб. без стоимости подвижного состава и его доставки на место работ...» [35, с. 313-314].

28 мая 1910 г. вышел закон «Об установлении временных правил о заведовании арестантами, привлечёнными к работам по сооружению Амурской железной дороги». Также, согласно распоряжению Главного тюремного управления от 10 ноября 1910 г. № 44, на постройку Амурской железной дороги подбирались осуждённые в основном из мест заключения европейской части России. В центральных тюрьмах (в Москве, Владимире, Орле, Вологде, Самаре) работали специальные медицинские комиссии, которые проверяли общее состояние здоровья осуждённых и давали заключение о пригодности их к тяжёлому физическому труду.

На постройке Амурской железной дороги арестантский труд (в работах принимали участие не только каторжные, но и ссыльнопоселенцы, а также лица, осуждённые в исправительные арестантские роты, и другие категории заключённых) стал применяться в 1909 г. со строительства первого её участка Сковородино – Буря. На втором участке Буря – Хабаровск строительство началось в 1914 г. Первый участок Амурской железнодорожной линии был открыт для движения в 1914 г., второй – в 1915 г. С окончанием строительства Амурского моста (осенью 1916 г.) впервые было открыто сквозное движение поездов по Уссурийской и Амурской железным дорогам.

В виду тяжести выполняемых работ, осуждённым предоставлялись льготы, в том числе и по сокращению сроков наказания. Так, например, в соответствии с утверждённым 22 августа 1910 г. Положением Совета Министров было установлено: «Предоставить Иркутскому и Приамурскому генерал-губернаторам право сокращать арестантам, участвовавшим в работах по сооружению Амурской железной дороги, и, отличившимся усердием и безукоризненным поведением, сроки назначенного им судебными приговорами наказания с зачётом 2-х дней, действительно проведённых на этих работах, за 3 дня каторги...» [2, с. 5-6].

Помимо этого, в соответствии с утверждённым 30 января 1911 г. Положением Совета Министров ссыльнопоселенцам и лицам исправительных арестантских отделений, принимавшим участие в постройке Амурской железной дороги, предоставлялись следующие льготы: 1) право наниматься на работы в качестве вольнонаёмных рабочих; 2) сроки перевода ссыльнопоселенцев в разряд крестьян из ссыльных сокращались из расчёта 1 месяц работ за 2 месяца; 3) осуждённым в исправительные арестантские отделения срок наказания исчислялся из расчёта 2-х дней работ за 3 дня заключения.

В сезон строительных работ в 1911 г. на западном участке строительства Амурской железной дороги находилось 1800 осуждённых, а на среднем участке дороги между станциями Талдан и Ульмин – 2800. В среднем на строительстве всех участков Амурской железнодорожной магистрали работало до 5 тыс. заключённых.

Подводя итог, отметим, что в связи с присоединением к России огромной, малонаселённой, необжитой, богатой природными ресурсами территории Сибири, начинается процесс её активного заселения и освоения. Необходимость освоения приобретённых земель, определялась с одной стороны внутренними потребностями страны, а с другой – внешнеполитическими факторами, в том числе, необходимостью обеспечить пограничную безопасность и военную защиту осваиваемой территории.

Помимо добровольного переселенческого движения (крестьянство, казачество, горожане, рабочие, запасные солдаты и др.), царское правительство, взяв на вооружение передовой опыт зарубежных государств (США, Англии, Франции), стало осуществлять принудительную колонизацию Сибири и Дальнего Востока путём водворения на новые земли лиц, совершивших государственные и уголовные преступления.

Рассматривая каторгу и ссылку, как одну из форм колонизации отдалённых территорий, царская администрация широко использовала дешёвый, но малоэффективный труд каторжан и ссыльнопоселенцев с целью заселения, хозяйственного и экономического освоения восточных окраин страны. Труд осуждённых широко использовался тюремным ведомством на золотых, серебряных, свинцовых рудниках, в ткацком, кузнечном, портняжном, сапожном, столярном, ремонтном, строительном, сельскохозяйственном производстве, при прокладке железных и шоссейных дорог, добыче железной руды, каменного угля и т.п. К началу XX столетия тюремное ведомство использовало труд осуждённых на 37 видах различных работ.

Как видим, на протяжении нескольких столетий тюремная политика царского правительства была направлена на широкое использование принудительного труда ссыльнокаторжных в целях заселения, хозяйственного и экономического освоения огромных необжитых и малозаселённых территорий, расположенных в Сибири и на Дальнем Востоке страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анучин Е.Н. Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827-1846 гг. Материалы для уголовной статистики России. СПб.: Типография Майкова, 1873.
2. Арестантские работы при сооружении Амурской железной дороги. СПб., 1912.
3. Баяндин В.И. Организация пересылки ссыльных в восточные районы Сибири и Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX в. // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII–XX вв. (к 35-летию начала похода В.Д. Пояркова на Амур): тезисы докладов и сообщений международной научной конференции (Благовещенск, 22–27 июня 1993 г.). Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1993. С. 71-74.
4. Бортникова О.Н. Сибирь тюремная: пенитенциарная система Западной Сибири в 1801-1917 гг. Тюмень: Тюменский юридический институт МВД РФ, 1999.
5. Винградов-Бессель А. Амурская колёсная дорога // Былое. 1917. № 3. С. 124-133
6. Власов В.И., Гончаров Н.Ф. Взгляд на причины преступности в России за тысячелетие. В 2-х ч. Часть 2. Домодедово: РИПК работников МВД России, 1998.
7. Власов В.И., Гончаров Н.Ф. Уголовные наказания в России (история законодательства и практики его применения). Домодедово: РИПК работников МВД России, 1997.
8. Воробейкова Т.У., Дубровина А.Б. Преобразование административно-полицейского аппарата, суда и тюремной системы России во второй половине XIX в. Киев: НИиРИО КВШ МВД СССР, 1973.
9. Всеподданнейший отчёт Приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского за 1893, 1894 и 1895 гг. СПб., 1896.
10. Гартевельд В.Н. Каторга и бродяги Сибири. М., 1912.
11. Гартевельд В. Песни каторги [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://profilib.com/chtenie/126151/v-garteveld-pesni-katorgi.php>
12. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. В 5 т. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1954.
13. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Соч. в 5 т. Т. 3. 1870-1900. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1961.
14. Детков М.Г. Исполнение наказания в дореволюционной России: организационно-правовые аспекты становления и развития системы исполнения наказания в виде лишения свободы. М.: ВНИИ МВД СССР, 1990.
15. Детков М.Г. Наказание в царской России. Система его исполнения. М.: Интерправо, 1994.
16. Дворянов В.Н. В сибирской дальней стороне... (Очерки истории царской каторги и ссылки. 60-е гг. XVIII в. – 1917 г.). Минск, 1985.
17. Дриль Д.А. Ссылка во Францию и Россию. (Из личных наблюдений во время поездки в Новую Каледонию, на о. Сахалин, в Приамурский край и Сибирь). СПб.: Издание Л.Ф. Пантелеева, 1899.
18. Ерошкин Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1960.
19. Записка о ссылке и каторге. Составлена старшим делопроизводителем Главного тюремного управления Стрихарским // Материалы к вопросу об отмене ссылки: записка Стрихарского, сравнительное изложение действующих узаконений, отчёт юрисконсульта Д.А. Дриля и др. документы. 1887-1899 гг. Ч. 1. Б. м. Б. г. (Отдел редких книг и рукописей Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки им. В.И. Ленина).
20. История и современное положение русских карательных учреждений. Записка № 2 / Под ред. М.А. Филиппова // Тюремные преобразования в России: доклад комиссии, записки, сводная ведомость, исторические очерки. 1872–1874 гг. Ч. 1. Б. м. Б. г. (Отдел редких книг и рукописей Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки им. В.И. Ленина).
21. История Красноярского края / М.Б. Шейнфельд, Г.Ф. Быконя, Н.И. Дроздов. Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1981.
22. История российского Приморья. Владивосток: Дальнаука, 1998.
23. Кеннан Дж. Биография [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.people.su/51600>
24. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. СПб., 1906.
25. Ковальчук М.А. Грунтовые дороги Дальнего Востока России (середина XVII – начало XX вв.). Хабаровск: ДВГУПС; «ДаДор», 2005.

26. Лисин А.Г., Петренко Н.И., Яковлева Е.И. Тюремная система Российского государства в XVIII – начале XX в.: учеб. пособие. М.: Академия МВД России, 1996.

27. Об арестантских работах на Сибирской железной дороге // Тюремный вестник. 1895. № 3. С. 114-152.

28. Обзор Приморской области за 1891 г. Владивосток, 1892.

29. Олех Л.Г. История Сибири: учеб. пособие. Изд. 2-е перераб. и доп. Ростов н/Д.: Феникс; Новосибирск: Сибирское соглашение, 2005.

30. Остроумов С.С. Очерки по истории уголовной статистики дореволюционной России. М.: ВЮЗИ, 1961.

31. Позняк Т.З. Динамика сословного состава городов Приморской области в конце XIX – начале XX в. // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII–XX вв. (к 35-летию начала похода В.Д. Пояркова на Амур): тезисы докладов и сообщений международной научной конференции (Благовещенск, 22–27 июня 1993 г.). Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1993. С. 69-71.

32. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 2. № 772 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php

33. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 4. № 1822 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php

34. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 18. № 13053 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php

35. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 28. № 30423 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php

36. Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.) / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск: Наука, 1975.

37. Ссылные декабристы в Сибири / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск: Наука, 1985.

38. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2-х т. Т. 2. М.: Наука, 1994.

39. Ушаков С.Н. Права заключённых в тюрьмах дореволюционной России // Проблемы местного самоуправления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.samoupravlenie.ru/16-19.htm>

REFERENCES

1. Anuchin, E.N., 1873. Issledovaniya o protsente soslannikh v Sibir' v period 1827-1846 gg. Materialy dlya ugolovnoy statistiki Rossii [Researches on the percentage of the people exiled to Siberia in 1827-1846. Materials for criminal statistics of Russia]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Maikova. (in Russ)

2. Arestantskie raboty pri sooruzhenii Amurskoi zheleznoi dorogi, [Prisoners' work in the construction of the Amur Railroad]. Sankt-Peterburg, 1912. (in Russ)

3. Bayandin, V.I., 1993. Organizatsiya peresylnki ssylnikh v vostochnie rayony Sibiri i Dalnego Vostoka vo vtoroi polovine XIX – v nachale XX v. [The organization of exiles transition to the eastern regions of Siberia and the Far East, late XIXth – the beginning of the XXth century]. In: Istoricheskiy opyt otkrytiya, zaseleniya i osvoeniya Priamur'ya i Primor'ya v XVII-XXvv. (k 35-letiyu nachala pokhoda V.D. Poyarkova na Amur): tezisy dokladov i soobshcheniy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Blagoveshchensk, 22-27 iyunya 1993 g.) Vladivostok: Institut istorii, arkheologii i etnografii narodov Dalnego Vostoka DVO RAN, pp. 71-74. (in Russ.)

4. Bortnikova, O.N., 1999. Sibir' tyuremnaya: penitentsiarnaya sistema Zapadnoi Sibiri v 1801-1917 gg. [Prison Siberia: penitentiary system of the Western Siberia in 1801-1917.]. Tumen: Tumenskii Yuridicheskii Institut MVD RF. (in Russ.)

5. Vinogradov-Bessel, A., 1917. Amurskaya kolyosnaya doroga [The Amur cart road], Byloe, no. 3, pp. 124-133. (in Russ.)

6. Vlasov, V.I., Goncharov, N.F., 1998. Vzglyad na prichiny prestupnosti v Rossii za tysyacheletie [An overview of the causes of crime in Russia for the last thousand years]. Domodedovo: RIPK rabotnikov MVD Rossii. (in Russ.)

7. Vlasov, V.I., Goncharov, N.F., 1997. Ugolovnie nakazaniya v Rossii (istoriya zakonodatelstva i praktika ego primeneniya) [Criminal sentences in Russia (the history of legislation and its practical application)]. Domodedovo: RIPK rabotnikov MVD Rossii. (in Russ.)

8. Vorobeykova, T.Yu., Dubrovina, A.B., 1973. Preobrazovaniye administrativno-politseyskogo apparata, suda i tyuremnoi sistemy Rossii vo vtoroi polovine XIX v. [Reorganization of the police, court and penal system of Russia in the second half of the XIXth century]. Kiev: NIiRIO KVSh MVD SSSR. (in Russ.)

9. Vsepoddanneishiy otchyot Priamurskogo general-gubernatora S.M. Dukhovskogo za 1893, 1894 i 1895 gg. [Report of the Priamurski general-

- governor S.M. Dukhovskii for 1893, 1894 and 1895]. Sankt-Peterburg, 1896. (in Russ.)
10. Gartevel'd, V.N., 1912. Katorga i brodiagi Sibiri [Penal servitude and tramps in Siberia]. Moskva. (in Russ.)
11. Gartvel'd V. Pesni katorgi [The songs of the convicts]. URL: <http://profilib.com/chtenie/126151/v-gartevel'd-pesni-katorgi.php>
12. Gernet, M.N., 1954. Istoriya tsarskoi tyurmy. V 5 t. [The history of the tsarist prison in 5 volumes]. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoi literatury. (in Russ.)
13. Gernet, M.N., 1961. Istoriya tsarskoi tiurmy. Soch. v 5 t. T. 3. 1870-1900 [The history of the tsarist prison in 5 volumes. Vol. 3]. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoi literatury. (in Russ.)
14. Detkov, M.G., 1990. Ispolnenie nakazaniya v dorevol'yutsionnoi Rossii: organizatsionno-pravovye aspekty stanovleniya i razvitiya sistemy ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody [Penitentiary service in pre-revolutionary Russia: organization and legal aspects of formation and development]. Moskva: VNII MVD SSSR. (in Russ.)
15. Detkov, M.G., 1994. Nakazanie v tsarskoy Rossii. Sistema ego ispolneniya [Punishment in tsarist Russia. Prison authority system]. Moskva: Interpravo. (in Russ.)
16. Dvoryanov, V.N., 1985. V sibirskoy dalney storone... Ocherki istorii tsarskoy katorgi i ssylki. 60-e gg. XVIII v. – 1917 g. [In Siberian far lands... Essays on the history of the Tsarist penal servitude and exile, 1760s – 1917]. Minsk. (in Russ.)
17. Dril, D.A., 1899. Ssylka vo Frantsii i Rossii. (Iz lichnykh nabludeniy vo vremya poezdki v Novuyu Kaledoniyu, na o. Sakhalin, v Priamurskiy kray i Sibir') [Exile in France and Russia. (From private observations during the journey to New Caledonia, the island of Sakhalin, Priamurskiy region and Siberia)]. Sankt-Peterburg: Izdaniye L.F. Panteleeva. (in Russ.)
18. Eroshkin, N.P., 1960. Ocherki istorii gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevol'yutsionnoy Rossii [Essays on the history of state institutions of pre-revolutionary Russia]. Moskva: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR. (in Russ.)
19. Zapiska o ssylke i katorge [The report about exile and penal servitude]. Sostavlena starshim deloproizvoditelem Glavnogo tyuremnogo upravleniya Strikharskim. Materialy po voprosu ob otmene ssylki: zapiska Strikharskogo, sravnitel'noe izlozhenie deistvuyushchikh uzakoneniy, otchyot yuriskonsulta D.A. Drila i dr. dokumenty. 1887-1899 gg. Ch. 1. (Otdel redkikh knig i rukopisey Nizhegorodskoy gosudarstvennoy oblastnoy universalnoy nauchnoy biblioteki im. V.I. Lenina). (in Russ.)
20. Fillipov, M.A., 1872-1874. Istoriya i sovremennoye polozheniye russkikh karatel'nykh uchrezhdeniy. Zapiska № 2 [The history and current state of Russian penitentiary service. Report № 2]. Tyuremniye preobrazovaniya v Rossii: doklad komissii, zapiski, svodnaya vedomost, istoricheskie ocherki. Ch. 1. (Otdel redkikh knig i rukopisey Nizhegorodskoy gosudarstvennoy oblastnoy universalnoy nauchnoy biblioteki im. V.I. Lenina). (in Russ.)
21. Sheinfeld, M.B., Bykonya, G.F. and Drozdov, N.I., 1981. Istoriya Krasnoyarskogo kraja [The history of Krasnoyarskiy region]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe kn. izd-vo. (in Russ.)
22. Larin, V.L. ed., 1998. Istoriya Rossiyskogo Primoriya [The history of Russian Primorskiy region]. Vladivostok: Dalnauka. (in Russ.)
23. Kennan, J. Biografiya [Biography]. URL: <http://www.people.su/51600> (in Russ.)
24. Kennan, J., 1906. Sibir' i ssylka [Siberia and the exile]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
25. Kovalchuk, M.A., 2005. Gruntovye dorogi Dalnego Vostoka Rossii (seredina XVII – nachalo XX vv.) [Dirt roads of the Russian Far East (from the middle of the XVIIth to the beginning of the XXth century)]. Khabarovsk: DVGUPS: "Da Dor". (in Russ.)
26. Lisin, A.G., Petrenko, N.I. and Yakovleva, E.I., 1996. Tyuremnaya sistema Rossiyskogo gosudarstva v XVIII – nachale XX v. [Prison system of Russia in the period from the XVIIIth to the beginning of XXth century]. Moskva: Akademiya MVD Rossii. (in Russ.)
27. Ob arestantskikh rabotakh na Sibirskoy zheleznoy doroge [On prisoners' work on Siberian railroad], Tyuremnyy vestnik, 1895, no. 3, pp. 114-152. (in Russ.)
28. Obzor Primorskoy oblasti za 1891 g. [An overview of Primorskaya oblast for 1891]. Vladivostok, 1892. (in Russ.)
29. Olekh, L.G., 2005. Istoriya Sibiri [The history of Siberia]. Rostovna-Donu: Feniks; Novosibirsk: Sibirskoe soglashenie. (in Russ.)
30. Ostroumov, S.S., 1961. Ocherki po istorii ugolovnoy statistiki dorevol'yutsionnoy Rossii [Essays on the history of criminal statistics in pre-revolutionary Russia]. Moskva: VYuZI. (in Russ.)
31. Poznyak, T.Z., 1993. Dinamika soslovnogo sostava gorodov Primorskoy oblasti v kontse XIX – nachale XX v. [Dynamics of urban class stratification in Primorskaya oblast at the late XIXth – early XXth century]. In: Istoricheskiy opyt otkrytiya, zaseleniya i

osvoeniya Priamur'ya i Primor'ya v XVII-XX vv. (k 35-letiyu nachala pikhoda V.D. Poyarkova na Amur): tezisy dokladov i soobshcheniy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Blagoveshchensk, 22-27 iyunya 1993 g.) Vladivostok: Institut istorii, arkheologii i etnografii narodov Dalnego Vostoka DVO RAN. (in Russ.)

32. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie 1-e. [Complete collection of laws of the Russian Empire. First edition]. T. 2. № 772. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (in Russ.)

33. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie 1-e. [Complete collection of laws of the Russian Empire. First edition]. T. 4. № 1822. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (in Russ.)

34. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie 1-e. [Complete collection of laws of the Russian Empire. First edition]. T. 18. № 13053. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (in Russ.)

35. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie 1-e. [Complete collection of laws of the Russian Empire. Third edition]. T. 28. № 13053. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (in Russ.)

36. Goryushkin, L.M., 1975. Ssylka i katonga v Sibiri [Exile and penal servitude in Siberia]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

37. Goryushkin, L.M., 1985. Ssylnye dekabristy v Sibiri [Exiled Decembrists in Siberia]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

38. Tagantsev, N.S., 1994. Russkoe ugovnoe parvo. Lektsii. Chast obshchaya. V 2-h t. [Russian criminal law. Lectures in 2 volumes]. T. 2. Moskva: Nauka. (in Russ.)

39. Ushakov, S.N. Prava zakluchyonnykh v tyurmakh dorevolyutsionnoy Rossii [Rights of prisoners in pre-revolutionary Russia], Problemy mestnogo samoupravleniuy. URL: <http://www.samoupravlenie.ru/16-19.htm> (in Russ.)

Т.З. Позняк*

МОТИВАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ГОРОДОВ (вт. пол. XIX – нач. XX вв.)

Статья посвящена проблеме мотивации общественной деятельности городского населения российского Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX вв. Этот вопрос представляется очень важным для изучения процесса становления гражданского общества в Российской империи. Исследование процесса создания и деятельности самодеятельных организаций в дальневосточных городах показывает весьма мозаичную картину тех мотивов, которые побуждали представителей местного общества исполнять общественные обязанности, жертвовать средства на благотворительные цели, создавать самодеятельные союзы, кружки, вступать в них, участвовать в мероприятиях.

Ключевые слова: мотивация, добровольные объединения, благотворительность, общественная жизнь, местное общество, российский Дальний Восток

Motivation for social activities of urban population of the Russian Far East (late XIXth – early XXth century). TATIANA Z. POZNYAK (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

The article is devoted to the motives that drove various public activities of the urban population of the Russian Far East in the second half of the XIXth – early XXth centuries. This topic is very important for reconstructing the process of civil society formation in the Russian Empire. The author focuses on the functioning of voluntary associations in the Far Eastern cities, showing highly mosaic picture of those motives that drove the local activists to perform public duties, donate money for charity, create amateur unions and participate in public events.

Keywords: motivation, voluntary associations, charity, public life, local community, Russian Far East

Понятие «общественная или гражданская деятельность» – условное и весьма широкое, сюда традиционно относят исполнение выборных должностей городского самоуправления, участие в различных самодеятельных объединениях, в благотворительных организациях и акциях, включая пожертвования на разные цели [4; 22]. Понятие «благотворительность» представляется в этой трактовке более узким и входит составной частью в общественную деятельность. В региональных исторических исследованиях уделялось немало

внимания общественной и благотворительной деятельности населения дальневосточных городов [1, с. 53-59; 2, с. 86-101; 9, с. 74-77; 10, с. 118-137; 19; 21, с. 41-47], проблема же мотивации при этом почти не затрагивалась. Вопрос о том, что побуждало горожан исполнять общественные обязанности, жертвовать средства на благотворительные мероприятия или вступать в организации, представляется важным для изучения процесса становления гражданского общества в Российской империи. Разработка теоретических

* ПОЗНЯК Татьяна Зиновьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: tzpoznyak@mail.ru

© Позняк Т.З., 2017

концепций мотивации человеческого поведения и экспериментальные исследования в этой области плодотворно велись и ведутся психологами [24]. Статья посвящена исследованию исторических аспектов мотивации общественной активности населения городов российского Дальнего Востока. В статье невозможно даже просто в общих чертах обрисовать все самодеятельные организации, ее цель – на нескольких примерах рассмотреть, что побуждало представителей различных слоев городского населения создавать самодеятельные объединения, включая благотворительные, и участвовать в их деятельности, исключив из нашего исследования органы городского самоуправления. Тема мотивации и степени общественной активности горожан на поприще городского самоуправления уже рассматривалась исследователями [18, с. 35-59]. Необходимо заметить, что в исторических исследованиях выводы о мотивах тех или иных поступков людей являются в значительной степени гипотетичными, ибо даже источники личного происхождения не позволяют однозначно судить об этом предмете.

Добровольные общества (клубы, ассоциации, кружки) являются «временными объединениями юридически равноправных лиц, преследующих цели, кодифицированные в уставе. Такие объединения выходят за пределы созданных по сословному принципу обществ и основываются на добровольности входа и выхода» [15, с. 474]. Один из ведущих отечественных исследователей данной темы А.С. Туманова понимает под общественными организациями «добровольные, самоуправляющиеся и надлежащим образом оформленные объединения, создающиеся на постоянной основе для решения насущных проблем непромышленного и некоммерческого характера» [20, с. 23].

В дальневосточных городах в конце XIX и начале XX вв. довольно активно развивается процесс создания самодеятельных союзов различной направленности. По мнению Н.В. Котляр, на Дальнем Востоке России к 1917 г. действовало около 165 общественных организаций [9, с. 74]. В дальневосточных городах они создавались по инициативе как общества, так и представителей власти. Общества, созданные по инициативе власти, строго говоря, нельзя относить к добровольным ассоциациям, однако сохранившиеся источники часто не позволяют судить, от кого исходила инициатива, и даже когда это возможно и выясняется, что инициатива исходила от чиновника, трудно установить, выступал ли он как частное лицо – представи-

тель местного общества или как представитель власти. Эта проблема особенно остро встает в условиях российского Дальнего Востока, где большую часть местного общества составляли чиновники и военные и их жены, они, наряду с предпринимателями, содействовали созданию самодеятельных объединений и участвовали в них в качестве членов.

С этой проблемой тесно связана дискуссия о правомерности или неправомерности включения чиновников в общественность. Последний термин определяется исследователями по-разному. В.Я. Гросул выделяет такие признаки общественности как более или менее активное участие в общественной жизни и конфликтность на определенном этапе по отношению к самодержавной власти. Ввиду этого он возражает против включения представителей государственного аппарата и общественных деятелей городских самоуправлений и обществ, получавших зарплату, в общественность [5, с. 6, 49, 265, 402-403, 418, 495-496]. А.С. Туманова считает, что исключение чиновников, активно участвовавших в общественной жизни, из общественности будет ошибкой [20, с. 25]. На мой взгляд, нелогично отказывать в общественной активности представителям местного общества, не разделявшим антимоноархических взглядов, речь ведь идет именно об общественной, а не о политической активности. Кроме того, не только нельзя лишать чиновников права на общественные или гражданские инициативы, напротив, необходимо анализировать, что двигало представителями общественности, поскольку априори считать их носителями только общественных интересов, исключая личную заинтересованность и защиту государственных интересов, было бы также не вполне оправданно. Кроме того, при анализе гражданской активности исключение из рассмотрения организаций, созданных по инициативе чиновников и представителей власти, неизбежно приведет к однобокости оценок и, возможно, переоценке развития гражданского общества в Российской империи. Необходимо, мне кажется, более широкий взгляд на различные объединения и поиск ответов на следующие вопросы: от кого исходила инициатива их создания, насколько широкие слои общества были вовлечены в их деятельность, замыкалась ли она в узких рамках одного социального слоя и пр.

На российском Дальнем Востоке членами большинства обществ, наряду с предпринимателями, были чиновники различных ведомств и офицеры. Грань между объединениями, соз-

данными по инициативе представителей власти и общественности, часто оказывается весьма условной. Кроме того, участие представителей местного общества в организациях, созданных по инициативе региональной администрации, было добровольным, другое дело, чем в этой добровольности руководствовались лица в них входящие, т.е. вопрос о мотивах представляется весьма важным.

Самодетельные объединения условно можно разделить на досуговые, научные и просветительские общества, спортивные, религиозные, благотворительные. При этом необходимо подчеркнуть, что большая часть объединений могла соединять и, как правило, соединяла несколько функций, в этой сфере трудно выделить «чистые формы». Большинство (но далеко не все) объединения досуговой направленности – собрания (купеческие, военные, морские, общественные), литературно-музыкально-драматические общества – возникали как результат инициативы снизу, без вмешательства властей, но при их поддержке и контроле, и при этом инициаторами часто выступали чиновники. Например, в г. Зея-Пристань общественное собрание было создано по инициативе горного исправника Зейского горно-полицейского округа В.К. фон Адеркаса, однако выступал он здесь, скорее, как энтузиаст, стремившийся организовать досуг местного общества, чем как представитель власти, насаждавший в городе полезные развлечения [16, с. 122].

Благовещенское общественное собрание – типичный пример самоорганизации образованных и обеспеченных слоев городского населения. Инициатором создания и первым председателем совета старшин стал благовещенский купец 1 гильдии М.О. Мокеевский. Датой основания собрания считалось 4 декабря 1879 г. Этот день ежегодно отмечался обедом или балом, хотя первый устав был утвержден 18 мая 1880 г. (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, далее – РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 5. Д. 24. Л. 1, 6-8,12; Д. 136. Л. 1-2; Д. 234. Л. 27). Собрание объединяло в своих рядах представителей разных социальных групп – купцов, чиновников, отставных военных, врачей, присяжных поверенных и пр. При этом оно заботилось о репутации своих членов и ряд положений устава, прописывавших процедуру приема новых членов, был нацелен на отсеивание «недобропорядочных элементов» и отграничение элиты от низов. Собрание служило площадкой для развлекательных и благотворительных мероприятий всего городского общества, а не только узкого круга лиц,

являвшихся членами собрания, в нем арендовали театр большинство общественных организаций. И даже несмотря на финансовые трудности, которые собрание испытывало из-за предоставления своей сцены по льготным ценам различным самодеятельным объединениям, оно не отказывалось от своей «миссии» культурного центра города, по словам старшин собрания, по двум соображениям – «не хотелось лишить горожан разумных развлечений, получаемых в театре, ни мешать благотворительной деятельности разных обществ» (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 5. Д. 234. Л. 25-25об., 30-30об.).

Алексеевское общественное собрание было создано с начала основания города. Учредителями (и, видимо, инициаторами) выступил широкий круг лиц – 66 чел. Первое письмо с просьбой об утверждении устава поступило в Амурское областное об обществах присутствии 15 ноября 1912 г., а утверждено собрание было 22 июня 1913 г. (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 5. Д. 237. Л. 1-2, 40-40об.). Предоставленные для утверждения устава сведения об учредителях позволяют получить представление о составе местного общества. Показательно, что в списке учредителей у одних лиц указана сословная, у других – профессиональная принадлежность и занятие, – свидетельство разрушения сословной идентичности и замены ее иной групповой, часто именно профессиональной. Из 66 членов-учредителей 17 чел. (25,8%) были предпринимателями (купцами, торговцами, подрядчиками), по 13 чел. – чиновники (19,7%) и служащие в частных фирмах (19,7%), 10 железнодорожных служащих, 6 фельдшеров и аптекарей, трое мещан и четверо военных. Таким образом, мы видим, что местное общество включало представителей разных сословий и профессий, имевших образование и занятие, дававшее определенный уровень достатка. Это местное образованное общество нуждалось в коммуникативном пространстве, проведении досуга, и создание собрания было для него насущной необходимостью. Целью собрания провозглашалось «доставить членам его и их семействам приятный отдых после трудового дня и разумное развлечение» (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 5. Д. 237. Л. 22).

Алексеевское общество в условиях малочисленности образованного населения было также озабочено тем, чтобы в собрание был допущен только «свой круг», т.е. лица с определенным уровнем образования и достатка, добропорядочные с незапятнанной репутацией. Согласно уставу, прием в действительные члены собрания

производился во всякое время года посредством баллотировки, по предложению двух членов собрания. Лица, прожившие в г. Алексеевске менее 6 месяцев, не могли быть предлагаемы кандидатами для баллотировки в члены, но могли посещать собрание на правах гостя. Кроме того, был установлен членский взнос – 10 рублей в год. Необходимые средства давали членские взносы, сборы со спектаклей, маскарадов, танцевальных вечеров, концертов и других увеселений, с частных предпринимателей за отдачу им зрительного зала для спектаклей и концертов, с карт и биллиарда, а также штрафные деньги и пожертвования (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 5. Д. 237. Л. 23-24).

К подобному виду организаций можно отнести широкий круг кружков и клубов досуговой направленности в дальневосточных городах. Главным мотивом создания таких объединений было удовлетворение потребности образованных и имущих слоев городского населения в насыщенном досуге, необходимость создания пространства взаимодействия, в рамках которого можно было развлекаться, общаться, устанавливать полезные контакты с представителями своего круга. В случае спортивных обществ сюда присоединялось также желание самосовершенствования, физического развития личности, а также пропаганды среди населения здорового образа жизни, спортивных увлечений и полезного времяпровождения. Профессиональная самоорганизация преследовала наряду с проведением досуга в своем кругу также совершенствование в профессии, обмен опытом и знаниями и научно-просветительские цели.

Создание и функционирование коммуникативного пространства было одной из важнейших целей организации подобных обществ и одним из важнейших мотивов участия в них. Членство в клубах, обществах и кружках служило своеобразным символом принадлежности к местному обществу, избранному кругу лиц. Членство в некоторых обществах служило символом социального статуса, и чем недоступнее было общество (в силу больших членских взносов, необходимости рекомендаций членов и пр.), тем более почетным, значимым и возжеланным было участие в них [15, с. 517-519; 23, с. 12, 81]. На дальневосточной окраине не было организаций, действительными членами которых были представители императорской семьи, тем не менее, для предпринимателей и мелких чиновников вступление в состав обществ, куда входили военные губернаторы, другие высшие чиновники областных администраций, было

средством повышения статуса и приобщения к избранному кругу.

Нельзя исключать в качестве движущей силы общественной активности в сфере досуга стремление соответствовать моде. Желание быть приобщенным к модным развлечениям действовало как на уровне организации обществ, так и на уровне вступления в общества отдельных членов, их притягательности и статуса. В конце XIX – начале XX вв. стремительно распространяется мода на спортивные общества, на занятия физическими упражнениями и играми. Занятие чем-то модным, вхождение в круг лиц, приобщенных к какой-то модной деятельности, в состав организаций, которым общество придавало значимый символический статус, становились иногда важным мотивом и целью. Известный фигурист Н.А. Панин-Коломенкин писал уже после революции о своем отношении к спорту на заре его становления: «Тогда спорт представлялся мне чем-то особенным и, во всяком случае, необыкновенным делом. Занятие им возвышало меня в собственных глазах» [23, с. 74].

Большинство самодеятельных объединений в городах российского Дальнего Востока не носило новаторского характера, а являлось повторением привычных коллективных практик, развивавшихся в тот период в Российской империи, в столичных городах и в провинции. По этой причине эту деятельность можно также рассматривать как стремление местного общества создать привычные жизненные условия и практики времяпровождения, а также определенного рода моды и необходимость следовать ей («быть не хуже других», «соответствовать»). Чиновники, офицеры, представители интеллигенции (учителя, врачи, юристы), оказываясь в суровых условиях окраины с неустроенным бытом, отсутствием развлечений старались воссоздать привычный быт, формы досуга, условия жизни, воспроизводили общепринятые практики времяпровождения.

Скорость распространения по империи однотипных обществ и модных развлечений поражает. Ее можно проследить на примере появления и расширения состава участников кружков, связанных с популяризацией велосипедного спорта и туризма, в Благовещенске. Первые велосипеды с колесами разной величины начали выпускать в 1860-х гг. Велосипед, похожий на современный, называвшийся Rover, был сделан в 1884 г. английским изобретателем Джоном Старли и выпускался с 1885 г. В 1888 г. шотландец Джон Данлоп изобрел надувные шины из каучука. После этого

велосипеды избавились от клички «костотрясы». Это изобретение сделало езду на велосипедах намного удобнее, что способствовало их популяризации: 1890-е гг. назвали золотым веком велосипедов.

На далекой окраине Российской империи – в Благовещенске первые велосипеды появились в начале 1890-х гг., в 1894 г. в городе было 6-7 велосипедов, а к 1900 г. – уже около 200. 15 октября 1894 г. любители образовали Общество велосипедистов. Одним из первых председателей общества был контролер Благовещенского отделения Госбанка, барон А.А. фон Фитингоф, казначеем – купец 1 гильдии Ф.С. Шадрин, сын золотопромышленника, мецената. Популярность велосипедного спорта и туризма в области была так велика, что в 1899 г. в городе организовали еще одно подобное общество – велосипедистов-туристов. Мероприятия этих обществ пользовались популярностью у горожан, велосипедные гонки, проводившиеся в саду Общества велосипедистов, вызывали огромный наплыв публики [7, с. 402].

Благотворительные объединения разной направленности, включая общества вспомоществования учащимся, сословные, церковно-приходские попечительства и пр., часто организовывались если не с подачи властей, то по инициативе чиновников, духовенства, тем не менее, исключать совершенно в мотивировке членства и их деятельности общественную или гражданскую инициативу было бы неправильным. Главными мотивами для создания благотворительных организаций были, по-видимому, с одной стороны, необходимость решать социальные проблемы городского населения в условиях нехватки средств, выделяемых государством, с другой – потребность общественности в проявлении гуманизма, христианского милосердия, помощи нуждающимся. Не случайно первые благотворительные общества, возникавшие на дальневосточной окраине в условиях малочисленности городского общества и ограниченности городских доходов, в своей деятельности одновременно охватывают широкий круг проблем – помощь нуждающимся учащимся, малоимущим слоям городского населения, оказание медицинской помощи и призрение сирот, пожилых людей и инвалидов и пр.

Недостаток средств и внимания со стороны региональной администрации и правительства к удовлетворению потребностей населения приводила к необходимости решать эти проблемы за счет общественной инициативы и самоор-

ганизации, что было в то время в Российской империи обычной практикой. Представители власти и церкви не уклонялись от участия в подобных организациях, а часто выступали инициаторами, т.е. подталкивали общественную инициативу.

Классическим примером таких организаций можно считать Владивостокское благотворительное общество. Оно возникло в 1876 г., устав был утвержден в 1877 г. [11, с. 109-110]. Число членов быстро росло: в 1877 г. – 62 действительных и 39 членов соревнователей, в 1885 г. – 11 почетных, 79 действительных членов и 196 членов соревнователей (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 130. Л. 142; Д. 509. Л. 192об.-193). В его состав входили чиновники, купцы, иностранные предприниматели и жены всех указанных групп. Но фактически в его деятельности принимали участие не только собственно члены, но и все местное население. На организацию благотворительных мероприятий представители всех слоев населения жертвовали деньги, вещи, продукты питания, а во время их проведения принимали посильное участие – устраивали благотворительные киоски и торговали в них, разливали чай в буфетах, украшали городские сады или залы. Основными целями общества, закрепленными в уставе, были увеличение средств, призрение сирот и детей недостаточных родителей, оказание помощи бедным детям, обучающимися в местных учебных заведениях, оказание помощи неимущим, живущим во Владивостоке и ближайших окрестностях, деньгами и вещами, содержание двух элементарных школ с бесплатным обучением детей грамоте, закону божьему, русскому языку и арифметике (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 130. Л. 142). По инициативе председательницы комитета А. Фельдгаузен, супруги военного губернатора Владивостока контр-адмирала А.Ф. Фельдгаузена, 12 сентября 1885 г. при обществе в специально купленном за 2500 руб. доме была открыта богадельня на 12 чел. (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 58. Л. 9; Д. 509. Л. 193об.).

Среди членов общества было немало людей, не только жертвовавших средства, но и отдававших немало своего свободного времени и сил на его благо. Деятельность некоторых из них является примером неутомимого бескорыстного служения на благо общества. Например, член общества, капитан флотских штурманов М.А. Клыков шесть лет с 1876 по 1881 гг. безвозмездно заведовал одной из элементарных школ. После его отъезда из Владивостока по постановлению комитета от 6 июля 1881 г. должность предложили капита-

ну корпуса флотских штурманов Ф.К. Якимову, который исполнял ее до 1883 г., когда после его отъезда по приглашению комитета эти обязанности взял на себя надворный советник И.М. Захаревич (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 130. Л. 142об.; Д. 294. Л. 257).

Источниками средств общества, кроме членских взносов, были пожертвования взамен визитов на Пасху и Новый год, но главное – благотворительные мероприятия. Например, из поступивших в 1881 г. 6299,64 руб. 4077,87 руб. было собрано во время народного гуляния с лотереей-аллегри (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 130. Л. 143-145об.). В 1883 г. основные средства также дало устроенное комитетом 22 июня народное гуляние – 5138,63 руб. из 7176,63 руб. доходов этого года. На Рождество традиционно устраивался общегородской детский праздник, где детям дарили подарки вещами и игрушками (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 294. Л. 238, Л. 256об., 269об.-270; Д. 509. Л. 193об.) Деятельность Владивостокского благотворительного общества продолжалась вплоть до революции, хотя оно и несколько изменило свои функции: школы были переданы городу, а общество занималось детским приютом и богадельней, помощью малоимущим [6 – 28 февр., 17 апр.].

В Благовещенске подобной организацией было Лечебно-благотворительное общество, созданное в 1886 г. В 1898 г. оно содержало на свои средства больницу для бедных, два амбулаторных покая, дом призрения для престарелых и инвалидов, приют для призрения и воспитания детей, кроме того оказывало помощь единовременными и ежемесячными безвозвратными пособиями от 3 до 5 руб. Общество действовало на основании устава, утвержденного МВД, и управлялось попечительным советом из 6 чел. Численность его в 1898 г. составляла 82 чел. [12, с. 40]. В 1910 г. кроме вышеуказанных заведений общество содержало аптеку, химико-бактериологическую лабораторию, а при детском приюте открыло сапожную и столярную мастерские для мальчиков и рукодельную – для девочек [13, с. 45-46]. Фактически во второй половине 1880-х – начале 1890-х гг. благодаря обществу оказывалась медицинская помощь населению Благовещенска в условиях тотального дефицита подобных услуг. Одним из мотивов создания подобных самодеятельных организаций было осознание местным обществом необходимости самостоятельного решения социальных проблем и оказания помощи малоимущим в условиях, когда государство не могло выделять достаточных средств на эти цели.

По мере расширения местного общества в дальневосточных городах появилась возможность создания специализированных благотворительных организаций, нацеленных на решение одной конкретной проблемы или оказание помощи конкретной социальной группе. В результате появляются благотворительные общества отдельно в сфере здравоохранения, попечения бедных, помощи семьям нижних чинов, участвовавших в военных действиях и пр. Специализированные благотворительные общества действовали, например, в сфере образования. Проблема доступности образования для детей из малоимущих сословий решалась во многом благодаря деятельности городских самоуправлений, благотворительных организаций и частных пожертвований [17, с. 517-525]. Они оказывали помощь в оплате обучения в средних учебных заведениях, приобретении одежды, обуви, учебников для детей из малоимущих семей. К началу XX в. в каждом из дальневосточных городов существовало по несколько обществ вспомоществования учащихся, в Благовещенске, например, в 1910 г. их было 4 – при мужской гимназии, Алексеевской женской гимназии, Духовной семинарии и епархиальном женском училище [13, с. 47]. Инициаторами создания таких объединений выступали обычно учителя начальных школ, преподаватели гимназий, педагогические советы. К этим организациям примыкают попечители и попечительские советы учебных заведений – структуры, призванные решать проблемы нехватки средств на нужды образования, организации хозяйства и обеспечение нормальных условий функционирования учебных заведений. Кроме того, частные лица и городские самоуправления жертвовали средства на учреждение стипендий для малоимущих учащихся в средних и высших учебных заведениях. Только для студентов Восточного института счет пожертвований к 1909 г. было учреждено 25 стипендий, в том числе городские общественные управления собрали средства на 8 стипендий (2 – от Владивостока, 3 – от Николаевска-на-Амуре, 2 – от Никольска-Уссурийского и 1 – от Благовещенска) [14, с. 17-18]. Эти многочисленные благотворительные порывы в сфере образования свидетельствуют об осознании образованным обществом и населением в целом, а также органами городского самоуправления значимости образования, а основным мотивом подобных действий можно считать стремление обеспечить детям из малоимущих слоев населения доступ к нему, заботу о подготовке образованных кадров для региона.

Сферой благотворительности, где инициатива создания обществ часто исходила от верховной власти, официальных лиц или органов местного самоуправления, была помощь армии и членам семей воинов, призванных на войну, при этом эти инициативы неизменно активно поддерживались населением. В качестве примера можно привести создание в Благовещенске Временного комитета по оказанию вспомоществования нуждающимся воинам и их семьям. Призыв на военную службу казаков и запасных нижних чинов во время военного конфликта 1900 г. осложнил материальное положение семей, оставленных без кормильцев и средств существования. Инициатором оказания помощи семьям нижних чинов и казаков, призванных на военную службу, или потерявших кормильцев, выступил ректор Благовещенской духовной семинарии архимандрит Никон. Местное общество поддержало инициативу и на счета редакций местных газет стали поступать пожертвования. Менее чем за месяц, к 1 августа 1900 г. только в редакцию «Амурской газеты» поступило 800 руб. К сбору добровольных пожертвований подключились частные лица – купец 2 гильдии С.П. Бусыгин, мещанский староста О.П. Рязанов. Организационное оформление этой инициативы взял на себя епископ Приамурский и Благовещенский Иннокентий, учредив «Комитет по оказанию вспомоществования нуждающимся воинам и их семьям». Целью его стала организация «должной постановки сбора пожертвований и помощи нуждающимся воинам и их семьям» [3, 1901 г., с. 47-48]. Он пригласил в качестве членов комитета представителей региональной администрации, купцов, священнослужителей, редакторов газет. К 15 ноября 1900 г. было собрано 11664 руб. 84 коп., немногим менее половины этих средств собрали городские священники, обходившие дома прихожан. Благовещенский купец, молочанин И.В. Алексеев собрал среди молочан 1634 руб. Значительные суммы собрали также мещанский староста О.П. Рязанов (более 700 руб.), управляющий Верхне-Амурской золотопромышленной компанией М.А. Субботин (700 руб.). Из благовещенских купцов крупные пожертвования (по 100 руб.) и деятельную помощь оказали члены комитета С.С. Щадрин, исполнявший обязанности казначея, В.А. Левашев, бесплатно предоставивший всю бумагу на нужды комитета. Редактор «Амурской газеты» А.В. Кирхнер устроил спектакль, давший чистого сбора 334 руб. 20 коп., бесплатно в

собственной типографии отпечатал подписные листы, квитанционные книжки, листовки, и собрал через редакцию 1500 руб. пожертвований [3, 1901 г., с. 53-54].

Кроме, безусловно, присутствовавшего мотива христианского милосердия и желания помочь ближнему, участие чиновников, особенно областной верхушки и их жен, в деятельности различных благотворительных объединений могло быть мотивировано двумя обстоятельствами: с одной стороны, они были членами местного общества и, как и остальные горожане, были заинтересованы в создании привычной среды обитания, с другой, социальный статус обязывал их принимать активное участие в благотворительной деятельности и выступать инициаторами и организаторами благотворительных мероприятий. Обязанность соответствовать статусу наглядно проявлялась, например, в ходе сбора средств на различные нужды: чиновники жертвовали средства согласно своему положению – социальному и финансовому, наиболее крупные взносы делали губернатор, вице-губернатор, больше их жертвовали только крупные предприниматели – золотопромышленники, купцы 1 гильдии, управляющие компаниями.

Участие жен высших региональных чиновников – Приамурского генерал-губернатора, военных губернаторов Амурской и Приморской областей – в организации благотворительных обществ отражало, думается, не только желание женщин проявлять милосердие и помогать нуждающимся, но и чувство долга, требование соответствовать своему положению или, вернее, статусу мужа, и играть традиционные роли покровительницы нуждающихся и законодательницы моды, образца поведения для местного общества. Особенно наглядно это проявилось в годы Первой мировой войны, когда большинство жен крупных чиновников и военных создали дамские кружки, занимавшиеся пошивом белья для армии, показывая пример и вовлекая знакомых и незнакомых дам в эти кружки [6 – 12 янв., 19 марта]. Показательно, что в годы Первой мировой войны создание большинства обществ и кружков помощи воинам и их семьям инициировались либо местными высокопоставленными чиновниками, военными и их женами, либо представителями городского самоуправления. Призыв к созданию местных отделений благотворительных союзов часто исходил от членов императорской семьи, тем самым обеспечивалась фактически безусловная поддержка таких обществ со стороны местной чиновничьей верхушки, особенно в период патриотического

подъема в начале войны. Но средства в такие общества жертвовали все слои населения – нижние чины, рабочие и служащие казенных учреждений и частных фирм, предприниматели, священники и т.д. [6 – 3, 13, 29 янв., 9 февр., 19 марта, 12, 13, 25 28 апр., 14 дек.].

Не в последнюю очередь мотивацией участия в благотворительных организациях и мероприятиях служило стремление повысить социальный статус: крупные пожертвования на учебные заведения и церкви, деятельность на благо церкви на общественных должностях председателей приходских попечительств и церковных старост властью довольно часто вознаграждалась медалями и орденами. Часто только при наличии таких наград купец при выполнении формальных требований закона мог получить статус потомственного почетного гражданина или коммерции советника.

За заслуги перед церковным ведомством в Амурской и Приморской областях мещане и купцы часто получали награды, это было обычной и достаточно распространенной практикой. Страницы местных епархиальных ведомостей пестрят сообщениями о пожертвованиях на церковные нужды – от небольших денежных до крупных, а также икон, колоколов, церковной утвари, личное участие в строительстве церкви – вплоть до строительства на свои средства зданий церковей, церковно-приходских школ. Столь же часты сообщения о различных наградах – грамотах Святейшего Синода, благодарности епархиального начальства, орденах и медалях [3, 1901 г., с. 5, 25-26, 32, 66-67; 8, 1896 г., с. 2-3, 10, 39-40, 230-231].

Примеров пожертвований благовещенских купцов и полученных ими наград можно привести великое множество, что свидетельствует о впечатляющих масштабах их благотворительной деятельности. Золотопромышленник и известный меценат С.С. Щадрин на собственные средства построил на Ремесленной площади Благовещенска каменную церковь в честь коронации императора Николая II и императрицы Александры Федоровны. Закладка храма состоялась в 1896 г., строительство закончилось в 1901 г. [3, 1901 г., с. 401; 8, 1896 г., с. 233-234]. На средства купца П.В. Мордина в Благовещенске в 1901 г. была построена деревянная церковь-школа за р. Бурхановкой вместимостью 100 учеников [3, 1900 г., с. 18, 409, 555; 1901 г., с. 402]. Благовещенский купец 1 гильдии В.А. Левашев исполнял обязанности старосты Благовещенской Покрово-Николаевской церкви. В 1898 г. он на собственные средства построил в Благовещенске церковно-приходскую

школу и пожертвовал на ее содержание 5000 руб. За эти заслуги 3 февраля 1901 г. Высочайшим указом ему был пожалован орден Св. Анны 3 степени [3, 1901 г., с. 63, 65-66]. 3 февраля 1896 г. высочайшим указом Благовещенский купец 1 гильдии Н.А. Першин был пожалован орденом Св. Анны 3 степени за сооружение на свои средства деревянной церкви в резиденции Амгунской золото-промышленной компании, стоимостью до 15 тыс. руб. [8, 1896 г., с. 97-98]. Получение наград за благотворительную деятельность на благо церкви и образования не умаляет заслуг жертвователей и не свидетельствует об отсутствии бескорыстия, а лишь говорит о сложности и многоплановости мотивов человеческого поведения и невозможности однозначно определить ведущий мотив того или иного поступка.

Таким образом, в области организации досуга инициатива могла исходить от представителей различных слоев городского населения, включая и чиновников, а основным мотивом, вероятно, было желание разнообразить свой досуг, внести в него полезные развлечения. Однотипность подобных обществ по всей территории Российской империи говорит о том, что столичные практики заимствовались и переносились в провинциальные города, в том числе и на дальневосточную окраину. Желание устроить свой повседневный быт и досуг привычным образом, так же как в Европейской России, согласно модным тенденциям, выступает одним из мотивов организации обществ.

В качестве возможной мотивации благотворительной деятельности, кроме традиционного для российской культуры христианского милосердия и желание помочь нуждающимся, могло выступать и желание повысить свой статус – щедрость в пользу церкви и учебных заведений вознаграждалась орденами, а их наличие позволяло получить купцам звания потомственного почетного гражданина, коммерческого советника и т.п. Подобные награды за участие в самодеятельных организациях в сфере досуга не практиковались, однако и здесь нельзя исключать в качестве мотива выгоду социальной мобильности. Все общества являлись важным коммуникативным пространством как в столичных городах, так и в провинции, именно здесь формировались и поддерживались контакты, создававшие потенциальную возможность заключения выгодных браков, поддержки представителей власти для получения выгодных контрактов или должности, хорошо оплачиваемой и статусной. Нельзя исключать и элемент долженствования, стремления

соответствовать нормам и правилам поведения представителей своего круга, которые предписывали помогать нуждающимся, участвовать в местной общественной жизни.

На примере рассмотрения разнообразных самодеятельных организаций и возможных мотивов их создания и участия в них вырисовывается весьма мозаичная картина мотивации общественной активности: людьми могло двигать, с одной стороны, подвижничество, христианское милосердие, желание бескорыстного служения на благо общества, с другой – стремление войти в один круг общения с представителями власти и высшего общества, приблизиться к «сильным мира сего», получить награды и повысить свой социальный статус, с третьей – погоня за модой, желание быть в курсе новинок, не отставать от других, в том числе и в развлечениях, и в увлечениях общественно-значимой деятельностью, в четвертых – чувство долга, а также стремление соответствовать требованиям своего круга, соблюдать нормы поведения, вынуждавшие играть по определенным правилам: заниматься благотворительностью, входить в местное общественное или сословное собрание и пр. Эти мотивы действуют одновременно или обособленно, и каждый раз нельзя исключать возможность ситуативных практик, когда для одного человека значимо было одно, для другого – другое: там, где один искал выгоду, другой – путь бескорыстного служения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андриец Г.А. Хабаровские Общественное и Военное собрания: их культурно-просветительская деятельность (конец XIX – начало XX в.) // Россия и АТР. 2003. № 3. С. 53-59.
2. Андриец Г.А. Культурная деятельность городских кружков и обществ на юге Дальнего Востока (конец XIX – начало XX в.) // Ойкумена. 2009. № 3. С. 86-101.
3. Благовещенские епархиальные ведомости.
4. Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи: вторая половина XIX – начало XX века. М.: РОССПЭН, 2007.
5. Гросул В.Я. Русское общество XVIII – XIX вв. Традиции и новации. М., 2003.
6. «Далекая окраина». 1915.
7. История Благовещенска. 1856-1917. В 2-х томах. Т.1. Благовещенск, 2009.
8. Камчатские епархиальные ведомости.
9. Котляр Н.В. Городские сети общественных организаций дореволюционного Дальнего Востока // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2008. №2. С. 74-77.
10. Лазарева С.И. Социальная помощь государственных, общественных и благотворительных организаций переселенцам, запасным воинам и членам их семей на Дальнем Востоке в 1900-1917 гг. // Вглядываясь в прошлое. Дальневосточное общество в XIX – XX вв. Сборник научных статей. Кн. 5. Владивосток: ДВО РАН, 2012. С. 118-137.
11. Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток: Изд-во «Усури», 1990.
12. Обзор Амурской области за 1898 год. Благовещенск, 1899.
13. Обзор Амурской области за 1910 год. Благовещенск, 1911.
14. Отчет о состоянии Восточного института за 1909 год с историческим очерком его десятилетней деятельности // Известия Восточного института. 1909-1910 академический год. Владивосток, 1910.
15. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000.
16. Памятная книжка Амурской области на 1913 год. Благовещенск, 1913.
17. Позняк Т.З. Проблема доступности образования в городах дальневосточной окраины (вторая половина XIX – начало XX в.) // Культурный обмен между странами Северо-Восточной Азии и Российским Дальним Востоком. Материалы 16-й межд. конф. Общества культур Северо-Восточной Азии. Пусан, 2008. С. 517-525.
18. Позняк Т.З. Отношение горожан к выборам в органы городского самоуправления (Три случая из истории выборов в Благовещенске во второй половине XIX – начале XX веков) // Новый исторический вестник. 2015. №1. С. 35-59.
19. Сергеев О.И., Лазарева С.И., Тригуб Г.Я. Местное самоуправление на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX вв. Владивосток: Дальнаука, 2002.
20. Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX в. М.: Новый хронограф, 2008.
21. Устюгова О.А. Социальное положение и общественная деятельность предпринимателей-торговцев на юге Дальнего Востока России во второй половине XIX в. // Ойкумена. 2010. № 3. С. 41-47.
22. Формирование сферы гражданской деятельности на Урале второй половины XIX – начала XX в.: социальный аспект. Екатеринбург, 2011.
23. Хмельницкая И.Б. Спортивные общества и досуг в столичном городе начала XX века: Петербург и Москва. М.: Новый хронограф, 2011.

24. Элбакиева Е.Г. Природа поведения человека в различных направлениях зарубежной социальной психологии // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. Сер. Общественные науки. 2012. №2. С.179-184.

REFERENCES

1. Andriets, G.A., 2003. Khabarovskie Obshchestvennoe i Voennoe sobraniya: ikh kul'turno-prosvetitel'skaya deyatel'nost' (konets XIX – nachalo XX v. [Khabarovsk Public and Military associations: their cultural and educational activity (late XIXth – early XXth century)], Rossiya i ATR, no. 3, pp. 53-59. (in Russ.)

2. Andriets, G.A., 2009. Kul'turnaya deyatel'nost' gorodskikh kruzhkov i obshchestv na yuge Dal'nego Vostoka (konets XIX – nachalo XX v.) [Cultural activity of city circles and societies in the south of the Russian Far East (late XIXth – early XXth century)], Oikumena, no. 3, pp. 86-101. (in Russ.)

3. Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti. (in Russ.)

4. Grazhdanskaya identichnost' i sfera grazhdanskoi deyatel'nosti v Rossiiskoi imperii. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka. [Civil identity and the sphere of civil activity in the Russian Empire. Late XIXth – early XXth century]. Moskva: ROSSPEN, 2007. (in Russ.)

5. Grosul, V.Ya., 2003. Russkoe obshchestvo XVIII – XIX vekov. Traditsii i novatsii [Russian society of XVIII-XIX centuries. Traditions and innovations]. Moskva. (in Russ.)

6. Dalekaya okraina. 1915. (in Russ.)

7. Istoriya Blagoveshchenska. 1856-1917. V 2-kh tomakh [The history of Blagoveshchensk. 1856-1917. In 2 volumes]. Vol. 1. Blagoveshchensk, 2009. (in Russ.)

8. Kamchatskie eparkhial'nye vedomosti. (in Russ.)

9. Kotlyar, N.V., 2008. Gorodskie seti obshchestvennykh organizatsii dorevolyutsionnogo Dal'nego Vostoka [City networks of public associations of the pre-revolutionary Russian Far East], Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke, no. 2, pp. 74-77. (in Russ.)

10. Lazareva, S.I., 2012. Sotsial'naya pomoshch' gosudarstvennykh, obshchestvennykh i blagotvoritel'nykh organizatsii pereselentsam, zapasnym voynam i chlenam ikh semei na Dal'nem Vostoke v 1900-1917 gg. [Social help of the state, public and charity associations to the settlers, army reserve soldiers and members of their families in the Russian Far East in 1900-1917]. In: Vglyadyvayas'

v proshloe. Dal'nevostochnoe obshchestvo v XIX – XX vv. Sbornik nauchnykh statei. Kn. 5. Vladivostok: DVO RAN, pp.118-137. (in Russ.)

11. Matveev, N.P., 1990. Kratkii istoricheskii ocherk g. Vladivostoka [Short historical essay of Vladivostok]. Vladivostok: Izd-vo «Ussuri». (in Russ.)

12. Obzor Amurskoi oblasti za 1898 god [Overview of the Amur Region for 1898]. Blagoveshchensk, 1899. (in Russ.)

13. Obzor Amurskoi oblasti za 1910 god [Overview of the Amur Region for 1910]. Blagoveshchensk, 1911. (in Russ.)

14. Otchet o sostoyanii Vostochnogo instituta za 1909 god s istoricheskim ocherkom ego desyatiletnei deyatel'nosti [Report of Oriental Institute for 1909 with historical overview of its ten years' activities], Izvestiya Vostochnogo instituta. 1909-1910 akademicheskii god. Vladivostok, 1910. (in Russ.)

15. Ocherki gorodskogo byta dorevolyutsionnogo Povolzh'ya [The essays of city life of the pre-revolutionary Volga region]. Ul'yanovsk, 2000. (in Russ.)

16. Pamyatnaya knizhka Amurskoi oblasti na 1913 god [Memorial book of the Amur Region for 1913]. Blagoveshchensk, 1913. (in Russ.)

17. Poznyak, T.Z., 2008. Problema dostupnosti obrazovaniya v gorodakh dal'nevostochnoi okrainy (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [The problem of availability of education in the cities of the Russian Far East (late XIXth – early XXth century)]. In: Kul'turnyi obmen mezhd. stranami Severo-Vostochnoi Azii i Rossiiskim Dal'nim Vostokom. Materialy 16 mezhd. konf. Obshchestva kul'tur Severo-Vostochnoi Azii. Pusan, pp. 517-525. (in Russ.)

18. Poznyak, T.Z., 2015. Otnoshenie gorozhan k vyboram v organy gorodskogo samoupravleniya (Tri sluchaya iz istorii vyborov v Blagoveshchenske vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov) [The relation of citizens to local elections (Three cases from the history of elections in Blagoveshchensk in the late XIXth – early XXth century)], Novyi istoricheskii vestnik, no. 1, pp. 35-59. (in Russ.)

19. Sergeev, O.I., Lazareva, S.I. and Trigub, G.Ya., 2002. Mestnoe samoupravlenie na Dal'nem Vostoke Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Local government in the Russian Far East in the late XIXth – early XXth century]. Vladivostok: Dal'nauka. (in Russ.)

20. Tumanova, A.S., 2008. Obshchestvennye organizatsii i russkaya publika v nachale XX veka [Public associations and Russian society in the early XXth century]. Moskva: Novyi khronograf. (in Russ.)

21. Ustyugova, O.A., 2010. Sotsial'noe polozhenie i obshchestvennaya deyatel'nost' predprinimatelei-torgovtsev na yuge Dal'nego Vostoka Rossii vo vtoroi polovine XIX v. [Social status and public activity of businessmen in the south of the Russian Far East in the late XIXth century], Oikumena, no. 3, pp. 41-47. (in Russ.)

22. Formirovanie sfery grazhdanskoi deyatel'nosti na Urале vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.: sotsial'nyi aspekt [The formation of the sphere of civil activity in the Ural region in the late XIXth – early XXth century: social aspect]. Ekaterinburg, 2011. (in Russ.)

23. Khmel'nitskaya, I.B., 2011. Sportivnye obshchestva i dosug v stolichnom gorode nachala XX veka: Peterburg i Moskva [Sports clubs and leisure time in the capital cities of Russia in the early XXth century: St. Petersburg and Moscow]. Moskva: Novyi khronograf. (in Russ.)

24. Elbakieva, E.G., 2012. Priroda povedeniya cheloveka v razlichnykh napravleniyakh zarubezhnoi sotsial'noi psikhologii [The nature of human behavior in various theories of foreign social psychology], Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Obshchestvennye nauki, no. 2, pp. 179-184. (in Russ.)

А.А. Сулейманов*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ В АРКТИЧЕСКИХ РАЙОНАХ ЯКУТИИ В КОНЦЕ XX в.

В статье на основе архивных материалов и опубликованных источников проанализирована история международных экологических проектов, посвященных экологии арктических районов Якутии в последнее десятилетие XX в. В связи с этим автором показана ретроспектива важнейших выявленных инициатив, определены ключевые факторы, способствовавшие их реализации и акторы рассматриваемого процесса. Одновременно были установлены формы совместной работы специалистов из разных стран в области мониторинга биологического разнообразия и охраны окружающей среды региона, выявлены ее основные направления и результаты.

Ключевые слова: Арктика, Якутия, охрана природы, экология, научные исследования, международное сотрудничество

International environmental initiatives in the arctic regions of Yakutia in the late XXth century. ALEXANDER A. SULEYMANOV (Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)

The article analyzes the history of international environmental projects in the Arctic regions of Yakutia in the last decade of the XXth century on the basis of archival materials and published sources. The author shows a retrospective of the most important initiatives in the field, identifies key actors and factors that contributed to their implementation, the forms of joint work of specialists from different countries in the field of monitoring biological diversity and environmental protection of the region and its main results.

Keywords: Arctic, Yakutia, nature protection, ecology, research, international cooperation

Арктические территории Якутии – средоточие разнообразных ландшафтов и экосистем. Здесь расположены равнинные тундры с огромным числом озер, дельты больших рек, обширные плоскогорья и горные системы Верхоянского и Полоусного хребтов, кряжей Чекановского и Прончищева, арктические пустыни и острова Северного Ледовитого океана. Такое богатство ландшафтов, естественно, определяет многогранность и уникальность видового состава флоры и фауны. Дельта Индигирки, например, считается ключе-

вым районом при изучении биологического разнообразия Республики Саха (Якутия) [17, с. 37]. В числе обитающих в этом районе представителей редких видов фауны – стерх, белоклювая гагара, пискулька, клоктун, сибирская и очковая гаги, розовая чайка, черношапочный сурок и белый медведь. Причем заполярная зона Якутии является одним из немногих регионов мира, где эти виды сохранились относительно неплохо.

Однако экологические проблемы XX в. не обошли стороной и Якутию. К 1990-м гг. в ре-

* СУЛЕЙМАНОВ Александр Альбертович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН.

E-mail: alexas1306@mail.ru

© Сулейманов А.А., 2017

спублике появились районы экологического неблагополучия, в том числе на арктической территории – Яно-Индибирский. В частности, загрязнение вод бассейна реки Хрома оловодобывающей промышленностью и постоянный перелов рыбы привели к резкому сокращению видового разнообразия и, как следствие, уменьшению промыслового значения. К концу 1980-х гг. в этом районе из 62 видов беспозвоночных животных, обитавших ранее, отмечалось наличие только 12, из 14 видов рыб исчезло 4 и т.д. Из-за охоты и беспокойства деградировали массовые линники гусей в дельте Индибирки и на реке Алазея. Вследствие перевыпаса оленьих пастбищ и повреждения лишайников механическим транспортом произошло сокращение пригодных для питания животных площадей и т.д. [2, с. 152]

При этом следует учитывать, что в заполярных районах Якутии проживают представители аборигенных этносов Арктики – долганы, эвенки, эвены, чукчи, юкагиры и якуты. Основой жизнедеятельности многих из них по-прежнему остаются традиционные формы хозяйствования (оленоводство, рыболовство, охота), теснейшим образом связанные с состоянием окружающей среды [4].

Очевидно, что экологические проблемы Якутии, Арктики и планеты в целом органически взаимосвязаны. Так, крупнейшие реки республики – Лена, Яна, Индибирка, Анабар, Оленек и Колыма – впадают в Северный Ледовитый океан, воды которого омывают берега всех арктических стран. В то же время физико-географические условия Ледовитого океана таковы, что поступающие в него загрязнения могут разноситься по всей акватории, а естественные восстановительные процессы в холодных водах протекают значительно медленнее, чем в южных широтах [2, с. 62].

Общность важнейших экологических проблем, естественно, диктует необходимость максимально возможного объединения сил и средств для их решения. Примечательно, что даже в годы холодной войны арктические районы Якутии являлись полигоном экологического сотрудничества ученых из СССР и США: в 1970-е гг. в Яно-Индибирском междуречье проводилась «Операция Стерх» по спасению уникального вида – сибирского белого журавля [19]. С падением железного занавеса это в целом эпизодическое сотрудничество исследователей приобрело принципиально иные масштабы.

Немаловажным фактором, благоприятствующим интенсификации взаимодействия ученых-экологов, стал хорошо известный «Процесс Рованиеми», направленный на создание системы кооперации 8 приарктических стран (Дания, Ис-

ландия, Канада, Норвегия, Россия, США, Финляндия и Швеция) по обеспечению устойчивого развития Арктики. Наиболее очевидным его результатом явилось создание в 1996 г. Арктического совета. Краеугольным камнем развития «Процесса Рованиеми» служило именно сотрудничество по решению экологических проблем Севера. В частности, финский исследователь Л. Хейнинен считает принятие в 1991 г. представителями названных выше государств Стратегии охраны окружающей среды Арктики «официальным началом» современного межправительственного взаимодействия в регионе [20, с. 216-217].

Кроме того, серьезным подспорьем при организации международного сотрудничества и реализации в арктических районах Якутии разнообразных экологических инициатив в рассматриваемый период стала активная позиция руководства и научного сообщества республики, опиравшегося на аккумулированный за годы исследовательской деятельности богатый эмпирический материал. В этом плане необходимо отметить подписанный в 1994 г. президентом республики М.Е. Николаевым указ «О мерах по развитию особо охраняемых территорий», в основе которого лежали многолетние изыскания сотрудников Института биологии Сибирского отделения РАН (г. Якутск, сейчас – Институт биологических проблем криолитозоны СО РАН), разработавших систему особо охраняемых природных территорий (ООПТ) Якутии (Национальный архив Республики Саха (Якутия), далее – НАРС(Я). Ф. П-1534. Оп. 1. Д. 11. Л. 37-44). Согласно этому указу, к 2000 г. 20% площади крупнейшего субъекта Российской Федерации отводилось под ООПТ [18].

Другим примером серьезного внимания, уделяемого руководством Якутии вопросам экологии, является его участие в работе Всемирного фонда дикой природы (WWF), одним из основных направлений деятельности которого как раз в рассматриваемый период стала организация в Арктике системы заповедных зон – с 1992 г. Фонд приступил к осуществлению Арктической программы, направленной на создание сети особо охраняемых природных территорий, защиту флоры и фауны региона. В частности, в 1993 г. при существенной поддержке WWF на Таймыре был создан Большой Арктический заповедник – и тогда, и сейчас крупнейший в Евразии.

На проходившей в ноябре 1993 г. в Стокгольме международной конференции по охране природы в Российской Федерации, организованной шведским отделением Всемирного фонда дикой природы (WWF-Швеция), Якутия была представ-

лена достаточно солидной делегацией, в которую входили: президент республики М.Е. Николаев, член-корреспондент РАН, директор Института биологии СО РАН Н.Г. Соломонов, директор Усть-Ленского заповедника С.В. Ларионов, министр экологии и природопользования Е.Н. Чемезов, советник ЮНЕСКО И.В. Рожин, государственный советник по политике в области экологии и охраны здоровья В.Г. Алексеев [1].

Именно с работой якутской делегации было связано одно из важнейших достижений форума – подписание М.Е. Николаевым, а также генеральным секретарем WWF-Швеция Й. Вальстедом и координатором Арктической программы WWF-Международный П. Прокошем Меморандума о взаимопонимании. В этом документе отмечалась необходимость организации международной экспедиции по исследованию биологических ресурсов устья Лены, Новосибирских островов и моря Лаптевых, а также создания биологической станции, «которая будет служить базой для международных прикладных природоохранных исследований». Станция, учитывая «выдающуюся роль Швеции в освоении арктических районов», было решено дать имя знаменитого полярника XIX в. А. Норденшельда. Согласно меморандуму, WWF брал на себя обязательства по оказанию финансовой поддержки при строительстве и оборудовании международной биологической станции (МБС), также проведении названной экспедиции. В свою очередь, руководство Якутии соглашалось нести ответственность за ее будущую эксплуатацию [10].

Международная биологическая станция «Лена-Норденшельд» была открыта 23 июня 1995 г. в присутствии М.Е. Николаева и президента Всемирного фонда дикой природы принца Филиппа. Ее основными задачами объявлялись: организация комплексного исследования северных экосистем, обеспечение и проведение международных научных и прикладных исследований по изучению и охране окружающей среды Арктики [12].

В 1995 г. по инициативе WWF и при поддержке правительства Республики Саха (Якутия) в городе Упсала (Швеция) была организована еще одна международная конференция, на этот раз специально посвященная проблемам особо охраняемых территорий Якутии. В ее работе принимали участие специалисты из Германии, Норвегии, России, Финляндии и Швеции. В якутскую делегацию входили: В.Г. Алексеев (министр охраны природы), Н.Г. Соломонов и Н.И. Гермогенов (Институт биологии СО РАН), который представил развернутый проект по организации в Аллаиховском улусе

республики ресурсного резервата «Кыталык» (на якутском языке – «журавль») – промежуточной между заказником и заповедником особо охраняемой территории, сочетающей различные формы режима охраны и зонирования, а также учет интересов и занятий местных жителей [2, с. 150-155].

Договоренность о сотрудничестве Якутии и WWF при создании данного резервата, которая была закреплена в подписанном между Министерством охраны природы Республики Саха (Якутия) и Всемирным фондом дикой природы меморандуме, стала основным итогом конференции. Целью резервата объявлялось «сохранение биологического разнообразия животного мира и птиц, как фактора экологического благополучия региона и основы развития традиционного природопользования». Одновременно в меморандуме было представлено обязательство Фонда по оказанию Якутии финансовой помощи в оснащении станции «Лена-Норденшельд» современным оборудованием (Текущий архив Министерства охраны природы Республики Саха (Якутия), далее – МОП РС(Я)).

Созданию ресурсного резервата «Кыталык» предшествовала рабочая встреча-симпозиум, состоявшаяся в июле 1996 г. в п. Чокурдах (Аллаиховский улус). Во встрече принимали участие специалисты из России, США, Швеции и Японии, обсудившие различные нюансы организации и функционирования резервата в специфических местных условиях (малочисленное население, занимающееся традиционной хозяйственной деятельностью, уникальная сохранность 99% дикой популяции стерхов и др.) (Текущий архив МОП РС(Я)).

«Кыталык» был создан в августе 1996 г. при финансовой поддержке WWF-Германия на базе существовавших ранее заказников «Елонь» и «Хрома» [13]. В следующем году резерват включили в Сеть особо охраняемых местообитаний редких журавлей Северо-Востока Азии, которая была создана под эгидой Международного фонда охраны журавлей (МФОЖ), Азиатского отделения Бюро Рамсарской конвенции и Агентства Окружающей среды Японии [5, с. 6-14]. В 1998 г. в целях «создания целостной территории по сохранению и охране мест гнездовий стерха и других редких и исчезающих объектов живой природы» площадь резервата была расширена с 1,5 млн. га до 2,5 млн. га [14].

Поддержка республиканскими властями названных экологических проектов, безусловно, имела большое значение и создавала относительно благоприятную среду для исследовательской

деятельности, однако определяющую роль в разработке и реализации этих и других международных инициатив, конечно же, играли российские и зарубежные ученые.

В частности, одной из важных вех на пути создания ресурсного резервата «Кыталык» стала проводившаяся в июне 1992 г. в колледже Миддлбери (штат Вермонт, США) конференция по мигрирующим птицам, в которой принимали участие более 50 специалистов из Канады, Китая, России и США. Главной целью конференции была выработка плана совместных действий по охране перелетных птиц и среды их обитания. Причем, и это особенно подчеркивали организаторы, действий именно на многосторонней основе, так как существовавшая ранее система договоров, хотя формально и охватывала все 4 страны, предусматривала лишь двухстороннее сотрудничество (серия соглашений 1960-х – 1980-х гг. Службы рыбы и дичи штата Аляска и Канадской службы дикой природы, Соглашение СССР и США о сотрудничестве в области охраны окружающей среды 1972 г., Протокол об охране природы между Соединенными Штатами и Китаем 1986 г.) [21].

Н.И. Гермогенов представил на конференции разработанный в Институте биологии СО РАН проект сотрудничества орнитологов Китая, России и США по изучению экологии, местообитания, размножения и миграции сибирской популяции стерха.

Суть проекта заключалась в координации и интеграции усилий специалистов с целью обеспечения и углубления мониторинговых исследований сибирского журавля на всем протяжении ареала его обитания в Восточной Азии, создании эффективной защиты птиц на путях миграции, транзитных остановках, местах гнездования и зимовок [7, с. 290-293]. Проект был одобрен Международным фондом охраны журавлей и стал осуществляться под его эгидой.

В августе 1992 г. российские ученые Ю.В. Лабутин и А.Г. Дегтярев (Институт биологии СО РАН) и их американские коллеги Д. Эллис и Д. Смит (МФОЖ) работали в Аллаиховском улусе, где впервые в истории закрепили мониторинговые спутниковые передатчики на двух птенцах стерха для определения путей их миграции. В следующем году при финансовой и технологической поддержке МФОЖ и Научного центра Общества диких птиц Японии А.Г. Дегтярев и Ю.В. Лабутин зафиксировали аналогичные устройства на паре взрослых журавлей (Текущий архив Института биологических проблем криолитозоны СО РАН).

В январе 1994 г. Международный фонд охраны журавлей, Управление заповедниками провинции Цзянси, заповедник Поянху (Китай) и Институт биологии СО РАН (Н.И. Гермогенов, А.Г. Дегтярев, Ю.В. Лабутин) [6, с. 51] организовали совместные исследования мест зимовки стерха в юго-восточном Китае [23].

В августе 1995 г. мечение сибирских журавлей спутниковыми передатчиками в Яно-Индигирском междуречье было продолжено при сотрудничестве исследователей Института биологии СО РАН (А.Г. Дегтярев и Ю.В. Лабутин) и Научного центра Общества диких птиц Японии (Ю. Канаи). Ученые закрепили устройства на трех птицах. В заключительном для проекта 1996 г. эти же специалисты, а также М. Нагендран (МФОЖ, США) зафиксировали передатчики на 10 стерхах. Проведена эта работа была, главным образом, за счет средств японской стороны [7, с. 294-295].

В ходе названных исследований специалисты получили сведения о численности стерха, местах гнездования и ареале его обитания, сроках и путях миграции. Данные изыскания помогли выявить особенности размножения и обитания птиц, определить приоритетные пути решения проблемы сохранения сибирского белого журавля – изучение динамики численности и структуры популяции, а также сохранение современной жизненной среды стерхов (в первую очередь на местах их зимовки в Китае) [7, с. 295].

В это же время было организовано изучение экологии другого редкого представителя арктической фауны – очковой гаги. Как отмечают Н.Г. Соломонов и В.Н. Васильев, в начале 1970-х гг. данный вид был широко распространен и достаточно многочислен на всем северо-востоке Сибири и западном побережье Аляски. Однако затем произошло катастрофическое снижение аляскинской популяции птиц. Вследствие чего возникла необходимость совместных российско-американских исследований численности, местообитания, размножения, весенней и осенней миграции (при помощи имплантации птицам спутниковых радиопередатчиков), а также взаимоотношения с хищниками очковой гаги в северо-восточной Якутии [16, с. 76].

Исследования проводились в 1993-1995 гг. в дельте Индигирки совместными усилиями орнитологов Института биологии СО РАН и Аляскинского центра Национальной Биологической службы США. Руководили проектом Н.Г. Соломонов и М. Петерсон. В полевых работах с российской стороны принимали участие А.Г. Дегтярев, С.М. Слепцов и С.П. Троев, с американской –

Д. Пиерс, Д. Эслер, Д. Халл, Д. Малкехи и М. Петерсон [17, с. 37]. Финансировались исследования Национальной Биологической службой США [15, с. 26].

В результате этих изысканий были установлены: ареал обитания очковой гаги, численность якутской популяции вида (осталась на прежнем, относительно неплохом уровне), особенности размножения, сроки и маршруты прилета птиц. Вместе с тем, ученые предложили включить район высокой численности очковой гаги в природоохранную зону – будущий ресурсный резерват «Кыталык» [16, с. 77]. Особо стоит отметить, что материалы исследований легли в основу рекомендаций Правительству США по восстановлению популяции очковой гаги на Аляске.

Сохранению генетического разнообразия другого представителя животного мира – сурка, была посвящена международная программа INTAS 93-161. Ее целью являлась закладка основ для управления популяциями сурков «от Пиренеев до тундр Северной Сибири». В рамках INTAS исследовательские группы из шести стран (Италия, Испания, Казахстан, Россия, Украина и Франция) изучили экологию шести видов сурков, в том числе черношапочного в Якутии и на Камчатке. Причем этот вид рассматривался учеными, как находящийся под угрозой исчезновения [9, р. 225-232].

В 1994 г. В.Н. Васильев (Якутский международный центр по развитию северных территорий СО РАН), М. Ле Бэр и Р. Рамюс (Университет Клода Бернара, Франция) в результате экспедиционных исследований проанализировали динамику численности и географическую распространенность черношапочного сурка в Хараулахских горах, выходящих к протокам дельты Лены. Ученым удалось выяснить, что в целом за 50 лет ареал обитания сурка не изменился, однако плотность его заселения снизилась почти в три раза. Данный факт специалисты объяснили ухудшением условий окружающей среды, вызванным, с одной стороны, экспансией лесов, с другой – ростом антропогенной нагрузки на экосистемы региона. Кроме этого, в рамках программы INTAS в Усть-Ленском заповеднике (Булунский улус) был создан стационар для разведения черношапочного сурка. По результатам программы исследователи составили рекомендации органам власти по сохранению видов сурков, находящихся под угрозой исчезновения [9, р. 233-237].

Изучение редких видов фауны заняло значительную часть и российско-шведской комплексной экспедиции «Экология тундры-94». Организаторами экспедиции являлись Российская

академия наук и Королевская академия наук Швеции. Научное руководство с российской стороны осуществлял академик Е.Е. Сыроечковский (Институт эволюционной морфологии и экологии животных им. А.Н. Северцова РАН), а со шведской стороны – глава Секретариата полярных исследований У. Меландер. В составе экспедиции работали более 150 ученых из Австралии, Исландии, Нидерландов, Норвегии, России, США и Швеции (НА РС(Я). Ф. П-1534. Оп. 1. Д. 11. Л. 9).

Исследования проводились с июня до сентября 1994 г. на флагмане российского полярного флота – научно-экспедиционном судне «Академик Федоров». Маршрут экспедиции пролегал по всем северным морям России и включил исследования в 26 точках арктического побережья от Кольского полуострова до Чукотки и острова Врангеля. В том числе были организованы изыскания на Новосибирском архипелаге (острова Бельковский, Котельный, Фаддеевский) и в районах дельт рек Оленек, Яна, Индигирка и Колыма [8].

Экспедиция включала три этапа, в конце каждого из которых, в зависимости от поставленных конкретных задач, производилась частичная смена состава исследователей. Первый этап завершился 4 июля в Хатанге, на втором этапе корабль прошел от Хатанги до Колочинской губы и 5 августа вернулся в Тикси. На третьем – были совершены повторные высадки во все пункты, обследованные в ходе предыдущих этапов экспедиции.

Если говорить о составе участников из России, то в основном они представляли научные организации Москвы и Санкт-Петербурга, по одному специалисту было из Екатеринбурга и Барнаула, а из регионов, по территории которых проходил маршрут экспедиции, своих представителей имели только Мурманская область и Республика Саха (Якутия) (НА РС(Я). Ф. П-1534. Оп. 1. Д. 11. Л. 9-10). На первом этапе экспедиции Якутию представлял В.Н. Васильев, на третьем – В.И. Поздняков (Институт биологии СО РАН). Они участвовали в работах по изучению роли мелких млекопитающих и птиц в тундровых экосистемах, а также миграционных путей арктических птиц.

Как отмечает В.Н. Васильев, во время экспедиции были собраны материалы по состоянию популяций различных видов рыб, птиц и животных. Для выяснения путей миграций исследователи окольцевали около тысячи представителей 39 видов птиц. Кроме того, были получены данные по загрязнению различных участков морей, рек и материковых водоемов, уточнены районы будущих особо охраняемых территорий [3].

После своего ввода в эксплуатацию значительную роль при организации международных инициатив на территориях и акваториях, прилегающих к дельте Лены, начала играть биологическая станция «Лена-Норденшельд». Так, с 1996 г. она стала базой для осуществления изысканий в рамках российско-германского проекта «Система моря Лаптевых».

Основной смысл данного проекта, как и целого ряда других программ, имевших место в последнее десятилетие XX в. в различных уголках Арктики, состоял в изучении разнообразных проблем, связанных с глобальным изменением климата и его возможными последствиями для окружающей среды.

В связи с этим, ученые проводили исследования с перспективой последующего определения последствий изменений климата на жизненно важные составляющие природной системы: растений, почвы и орнитофауны. Дело в том, что, скажем, такой компонент экосистемы как птицы очень чувствительно реагирует на перемену погодных условий. Долгосрочный же мониторинг состояния популяций птиц позволяет выявить влияние и последствия трансформаций окружающей среды.

В мае 1996 г. Д.В. Соловьева (Усть-Ленский заповедник) с помощью аэровизуальных наблюдений установила виды животных, обитающих на участке польни севернее дельты Лены, и проследила интенсивность миграции птиц в этом районе. В мае-июне того же года В.И. Поздняков (МБС «Лена-Норденшельд») и Ю.Н. Софронов (Усть-Ленский заповедник) оценили видовой и количественный состав части миграционного потока птиц устья Лены, проходящего вдоль побережья моря Лаптевых (Текущий архив МОП РС(Я)).

В июне-июле 1998 г. и июне-сентябре 1999 г. Д.В. Соловьева и В.И. Поздняков продолжили свои орнитологические исследования в дельте Лены. Изыскания осуществлялись преимущественно на моторной лодке, причем общая протяженность маршрутов составила порядка 1600 км в 1998 г. и 2800 км – в 1999 г. Работы включали: определение видового состава населяющих дельту птиц, приблизительную оценку их численности, выявление очагов обитания и получение количественных данных по размножению. Наблюдения были разделены на три части в соответствии с основными этапами сезонной активности птиц: первоначально специалисты изучили период гнездования, затем выводок птенцов и, наконец, осеннюю миграцию. В ходе исследований в 1998 г. было зарегистрировано 32 вида птиц, в 1999 г. – 48, определена плотность заселения (около 20 особей

на 10 км), установлены места гнездований основных представителей орнитофауны ареала (лебедь, гусь, гагара, чайка, утка, сапсан, кулик, поморник, крачка, кречет, беркут, ласточка, бекас) и усредненные показатели выводка [24; 25; 26].

М.П. Журбенко (Ботанический институт им. В.Л. Комарова РАН, Санкт-Петербург) и И.А. Ахмадеева («Лена-Дельта») осуществили ботанические изыскания по определению видового разнообразия флоры устья Лены: растений, лишайников, мхов – всего было установлено 280 видов [28]. Почвенно-зоологическому изучению этого же района посвятил свои исследования Э. Цоллнер (Институт полярной экологии, Германия). Немецкий ученый в июле-августе 1998 г. произвел отбор проб земли для последующей оценки ее биологической активности в лаборатории в Германии и определил состав беспозвоночных животных в верхнем слое почвы [29].

В июне-августе 1997 г. со станции «Лена-Норденшельд» была проведена международная экспедиция по изучению биоразнообразия дельты Лены, о необходимости которой говорилось в Меморандуме о взаимопонимании 1993 г. Организаторами экспедиции выступили Министерство охраны природы РС(Я) и Российская академия наук. В изысканиях приняли участие О. Гилг (Биологический факультет Хельсинского университета, Финляндия), Е.Г. Лаппо (Институт географии РАН), В.И. Поздняков, Б. Сабар и Р. Сэйн (Центр исследований и документации полярных областей, Франция), Д.В. Соловьева, М. Стенмир (Институт химической экологии Макса Планка, Германия), Е.Е. Сыроечковский, Д. Тсанос (ресурсный резерват «Лена-Дельта»), К. Цоклер (Всемирный центр мониторинга охраны природы, Великобритания) и Г. Эйгорн (Зоологический институт, Германия) [22, р. 120-121].

Ученые определили видовое разнообразие, плотность заселения, ареал обитания популяций птиц и млекопитающих исследованного района. Всего специалисты зарегистрировали 16 видов млекопитающих и 76 видов птиц, причем 6 из них были выявлены в дельте Лены впервые [22, р. 120-131].

На международной биологической станции «Лена-Норденшельд», а также на станциях в Тикси (Булунский улус) и Чокурдахе в 1996-1997 гг. было установлено японское оборудование для измерения показателей кислотных осадков в рамках приоритетного проекта Северного Форума «Исследование окружающей среды и мониторинг атмосферы и океана» (НА РС(Я). Ф. П.-1534. Оп. 1. Д. 11. Л. 108). Представители инициатора и ко-

ординатора этого проекта –Хоккайдо (Япония) – обеспечили названные станции, а также станции в Сахалинской области, провинциях Хейлуцзян (Китай) и Дорноде (Монголия) приборами для сбора образцов и необходимыми материалами для их обслуживания [11, с. 86]. Результатом проведенных по проекту работ стал отчет, подготовленный японскими учеными в 2000 г., в котором были приведены рекомендации правительствам стран, где проводились наблюдения, по принятию мер для сокращения выбросов различных газов и других химических веществ промышленными предприятиями (НА РС(Я). Ф. П.-1534. Оп. 1. Д. 11. Л. 112-119).

«Лена-Норденшельд» в июле 2000 г. стала местом проведения рабочей встречи «Перспективы охраны природы в Российской Арктике в циркумполярном контексте», организованной Министерством охраны природы РС(Я) совместно с WWF и приуроченной к пятилетию со дня создания станции. В семинаре участвовали 36 представителей Программы ООН по окружающей среде, Северного Форума, Программы сохранения арктической флоры и фауны Арктического совета, WWF, государственных, исследовательских и общественных учреждений Германии, Исландии, Нидерландов, Норвегии, России, США и Швеции. Якутию на этом мероприятии представляли: Л.Е. Шматкова (заместитель министра охраны природы РС(Я)), Н.А. Находкин (исполнительный директор подсекретариата Северного Форума в Якутске), В.Н. Васильев, Н.П. Александрова (координатор проектов Академии Северного Форума), М.Н. Григорьев (Институт мерзлотоведения им. П.И. Мельникова СО РАН), В.И. Поздняков, а также сотрудники Усть-Ленского заповедника – Д.Н. Горохов, Д.В. Соловьева и Ю.Н. Софронов [27, р. 88-90].

Основной целью семинара было подведение итогов 5-летней деятельности международной биологической станции «Лена-Норденшельд», обобщение опыта организации и функционирования природоохранных объектов в Арктике, а также определение перспектив совместной работы на ближайшие годы.

Поскольку ряд положений, выработанных в ходе работы семинара, фактически резюмировали результаты международных экологических инициатив, реализованных в арктических районах Якутии, а также значение усилий республики в области охраны природы, предпринятые в 1990-е гг., представляется необходимым рассмотреть их подробно.

Участники семинара отметили положительный пример, который Якутия продемонстрировала для других субъектов Российской Федерации в плане

создания охраняемых территорий в арктических районах страны, общая площадь которых в течение последнего десятилетия XX в. увеличилась более чем в два раза. Одновременно были высоко оценены вклад российской науки в дело сохранения биоразнообразия в регионе и ее потенциал стать «ключевым инструментом в области охраны природы Арктики». В целях закрепления достигнутых успехов, специалисты рекомендовали продолжить развитие МБС «Лена-Норденшельд» как важного пункта российских и международных исследований, содействующих сохранению природы Якутии, России и Арктики в целом, в т.ч. предложив Национальному научному фонду США оказывать в этом помощь. Кроме того, участники встречи призвали активнее развивать различные направления совместных исследовательских природоохранных проектов. Результатом семинара также стало предложение о сотрудничестве при изучении дельт рек Лена, Юкон-Кускоквим (Аляска, США) и Макензи (Канада), взаимодействия арктических исследовательских станций «Лена-Норденшельд», им. Виллема Баренца (п-ов Таймыр) и планируемой станции в дельте Печоры [28, р. 6-87].

В последующие годы, конечно же, далеко не все из этих предложений были реализованы. Например, к сожалению, так и остались «на бумаге» планы по созданию Печорской станции. Практически отсутствовали громкие в имиджевом плане международные экологические проекты, подобные созданию биологической станции «Лена-Норденшельд» и ресурсного резервата «Кыталык». Однако, вместе с тем, непосредственная исследовательская работа ученых из разных стран мира по изучению биоразнообразия и охране окружающей среды арктических районов Якутии получила плодотворное развитие и по ряду направлений позволила выйти на качественно иной уровень.

Подводя же итоги рассматриваемому периоду, следует отметить, что в конце XX в. в арктических районах Республики Саха (Якутия) был реализован целый ряд международных инициатив в области экологии в которых принимали участие специалисты из Великобритании, Германии, Исландии, Китая, Нидерландов, России, США, Финляндии, Франции, Швеции и Японии. Формы их совместной работы включали: обсуждение проблем экологии арктических районов Якутии и выработку плана совместных действий на конференциях, семинарах и рабочих встречах; реализацию международных исследовательских проектов, включая проведение морских и сухопутных экспедиций для сбора полевого материала, его последующий

анализ и обработку; публикацию материалов изысканий, а также создание природоохранных территорий. Это сотрудничество, помимо чисто познавательного процесса, нередко предполагало финансирование зарубежными коллегами части или полного объема исследований, включая дорогостоящие авиаучетные работы и оказание технологической помощи (спутниковые радиопередатчики, лабораторный анализ) – нельзя забывать о том крайне непростом положении, в котором оказалась российская наука в 1990-е гг.

Среди направлений проводившихся изысканий следует назвать сбор специалистами материалов по состоянию популяций различных видов рыб, птиц, млекопитающих и в целом роли животных в тундровых экосистемах. Отдельное внимание исследователи уделили изучению биоразнообразия дельты Лены. Ученые осуществили изыскания по определению видового состава, количественных показателей флоры, орнитофауны и млекопитающих этого уникального уголка Арктики. Целый комплекс исследований был посвящен получению сведений о численности, ареалах обитания, путях миграции перелетных птиц, включая такие редкие виды как стерх и очковая гага. Причем на основе полученных в ходе проведенных изысканий данных специалисты разработали меры по охране названных видов. Пожалуй, главной из этих мер и одним из наиболее очевидных результатов сотрудничества ученых Якутии с зарубежными коллегами, стала работа по созданию особо охраняемых природных территорий. Еще одним направлением международного сотрудничества экологов были работы по определению загрязненности различных участков морей, рек и материковых территорий вредными веществами и выяснение результатов антропогенного воздействия на отдельные компоненты экосистемы арктических районов Якутии.

В целом же, реализованные в рассмотренный период инициативы стали одной из интересных страниц в истории многолетней работы по изучению и сохранению уникальной природы Арктики, дали возможность ученым активнее обмениваться имеющимся опытом, существенно обогатить свой методологический арсенал и в конечном итоге позволили расширить горизонты познания арктических районов Якутии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В.Г. Экологические проблемы Якутии стали достоянием мировой общественности. Таково значение визита делегации Республики Саха в Швецию // Республика Саха. 1993. 23 ноября.
2. Алексеев В.Г., Гермогенов Н.И., Николаев М.Е. и др. Экологические проблемы Якутии. Якутск: Сахаполиграфиздат, 1996.
3. Васильев В. Экология тундры – тема уникальной международной экспедиции от Мурманска до Чукотки // Илин. 2003. № 2. С. 56-58.
4. Винокурова Л.И. Земля как пространство повседневной жизнедеятельности аборигенов Якутии в 1960-1990 гг. // Теория и практика общественного развития. 2013. № 12. С. 48-51.
5. Гермогенов Н.И., Дегтярев А.Г., Лабутин Ю.В. и др. Стратегия сохранения стерха в Якутии. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 2002.
6. Гермогенов Н.И., Лабутин Ю.В. Обзор орнитологических исследований в Якутии // Институт биологических проблем криолитозоны. 50 лет / Отв. ред. Н.Г. Соломонов. Якутск: ДНиСПО МО РС(Я), 2002. С. 43-51.
7. Гермогенов Н.И., Соломонов Н.Г., Дегтярев А.Г. и др. Международное сотрудничество по изучению и охране птиц Якутии: основные итоги, новые подходы и технологии // Птицы Сибири: структура и динамика фауны, населения и популяций (под редакцией Л.Г. Вартапетова). Труды Института систематики и экологии животных СО РАН. 2011. Вып. 47. С. 289-310.
8. Горячкин С. Из варяг в чукчи // Вокруг Света. 1995. № 9. С. 28-31.
9. Ле Бэр М., Рамюс Р. Научные результаты исследовательской программы INTAS «Экологические основы управления биоразнообразием сурков в Евразии». In: Armitage, K.B. and Rumiantsev, V.Y. eds., 2002. Holarctic marmot as a factor of biodiversity. Moscow: ABF P.H, pp. 225-238.
10. Меморандум о взаимопонимании // Республика Саха. 1993. 23 ноября.
11. Николаев М.Е. Арктика и Северный Форум. Якутск: Сахаполиграфиздат, 2000.
12. Постановление Правительства РС(Я) от 9.04.96 №144 «О создании международной биологической станции «Лена-Норденшельд»».
13. Постановление Правительства РС(Я) от 12.08.1996 № 337 «О создании Национального природного парка «Сиинэ» в Горном улусе и ресурсных резерватах «Кыталык» в Аллаиховском и «Лена-Дельта» в Булунском улусах».
14. Постановление Правительства РС(Я) от 25.12.1998. № 620 «О создании охраняемого ландшафта (Улуу Туолбэ) «Абалах» в Мегино-Кангаласском улусе и расширении территории ресурсного резервата «Кыталык» в Аллаиховском улусе».
15. Соломонов Н.Г. Экология – арена международного научного сотрудничества // Знание на

службу нуждам Севера. Тезисы докладов Первой международной конференции Академии Северного Форума / Гл. ред. В.Н. Васильев. Якутск: Северовед, 1996. С. 25-26.

16. Соломонов Н.Г., Васильев В.Н. Изученность и проблемы охраны биологических ресурсов приарктической Якутии // Арктика и Северный морской путь: Доклады региональной научно-практической конференции в Тикси, 2000 / Отв. ред. Е.Г. Егоров. Якутск: Изд-во СО РАН, Якут. фил., 2001. С. 70-80.

17. Соломонов Н.Г., Охлопков И.М. Международный форум по изучению и сохранению животного мира Арктики // Наука и техника в Якутии. 2007. № 2. С. 34-38.

18. Указ Президента Республики Саха (Якутия) от 16.08.1994. № 837. «О мерах по развитию особо охраняемых территорий».

19. Флинт В.Е. Операция «Стерх». М.: Лесная промышленность, 1981.

20. Хейнинен Л. Циркумполярные международные отношения и геополитика // Доклад о развитии человека в Арктике. Перевод с английского / Науч. ред. А.В. Головнев. Екатеринбург; Салехард: Этнографическое бюро, 2007. С. 206-224.

21. Fish and Wildlife Service. Department of the interior news release. May 12, 1992 // U.S. Fish & Wildlife Service. URL: <https://www.fws.gov/news/Historic/NewsReleases/1992/19920512.pdf>

22. Gilg, O., Sane, R., Solovieva, D. et al., 2000. Birds and mammals of the Lena Delta Nature reserve, Siberia. Arctic, Vol. 53, no. 2, pp. 118-133.

23. Harris, J.T., Goroshko, O., Labutin, Y. et al., 1995. Results of Chinese-Russian-American investigation of cranes wintering at Poyang Lake Nature Reserve, China. In: Halvorson, C.H., Harris, J.T., Smirenski, S.M. eds., 1995. Cranes and storks of the Amur River, proceedings of the international workshop, Khabarovsk-Poyarkovo-Khabarovsk, July 3-12, 1992. Moscow: Art Literature Publishers, pp. 35-42.

24. Pozdnyakov, V.I., 1999. Distribution and abundance of birds on the channels of the Lena delta. In: Rachold, V., Grigoryev, M.N. eds., 1999. Russian-German Cooperation System Laptev Sea 2000: The Lena Delta 1998 Expedition. Ber. Polarforsch, no. 315, pp. 48-51.

25. Pozdnyakov, V.I., 2000. Monitoring for bird populations in the Lena Delta // Russian-German Cooperation System Laptev Sea 2000: The Expedition LENA 1999 / In: Rachold, V., Grigoryev, M.N. eds., 2000. Russian-German Cooperation System Laptev Sea 2000. Ber. Polarforsch, no. № 354, pp. 20-21.

26. Solovieva, D.V., 1999. Ornithological observations. In: Rachold, V., Grigoryev, M.N. eds.,

1999. Russian-German Cooperation System Laptev Sea 2000: The Lena Delta 1998 Expedition. Ber. Polarforsch, no. 315, pp. 46-48.

27. WWF: Perspectives for Russian Arctic Conservation in a Circumpolar Context. Workshop Summary. Oslo: WWW Arctic Programme, 2000.

28. Zhurbenko, M., Akhmadeev, I., 1999. Botanical research. In: Rachold, V., Grigoryev M.N. eds., 1999. Russian-German Cooperation System Laptev Sea 2000: The Lena Delta 1998 Expedition. Ber. Polarforsch, no. 315, pp. 42.

29. Zollner, E., 1999. Soil zoological research. In: Rachold, V., Grigoryev, M.N. eds., 1999. Russian-German Cooperation System Laptev Sea 2000: The Lena Delta 1998 Expedition. Ber. Polarforsch, no. 315, pp. 42-46.

REFERENCES

1. Alekseev, V.G., 1993. Ekologicheskie problemyi Yakutii stali dostoyaniem mirovoy obschestvennosti. Takovo znachenie vizita delegatsii Respubliki Sakha v Shvetsiyu [Ecological problems of Yakutia became known to the international community: this is the significance of the visit of the delegation of the Republic of Sakha in Sweden], Respublika Sakha, 23 November. (in Russ.)

2. Alekseev, V.G., Germogenov, N.I., Nikolaev, M.E. et al., 1996. Ekologicheskie problemyi Yakutii [Environmental problems of Yakutia]. Yakutsk: Sakhapoligrafizdat. (in Russ.)

3. Vasilev, V., 2003. Ekologiya tundryi – tema unikalnoy mezhdunarodnoy ekspeditsii ot Murmanska do Chukotki [Ecology of tundra – the topic of a unique international expedition from Murmansk to Chukotka], Ilin, no. 2, pp. 56-58. (in Russ.)

4. Vinokurova, L.I., 2013. Zemlya kak prostranstvo povsednevnoy zhiznedeyatel'nosti aborigenov Yakutii v 1960-1990 gg. [Earth as a space of everyday life activity of aboriginals of Yakutia in 1960-1990], Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya, no. 12, pp. 48-51. (in Russ.)

5. Germogenov, N.I., Degtyarev, A.G., Labutin, Yu.V. et al., 2002. Strategiya sokhraneniya sterkh v Yakutii [The strategy of conservation of the Siberian Crane in Yakutia]. Yakutsk: YaNTs SO RAN. (in Russ.)

6. Germogenov, N.I., Labutin, Yu.V., 2002. Obzor ornitologicheskikh issledovaniy v Yakutii [Review of ornithological research in Yakutia]. In: Solomonov, N.G. ed., 2002. Institut biologicheskikh problem kriolitozonyi. 50 let. Yakutsk: DNiSPO MO RS(Ya), pp. 43-51. (in Russ.)

7. Germogenov, N.I., Solomonov, N.G., Degtyarev, A.G. et al., 2011. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo

po izucheniyu i okhrane ptits Yakutii: osnovnyie itogi, novyie podkhody i tekhnologii [International cooperation in the study and conservation of birds of Yakutia: main results, new approaches and technologies]. In: Vartapetov, L.G. ed., 2011. Ptitsyi Sibiri: struktura i dinamika faunyi, naseleniya i populyatsiy. Trudyi Instituta sistematiki i ekologii zhivotnykh SO RAN, Vol. 47, pp. 289-310. (in Russ.)

8. Goryachkin, S., 1995. Iz varyag v chukchi [From the Varyags to the Chukchi]. Vokrug Sveta, no. 9, p. 28-31. (in Russ.)

9. Le Ber, M. and Ramyus, R., 2002. Nauchnyie rezultatyi issledovatel'skoy programmy INTAS «Ekologicheskie osnovy upravleniya bioraznoobraziem surkov v Evrazii» [The results of the research program INTAS «Ecological biodiversity management basics marmots in Eurasia»]. In: Armitage, K.B. and Rumiantsev, V.Y. eds., 2002. Holarctic marmot as a factor of biodiversity. Moscow: ABF P.H., pp. 225-238. (in Russ.)

10. Memorandum o vzaimoponimanii [Memorandum of understanding], Respublika Sakha, 23 November 1993. (in Russ.)

11. Nikolaev, M.E., 2000. Arktika i Severnyiy Forum [The Arctic and the Northern Forum]. Yakutsk: Sakhapoligrafizdat. (in Russ.)

12. Postanovlenie Pravitelstva RS(Ya) ot 9.04.96 № 144 «O sozdaniy mezhdunarodnoy biologicheskoy stantsii «Lena-Nordensheld»» [Resolution of the Government of the Republic of Sakha (Yakutia), April 9, 1996, no. 144. «On creation of the International Biological Station "Lena-Nordenskiöld"»]. (in Russ.)

13. Postanovlenie Pravitelstva RS(Ya) ot 12.08.1996 № 337 «O sozdaniy Natsionalnogo prirodnogo parka «Siine» v Gornom uluse i resursnykh rezervatakh «Kyitalyik» v Allaikhovskom i «Lena-Delta» v Bulunskom ulusakh» [Resolution of the Government of the Republic of Sakha (Yakutia), August 12, 1996, no. 337. «On creation of the National Natural Park "Siine" in Gorny District and resource reserves "Katalyk" in Allaikhovskiy District and "Lena Delta" in Bulunsky District»]. (in Russ.)

14. Postanovlenie Pravitelstva RS(Ya) ot 25.12.1998. № 620 «O sozdaniy okhranyaemogo landshafta (Uluu Tuolbe) «Abalakh» v Megino-Kangalasskom uluse i rasshirenii territorii resursnogo rezervata «Kyitalyik» v Allaikhovskom uluse» [Resolution of the Government of the Republic of Sakha (Yakutia), December 25, 1998, no. 620. «About creation of the Protected Landscape (Uluu Tuolbe) "Abalov" in Megino-Kangalassky District and expanding the territory of the reserve resource "Katalyk" in Allaikhovsky District»]. (in Russ.)

15. Solomonov, N.G., 1996. Ekologiya – arena mezhdunarodnogo nauchnogo sotrudnichestva [Ecology – an arena of international research cooperation]. In: Vasilev, V.N., 1996: Znanie na sluzhbu nuzhdam Severa. Tezisyi dokladov Pervoy mezhdunarodnoy konferentsii Akademii Severnogo Foruma. Yakutsk: Severoved, pp. 25-26. (in Russ.)

16. Solomonov, N.G., Vasilev, V.N., 2001. Izuchennost i problemy okhrany biologicheskikh resursov priarkticheskoy Yakutii [The research on the issue of protection of biological resources of the Arctic Yakutia]. In: Egorov, E.G. ed., 2001. Arktika i Severnyiy morskoy put'. Doklady regionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii v Tiksi, 2000. Yakutsk: Izd-vo SO RAN, pp. 70-80. (in Russ.)

17. Solomonov, N.G., Okhlopkov, I.M., 2007. Mezhdunarodnyi forum po izucheniyu i sokhraneniyyu zhivotnogo mira Arktiki [International forum for the study and conservation of Arctic fauna], Nauka i tekhnika v Yakutii, no. 2, pp. 34-38. (in Russ.)

18. Ukaz Prezidenta Respubliki Sakha (Yakutiya) ot 16 avgusta 1994 № 837 «O merakh po razvitiyyu osobo okhranyaemykh territorii». [Decree of the President of the Republic of Sakha (Yakutia), August 16, 1994, no. 837. «On Measures for the development of protected areas»]. (in Russ.)

19. Flint, V.E., 1981. Operatsiya «Sterkh» [Operation "Siberian Crane"]. Moskva: Lesnaya promyshlennost. (in Russ.)

20. Kheyninen, L., 2007. Tsirkumpolyarnyye mezhdunarodnyie otnosheniya i geopolitika [Circumpolar international relations and geopolitics]. In: Golovnev, A.V. ed., 2007. Doklad o razvitiy cheloveka v Arktike. Ekaterinburg, Salekhard: Etnograficheskoe byuro, pp. 206-224. (in Russ.)

21. Fish and Wildlife Service. Department of the interior news release. May 12, 1992 // U.S. Fish & Wildlife Service. URL: <https://www.fws.gov/news/Historic/NewsReleases/1992/19920512.pdf>

22. Gilg, O., Sane, R., Solovieva, D. et al., 2000. Birds and mammals of the Lena Delta Nature reserve, Siberia. Arctic, Vol. 53, no. 2, pp. 118-133.

23. Harris, J.T., Goroshko, O., Labutin, Y. et al., 1995. Results of Chinese-Russian-American investigation of cranes wintering at Poyang Lake Nature Reserve, China. In: Halvorson, C.H., Harris, J.T., Smirenski, S.M. eds., 1995. Cranes and storks of the Amur River, proceedings of the international workshop, Khabarovsk-Poyarkovo-Khabarovsk, July 3-12, 1992. Moscow: Art Literature Publishers, pp. 35-42.

24. Pozdnyakov, V.I., 1999. Distribution and abundance of birds on the channels of the Lena delta. In: Rachold, V., Grigoryev, M.N. eds., 1999. Russian-German Cooperation System Laptev Sea 2000:

The Lena Delta 1998 Expedition. Ber. Polarforsch, no. 315, pp. 48-51.

25. Pozdnyakov, V.I., 2000. Monitoring for bird populations in the Lena Delta // Russian-German Cooperation System Laptev Sea 2000: The Expedition LENA 1999 / In: Rachold, V., Grigoryev, M.N. eds., 2000. Russian-German Cooperation System Laptev Sea 2000. Ber. Polarforsch, no. № 354, pp. 20-21.

26. Solovieva, D.V., 1999. Ornithological observations. In: Rachold, V., Grigoryev, M.N. eds., 1999. Russian-German Cooperation System Laptev Sea 2000: The Lena Delta 1998 Expedition. Ber. Polarforsch, no. 315, pp. 46-48.

27. WWF: Perspectives for Russian Arctic Conservation in a Circumpolar Context. Workshop Summary. Oslo: WWF Arctic Programme, 2000.

28. Zhurbenko, M., Akhmadeev, I., 1999. Botanical research. In: Rachold, V., Grigoryev M.N. eds., 1999. Russian-German Cooperation System Laptev Sea 2000: The Lena Delta 1998 Expedition. Ber. Polarforsch, no. 315, pp. 42.

29. Zollner, E., 1999. Soil zoological research. In: Rachold, V., Grigoryev, M.N. eds., 1999. Russian-German Cooperation System Laptev Sea 2000: The Lena Delta 1998 Expedition. Ber. Polarforsch, no. 315, pp. 42-46.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОБЩЕСТВА

УДК 1:316:292:392.1

В.С. Мурманцев, А.Г. Сошнина*

К ВОПРОСУ О ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЯХ ТРАДИЦИОННЫХ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫХ СИСТЕМ

В статье рассматриваются сущностные характеристики и функциональные особенности так называемых социально-коммуникативных (языковых) систем, обеспечивающих формы и способы взаимодействия в различных областях общественной жизни. Авторы полагают, что для эффективного исследования их функций необходимо использовать уточняющее понятие коммуникативно-регуляторной системы, ответственной за информационное обеспечение жизни общества. Причем ряд элементов этой системы обладают статусом нормативных именно в силу специфики их информационной природы. В период архаики фундаментом системы общественных отношений и институтов является миф с его информационным содержанием. Процессы демифологизации, десакрализации и денатурализации общественной жизни привели к размыванию систем традиционных коммуникативно-регуляторных отношений и утрате ими нормативного статуса. Эти элементы, теряющие сегодня свои нормативные функции, и являются предметом специального рассмотрения в данной статье. При этом, отмечают авторы, в предлагаемых сегодня концепциях грядущей техногенной цивилизации не просматривается никаких вариантов полноценной компенсации их нормативной роли.

Ключевые слова: коммуникативно-регуляторные системы, информация, природное, мифическое, демифологизация, десакрализация, денатурализация

Towards the issue of fundamental basis of traditional socio-communicative systems. VLADIMIR S. MURMANTSEV, ANASTASIYA G. SOSHINA (Moscow State University of Railway Engineering)

The article deals with the essential characteristics and functional features of so-called socio-communicative (linguistic) systems that provide forms and methods of interaction in various areas of public life. The authors believe that in order to study their functions effectively, it is necessary to use the clarifying concept of communicative-regulatory system, responsible for informational support of the public life. A number of elements of this system have the status of normative precisely because of their specific information nature. In the archaic period myth constitutes the foundation of the system of social relations and institutions. The processes of demythologization, desacralization and denaturalization of public life have led to the erosion of the systems of traditional communicative-regulatory relations and the loss of their regulatory status – the process that becomes a subject of special consideration in this article.

Keywords: communicative-regulatory systems, information, the natural, the mythical, demythologization, desacralization, denaturalization

* МУРМАНЦЕВ Владимир Сергеевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Московского государственного университета путей сообщения Императора Николая II.

СОШНИНА Анастасия Геннадиевна, старший преподаватель кафедры философии и культурологии Московского государственного университета путей сообщения Императора Николая II.

E-mail: soshnina.nastya@mail.ru

© Мурманцев, В.С., Сошнина А.Г., 2017

Термин «социально-коммуникативные системы» был введен социолингвистом А.Д. Швейцером в работе по теории перевода, но его использование быстро вышло за пределы собственно языкознания и приобрело широкие социальные коннотации. Дело в том, что Швейцер привлек внимание к социальным функциям локальных языковых систем, обеспечивающих коммуникацию в различных сферах общественной жизни (в науке, искусстве и т.д.), а также в различных социальных ситуациях и группах. При этом, в такого рода системах присутствуют элементы, выполняющие нормативные функции. Мы полагаем, что сегодня анализ этих элементов заслуживает особого внимания, поскольку позволяет уточнить смысл ряда нарастающих социальных процессов, фактически размывающих эти функции. С этой целью мы обратились к сложившемуся в отечественной литературе понятию коммуникативно-регуляторных систем (далее – КРС) [8; 9; 11] и, опираясь на это понятие, рассмотрели ряд проблем из числа тех, что имеют отношение к предлагаемым ныне моделям «новой реальности», призванным, в случае их реализации, обеспечить эффективность *регуляторно-коммуникативных процессов* в структурах «грядущего» техногенного общества (или техногенной цивилизации) [3].

В центре нашего внимания будут находиться *ритуал, обряд, этикет*. Вместе с *обычаем, церемониалом*, а также стоящей несколько особняком *традицией* они образуют комплекс механизмов, позволяющих КРС как системно-структурным целостностям выполнять свои функции в реализации многообразнейших, *специфически человеческих* форм и способов взаимодействия. Идет ли речь об «информационном» или «технотронном» обществе, об эпохе «NBIC – конвергентных технологий», о коэволюционных моделях развития и прочих моделях прогнозируемой социальной реальности, очень важно понять, обладают ли нынешние *реально существующие* КРС потенциалом, достаточным для того, чтобы органично встроиться в прогнозируемые типы «новой реальности»? При этом, чтобы ответить на данный, практически важный вопрос, необходимо, на наш взгляд, обратить внимание на те существенные особенности, которыми обладают исторически сложившиеся КРС в сегодняшних условиях; важно обратить внимание на те функции, которые заложены в их системной организации; на те проблемы, с которыми встретились они сравнительно недавно и с которыми непременно столкнутся в близкой перспективе. Мы обратимся к мифу.

КРС сложились в ходе социальной эволюции языковых систем, ответственных за информационное обеспечение нормативных функций в человеческом обществе [11, с. 11]. В этом классе систем можно выделить три основных типа: *традиционный; институциональный* (законодательный) и *нравственный* (основанный на принципах морали) [11, с. 12]. Обратимся к первому из этих типов систем. Этикет, ритуал и пр. являют собой освященную традицией форму взаимоотношений между людьми. Их можно рассматривать как своеобразную «копилку» тщательно отобранных способов отношений, с одной стороны, позволяющих связать друг с другом разные эпохи и различные этносоциальные общности, а с другой – провести между ними разграничительные линии. И главная проблема здесь – что же делает данные системы нормативными, то есть – в более жесткой или более мягкой степени – обязательными к исполнению?¹

На наш взгляд, уяснению причин такого рода обязательности может способствовать обращение к феномену информации, который «играет существенную роль в эволюционных процессах всех систем, образованных взаимодействующими факторами, включая биологические системы и человеческие сообщества» [2; 4]. Поскольку информация – начало организующее, упорядочивающее, наполняемое ею системы способны нести статус нормативных. Исполнение требований этикета, ритуала и проч., которые формировались на протяжении жизни многих поколений, в силу своего информационного соответствия факторам реальности, обеспечивает, говоря современным языком, надежные условия существования социума как организованной целостности. А поскольку социум для человека традиционного общества есть отображение космического порядка, постольку сбой в жизни этносоциального сообщества неизбежно воспринимается как сбой в жизни самого мироздания. И потому требования этикета ли, или ритуала, в большинстве случаев принимаются традиционным обществом к неукоснительному исполнению. Люди «этой» культуры, совершающие «эти» ритуалы, обряды и проч., *в принципе* не

¹ Понятно, что *требование* обязательности и обязательность *исполнения* – разные вещи; абсолютное исполнение всех норм также невозможно. Даже формирующаяся в чреде многих поколений носителей традиционных культур убежденность в изначальной сакральности норм социального коммуницирования и соответствии их глубинным природным началам не мешала людям их обходить. Все дело в частоте таких нарушений, их масштабах и качественных характеристиках.

допускали и тени сомнения в их информационной достаточности (как в «узком» понимании информации, сводящем ее содержание к сообщениям, сведениям и т.д., так и в «широком», где информация соотносится с основаниями миропорядка).

Конечно, сказанное выше об информации относится к нашим *сегодняшним* представлениям, и потому, естественно, возникает вопрос: как связаны миф и информация? Очевидно, что эта связь не ограничивается простым и очевидным типом отношений между *сказанием* и его *истолкованием*. Информационная емкость исторически ранних форм мифа была достаточной для того, чтобы в течение поразительно долгого времени составлять надежную опору социальным КРС и, разумеется, не напрямую, а через посредство традиционных нормативных систем исполнять свою упорядочивающую и организующую роль в сфере общественного бытия. Существуют немалое число трудов, предлагающих различные варианты видения природы мифа и мифического. Мы в своих рассуждениях опираемся на определение А.Ф. Лосева: «Миф – необходимейшая – прямо нужно сказать, трансцендентально необходимая, – категория мысли и жизни, и в нем нет ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического. Это – подлинная и максимально конкретная реальность» [7, с. 37]. Такой подход, по нашему мнению, наиболее полно высвечивает особенности соотношения между мифом и «информацией» в предельно широком значении данного понятия.

Информационная полнота мифа есть условие, благодаря которому он составлял фундамент всей системы общественных взаимоотношений и институтов на ранних стадиях социальной эволюции: «В цивилизациях примитивных народов миф исполняет незаменимую функцию: он выражает, возвышает и кодифицирует верования; он защищает и налагает моральные принципы; он гарантирует действенность ритуальной церемонии и предлагает правила для практической жизни, необходимые человеческой цивилизации; он отнюдь не лишена содержания выдумка, а напротив – живая реальность, к которой человек постоянно обращается...» [16, с. 16]. При этом для нас принципиально важно, что информация, наполняющая миф «вневременна». Миф – рассказ о Творении, о том, что случилось *на самом деле*, где начало всего сущего. Но тем самым он «объясняет в равной мере как прошлое, так и настоящее, и будущее» [5, с. 242], миф, стало быть, – вне времени; миф – это «вспышка вечности» [5, с. 217]. И коль скоро миф повествует не только о самом Творении, но

также и о заповеданных Сакральными Творцами нормами жизни, заповеди эти одинаково значимы в качестве вневременных безусловных стандартов социальных взаимоотношений – они безоговорочно, без каких-либо намеков на рефлексию, принимаются как *modus operandi* сообщества. Так же не подвержена времени информация, сообщенная Творцами и переданная Первопредкам – она столь же полна и истинна для их далеких потомков, как и «в начале времен».

Современные КРС и их традиционные составляющие уходят корнями вглубь мифического с его своеобразным, в чем-то непривычным и даже неприемлемым для многих наших современников информационным содержанием. В основании классических древних мифов лежат два системообразующих начала – «сакральное» и «природное». Для «человека традиции» оба они представляются равноправными, равно значимыми источниками информации, звеньями труднопредставимой цепи ее трансформаций в «теле» мифического, в конечном счете, выражающей себя в ритуале и обряде, церемониале и других традиционных составляющих КРС.

Для «человека традиции» оба они безусловно реальны, как реальна сама действительность – они же ее неотъемлемые части; различны только уровни, занимаемые ими в этой действительности. Для современного человека «природное» – вся без исключения совокупность объектов, процессов и явлений *материального* уровня мироздания; ее существование – ни напрямую, ни опосредованно – не является результатом творческой деятельности человека или же его преднамеренных действий. К «природному» в таком понимании относится вся область материального мира – от физической Вселенной до социально организованных форм живого. Если согласиться с такой трактовкой, то к природному с полным на то основанием можно отнести сложившийся в ходе эволюции, – вне, до и независимо от человека *социальный тип* организации живой материи. Для более четкого различения особенностей организации «социального» в живой природе и человеческом обществе мы используем понятия биосоциальный, характеризующий эволюционно более ранний уровень организации, и социобиологический – уровень, генетически связанный с первым, вырастающим из него и возвышающийся над ним, подобно гегелевскому отрицанию как имманентному моменту в процессе саморазвития природы. Свидетельством их органического единства является факт возрастающего массива научных данных о том, «что биологическая и социально

культурная эволюция являются двумя аспектами одного и того же фундаментального процесса в природе» [4, с. 117]. Понятно, что речь здесь идет именно об *основах, о внутренних принципах* – неважно, кем или чем «заложенных», – *организации* живых систем биосферы; человеческое *общество*, можно сказать, досталось нам в наследство от наших палеоантропных предков, а отнюдь не создано впервые «из чего-то» кроманьонцами. Кстати, заметим, что значительная часть известного науке животного мира также вела и ведет так называемый социальный образ жизни.

Несомненно, что *формы реализации* этих «принципов социального» различны: «совокупность общественных отношений» в косяке сельди, стае дельфинов, стаде павианов или орде троглодитов различаются существеннейшим образом, но лежащие в природе живого *принципы* социальной организации едины. Разумеется, существуют разительные отличия множества форм социального устройства общества, например, таких уникальных его атрибутов как философия, наука, религия, формировавшихся в процессе сознательной целенаправленной деятельности, от всех предшествующих биологических форм социального; но мы считаем, что в данном случае познавательно бесплоден самодовольный антропоцентризм – по выражению Э.О. Уилсона – «смертельный порок интеллекта». Ведь существование социально организованных систем любого уровня живого требует наличия механизмов, осуществляющих коммуникативные функции как в отношениях между структурными составляющими самих систем, так и между системой и внешней средой. Действия их обеспечиваются постоянным потоком информации, ими получаемой, обрабатываемой, хранимой и используемой, так как «всякий организм скрепляется наличием средств приобретения, использования, хранения и передачи информации», а любое «сообщество продолжается лишь до того предела, до которого простирается действительная передача информации» [1, с. 215] – эта формулировка Н. Винера давно уже вошла в разряд классических.

Соответственно, социальные информационные механизмы, обладателями которых были наши ближайшие по ступеням эволюционной лестницы предшественники, в процессе сапиенизации претерпели различного рода изменения, причем некоторые из них – скорее всего, уже в период ранней архаики – нашли свое воплощение в *природных основаниях* мифического.

Что касается «сакрального» как смыслообразующего начала древних мифов, то для современно-

го человека само это понятие утвердилось в науке сравнительно недавно, не ранее второй трети XX в. И, в зависимости от собственных мировоззренческих предпочтений, различные авторы то сводят его содержание к тривиальному отождествлению с «религиозным» [13], то подходят к нему с учетом неоднозначности и глубины его содержания [15, с. 589]. Но в любом случае, что важно для нас, сакральное, в отличие от природного, недоступно исключительно эмпирическому или абстрактно-логическому постижению – оно *переживается* на уровне образно-чувственного видения мира, оно *символично*: «Символические структуры сакрального, сами переживания сакрального окажутся напрасными, если человек не обладает структурами интеллекта и воображения для того, чтобы их понять» [14]. Для человека, обладавшего (или даже в наше время обладающего) соответствующими «структурами интеллекта и воображения», сакральное есть такая же *данность*, как и природное. Религия *в таком случае* есть по сути *описание* этой данности, ее *модель*, особенности которой детерминированы тем типом культуры, что присуща этносоциальной среде обитания человека; тогда *вера* – логически и эмпирически необоснованная уверенность в преимуществе «моей» религиозной модели над любыми иными.

Именно символические структуры позволяют человеку передавать свои переживания, сообщать их посредством таких (также традиционных) структур, как обряд, ритуал, наконец, миф. Для большинства подобных культур «сакральное основание мифа составляет основополагающую реальность существования» [14]. А применительно к состоянию сознания современного общества, можно уверенно сказать: происходящая секуляризация представлений о природе бытия и его источниках, выраженных в самых различных интеллектуальных конструкциях, сказывается на миропонимании сравнительно узкого круга интеллектуалов. У несравненно большей части современного общества давление массива бессознательного, с его архетипическим «сокровенным», приводит к конфликту, ввергающему это самое общество в «когнитивный диссонанс» – состояние, во многом определяющее показатели эффективности как раз коммуникативно-регуляторных систем, о которых шла речь выше.

Социальные коммуникации, определяющие качественное своеобразие и составляющие эссенциальный базис биосоциальных и социобиологических систем на всех структурных уровнях организации биосферы, источником и основой своего существования имеют информацию. Именно она

является фактором, обеспечивающим ход регуляторных и коммуникативных процессов, обладающих нормативным статусом. И если сегодня мы можем просто констатировать кризис в этой области человеческого общения, то не последнее место в этом принадлежит той степени деградации, которой отмечено состояние КРС и их составляющих традиционного типа. На наших глазах размываются еще сохранившиеся фрагменты фундамента исторических КРС – мифа с его сакральными и природными источниками информации, и одна из важнейших тому причин – «демифологизация» мифа с его «десакрализацией» и «денатурализацией».

История *демифологизации* мифического начинается задолго до дней нынешних. Уже в так называемой системе греческой мифологии III-I вв. до н.э. места для изначального мифа не осталось [17]. И это прим том, что подлинными носителями мифа в этом смысле были, как настаивал на том Элиаде, «цивилизации примитивных народов», и начинать изучение мифов следует не с древней Греции, где они, как и в Индии, и на Ближнем Востоке утратили свою «мифическую субстанцию» и претворились в «литературу»; а с этой утратой они перестали быть тем самым основанием, на котором утверждались традиционные составляющие КРС. Лишившись своего сакрального, миф традиционный, «полноценный» преобразуется в свой эрзац, «парамиф». Ценность несомой им информации, с точки зрения ее соответствия реальности, сомнительна, но вера в нее требуется от членов данного сообщества неукоснительная. Впрочем, пускай это будет «литература», фантазия сказочного – в них остается нечто глубинно-мифологическое. И в первую очередь это относится к «народным массам, которые «всегда живут мифами», от них в переходные эпохи могут избавиться лишь небольшие группы людей, да и они крушат старые мифы, освобождая место для новых; но это «новое» в действительности есть лишь забытое старое» [12, с. 22]. Надо полагать, прав был К.Г. Юнг, утверждавший, что миф можно уничтожить единственным способом – поставив на его место другой миф [16].

Но так или иначе, *десакрализация*, или секуляризация информационного ядра мифического ведет к утрате человеком былой убежденности в реальности запредельной, сокровенной стороны мироздания и, как следствие, утрате в его глазах нормативного статуса традиционных составляющих КРС. Она ведет к утрате таких коммуникационных механизмов, которые, организуя и упорядочивая потоки информации о мире в данном

социуме, обеспечивали выполнение требований, сложившиеся в данной этносоциокультурной среде. Соответственно, разрушая представления о мире, основанные на запредельном, сакральное (а именно оно и определяет нормативный характер традиционных составляющих КРС), культура лишается, в конечном счете, одного из важных источников информации. Что мы и наблюдаем сегодня. Там, где доминирует культура европейского типа можно наблюдать, во-первых, девальвацию нормативной значимости исторических форм ритуала, обряда, церемониала и проч.; во-вторых, нарабатываются формы социального общения, из которых либо полностью удалено сакральное, либо оно замещается различными образчиками «эрзацрелигии» с обожествлением Расы, Класа, Гуру, Вождя... – XX в. насыщен такими примерами и, чувствуется, что XXI в. из этого набора тоже кое-что достанется.

Рука об руку с «расколдовыванием» мира следует «денатурализация» человека. В первом приближении денатурализацию можно определить как доминирующую в миропонимании современной цивилизации тенденцию к умалению, в предельных же случаях – отрицанию, значимости природного фактора в жизни человечества, сведение всего многообразия бытия к социальному (или же – культурному) уровню. Очевидно, что тогда утрачивается не только существующее на рациональном уровне мировоззрения *осознание* своего глубинного, генетического сродства со всеми формами жизни на планете, – исчезает и эмоциональное *чувство* природы, столь характерное для «человека традиции». Помимо всего прочего это чувство предполагает ответственность перед природным – в себе и вокруг себя. А коль скоро все это перестает рассматриваться в качестве значимого условия бытия сегодняшнего человека, то с мировоззренческого плана оно переносится на повседневно-практический. Разумеется, ни к чему другому, кроме возрастания энтропии и нарастания степени напряженности в социуме, такая ситуация не ведет.

Когда же «мир овеществленных представлений современной цивилизации создает у нас впечатлительные упорядоченности, то это происходит за счет утраты представлений о сложности реальной жизни...»; это – «крайнее абстрагирование от окружающей реальности...» [6, с. 151-153]. Информация становится беднее содержанием, коммуникационные системы упрощаются, в перспективе вероятно даже их деградация; утрата представлений о сложности жизни, что, в конечном счете, снижает степень надежности и устойчивости такого рода

организованной целостности, как человеческое общество. А между тем, на почве этой «просто-ты» возрастают технократические иллюзии, воплощающиеся, в частности, в идее сциентистски настроенного круга интеллектуалов – о трансмутации Человека Разумного в Космиурга.

Например, о подобной возможности на заре кибернетики рассуждал Н. Винер. Редактор перевода его книги так передает мысли ученого, кстати, вполне созвучные представлениям Циолковского и некоторых других «космистов»: «Человек будущего вряд ли останется таким же «натуральным» существом, таким же теплокровным позвоночным, каким он вышел из горнила естественного отбора. Почти наверное, он будет искусственно развивать свой мозг и свое тело, будет по воле лепить и изменять свою физическую оболочку... это будет биологическая революция, и если смелые гипотезы оправдаются, она будет означать преобразование всего человеческого существования. Быть может, далекий смысл «безумной» винеровской идеи о передаче человека по телеграфу и есть достижение человеком перевоплощаемости? Позволим себе минуту фантазии: *не станет ли тогда человек новым могущественным космическим существом, свободным от земных ограничений?*» (курсив наш. – прим. авт.)

И уже в наши дни, вдохновленный наступлением эпохи антропоцена известный астроном, бывший президент британской «Академии наук» – Лондонского Королевского общества Мартин Ривз утверждает, что антропоцен несет человечеству невиданные ранее перспективы для развития. Продолжая линию Циолковского и Винера, он настаивает на том, что «люди могут достичь новой стадии эволюции, уже постбиологической, когда из представителей органической природы они превратятся в электронных и потенциально бессмертных существ, что сломает лежащие перед человечеством барьеры и позволит ему распространить свое влияние далеко за пределы Земли» [1, с. 26-27] (курсив наш. – прим. авт.). Аналогичные взгляды высказывают также сторонники современных концепций трансгуманизма [10].

Итак, если исторически наиболее ранние из доступных исследователям формы составляющих КРС выростали из мифического с его сакральными и природными источниками информации, то в рационализирующемся обществе эти три начала, как мы стремились показать в значительной степени утрачивают важнейшую свою функцию информационного обеспечения социальных коммуникативных систем. Это, в свою очередь, ведет к

утрате традиционными составляющими КРС своего нормативного статуса. Исчезает информационное наполнение традиционных составляющих КРС – этикет, обряд, ритуал переходят в разряд просто занимательного действия, правила которого устанавливаются, исполняются и меняются практически произвольно его участниками. И, конечно, обязательность их исполнения перестает быть обязательной. Собственно, не понятно, *как долго* могут в их нынешнем демифологизированном, десакрализованном и денатурализованном виде традиционные составляющие КРС исполнять свои функции. То, что они пока еще действуют можно, на наш взгляд, отнести на счет слишком короткого, по эволюционным часам, времени, прошедшего с начала деструктуризации их оснований; здесь сказывается понятная сила инерции. Но уже сейчас налицо результаты сбоя в работе информационных механизмов социальных взаимоотношений, обеспечивающих поддержание динамического равновесия в обществе как системе.

Между тем, в прогнозируемых образцах наиболее вероятной, с точки зрения ее реализации, «техногенной цивилизации», по мнению ряда исследователей, «усиливается воздействие информационно-коммуникативных технологий техносферы на социоприродные процессы, что приводит к их опасной трансформации» [3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М.: «Советское радио», 1968.
2. Глик Дж. Информация. История. Теория. Поток. М.: АСТ: CORPUS, 2013.
3. Демиденко Э.С., Дергачева Е.А. Социально-философский анализ становления и развития концепции техногенного общества // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23481>
4. Кальоти Дж. От восприятия к мысли. О динамике неоднозначного и нарушениях симметрии в науке и искусстве. М.: Мир, 1998.
5. Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.
6. Линден Ю. Обезьяны, человек и язык. М.: Мир, 1981.
7. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001.
8. Лубченков Ю.Н. Коммуникативные механизмы социальной регуляции и пути их оптимизации: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2002.

9. Медведев К.Б. Социально-регулятивные механизмы государственного управления фермерством как видом малого предпринимательства: дисс. ... канд. соц. наук. М., 2001.

10. Новые технологии и продолжение эволюции человека? Трансгуманистический проект будущего / Отв. ред. В. Прайд, А.В. Коротаев. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

11. Ноздронов А.В. Динамика социальных регулятивных систем: дисс. ... канд. филос. наук. М., 2015.

12. Руткевич А.М. Предисловие // Аналитическая психология: прошлое и настоящее / К.Г. Юнг, Э. Сэмюэльс, В. Одайник, Дж. Хаббэк; сост. В.В. Зеленский, А.М. Руткевич. М.: Мартис, 1995.

13. Сакральное // Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=83125083>

14. Труссон П. Сакральное и миф [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nationalism.org/rnsp/Docs/bibliotec/Trusson.htm>

15. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.

16. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М.: Изд. Группа «Прогресс», «Универс», 1994.

17. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Инвест ППП, СТ, 1996.

REFERENCES

1. Viner, N., 1968. Kibernetika, ili upravlenie i svyaz' v zhivotnom i mashine [Cybernetics, or control and communication in animal and machine]. Moskva: «Sovetskoe radio». (in Russ.)

2. Gleick, J., 2013. Informatsiya. Istoriya. Teoriya. Potok [Information. History. Theory. Flow]. Moskva: AST: CORPUS. (in Russ.)

3. Demidenko, E.S. and Dergacheva, E.A., 2015. Sotsial'no-filosofskiy analiz stanovleniya i razvitiya kontseptsii tekhnogenogo obshchestva [Socio-philosophical analysis of the formation and development of the concept of a technogenic society], *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, no. 2-3. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23481> (in Russ.)

4. Caglioti, G., 1998. Ot vospriyatiya k mysli. O dinamike neodnoznachnogo i narusheniyakh simmetrii v nauke i iskusstve [From perception to thought. On dynamics of ambiguity and violations of symmetry in science and art]. Moskva: Mir. (in Russ.)

5. Levi-Strauss, K., 2001. Strukturnaya antropologiya [Structural anthropology]. Moskva: Izd-vo EKSMO-Press. (in Russ.)

6. Linden, Yu., 1981. Obez'yany, chelovek i yazyk [Monkeys, man and language]. Moskva: Mir. (in Russ.)

7. Losev, A.F., 2001. Dialektika mifa [Dialectics of myth]. Moskva: Mysl'. (in Russ.)

8. Lubchenkov, Yu.N., 2002. Kommunikativnye mekhanizmy sotsial'noy regulyatsii i puti ikh optimizatsii [Communicative mechanisms of social regulation and ways of their optimization], dissertatsiya kandidata psikhologicheskikh nauk. Moskva. (in Russ.)

9. Medvedev, K.B., 2001. Sotsial'no-regulyativnye mekhanizmy gosudarstvennogo upravleniya fermerstvom kak vidom malogo predprinimatel'stva [Socially regulative mechanisms of state management of farming as a type of small business], dissertatsiya kandidata sotsiologicheskikh nauk. Moskva. (in Russ.)

10. Prayd, V. and Korotaev, A.V. eds., 2008. Novye tekhnologii i prodolzhenie evolyutsii cheloveka? Transgumanisticheskiy proekt budushchego [New technologies and continuing human evolution? Transhumanist project of the future]. Moskva: Izd-vo LKI. (in Russ.)

11. Nozdrunov, A.V., 2015. Dinamika sotsial'nykh regulyativnykh sistem [Dynamics of social regulatory systems], dissertatsiya kandidata filosofskikh nauk. Moskva. (in Russ.)

12. Rutkevich, A.M., 1995. Predislovie [Foreword]. In: Zelenskiy, V.V. and Rutkevich, A.M. eds., 1995. *Analiticheskaya psikhologiya: proshloe i nastoyashchee*. Moskva: Martis. (in Russ.)

13. Sakral'noe [The sacred]. In: Wikipedia. URL: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=83125083> (in Russ.)

14. Trusson P. Sakral'noe i mif [The sacred and myth]. URL: <http://www.nationalism.org/rnsp/Docs/bibliotec/Trusson.htm> (in Russ.)

15. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 1983. (in Russ.)

16. Jung, C.G., 1994. Problemy dushi nashego vremeni [Modern man in search of a soul]. Moskva: Izd. Gruppy «Progress», «Univers». (in Russ.)

17. Eliade, M., 1996. Aspekty mifa [Aspects of myth]. Moskva: Invest PPP, ST. (in Russ.)

Т.В. Излученко*

МЕТОДОЛОГИЯ КРИСТОФА ВУЛЬФА В ИССЛЕДОВАНИИ ИСЛАМСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ «АТ-ТАКФИР ВАЛЬ ХИДЖРА»)

В статье рассмотрена актуальная для современной России тема оптимизации мер по противодействию экстремистской деятельности. Для выявления специфики идеологии исламского экстремизма на примере рассмотрения деятельности международного религиозного объединения «Ат-Такфир Валь-Хиджра» автор предлагает применить комплексный подход, разработанный на основе методологии изучения социальных ритуалов исторического антрополога К. Вульфа и дополненный общенаучными методами (распознавания и интерпретации, декомпозиции и моделирования). Объяснение Кристофом Вульфом ритуала как совокупности перформативных действий (инсценировка) и мимезиса (вчувствование) используется для выявления структуры, внутренних и внешних изменений исламского экстремистского объединения. Охарактеризованы особенности деятельности «Ат-Такфир Валь-Хиджра» такие, как специфическая лексика, использование понятий в определенной трактовке и порядок проведения пятничной молитвы.

Ключевые слова: методология, Кристоф Вульф, исламский экстремизм, «Ат-Такфир Валь-Хиджра», противодействие экстремизму

Methodology of Christoph Wulf in the study of Islamic extremism in Russia (on the example of «Takfir wal Hijra»). TATYANA V. IZLUCHENKO (Siberian Federal University)

The article considers the issue of optimization of measures to counteract extremism that is topical for modern Russia. To identify the specifics of the ideology of Islamic extremism, the author suggests to use the complex approach based on methodology developed by anthropologist Ch. Wulf for studying social rituals combined with general research methods (recognition and interpretation, decomposition and modeling). Christophe Wulf's explanation of the ritual as a combination of performative acts (staging) and mimesis (feeling) is used to reveal the structure, internal and external changes of "At-Takfir Val-Hijra" Islamic extremist organization.

Keywords: methodology, Christoph Wulf, Islamic extremism, «Takfir wal Hijra», counter-terrorism measures

Введение

В современном мире наблюдаются явления и процессы, которые, с одной стороны, интегрируют людей на основе единых политических, религиозных и иных мировоззренческих пози-

ций, создавая единое сообщество людей с учетом физических, психологических, расовых и национальных особенностей, а с другой стороны, разъединяют традиционные, исторически сложившиеся общества, противопоставляют лю-

* ИЗЛУЧЕНКО Татьяна Владимировна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Сибирского федерального университета.

E-mail: izluchenko@mail.ru

© Излученко Т.В., 2017

дей по признаку отношения к нации, религии и политическим взглядам. Зачастую это является средством достижения политических целей, создания на региональном и международном уровнях конфликтов, ослабления позиций того или иного правительства и распространения необходимой религиозно-политической идеологии. Исламский экстремизм в России представляет собой пример процесса, направленного на дестабилизацию внутривнутриполитического положения в государстве – отделение ряда территорий (республики Северного Кавказа, Поволжья) с последующим вхождением их в другое государство, создание экономической и политической базы посредством формирования негативного взгляда на существующее государственное устройство и обоснования положениями исламского вероучения.

Исламский экстремизм по причине взаимосвязи с социально-политическим и экономическим факторами становится актуальной проблемой для различных исследований. Так, в области религиоведения исламский экстремизм представляет интерес как разновидность ислама (К. Фальцо, В. Ротонди [15]), результат влияния политических идей на религию (И.П. Добаев [6]) и использования религии в качестве идеологии политического объединения (Л.Р. Сукияйнен [11], Ж.-Ф. Платтея [16]), в социальной философии – как процесс современной социальной действительности, обладающий несколькими стадиями развития (Э. Цельсо [13]), в психологии – как специфическое сознание и применение психологических методов с целью вовлечения в противоправную деятельность (О. Дирилен-Гумус [14], М. Арчаков [1]).

Исламский экстремизм представляет собой многогранное социальное явление, которое синтезирует религиозные положения ислама (джихад, хиджра, такфир, обязанность выполнения определенных действий) с социально-экономическими процессами (экономическая нестабильность, реализация личных и групповых взглядов) для решения политических задач. В результате чего, проявления исламского экстремизма присутствуют в социально-политической и духовной сферах общества, а также осуществляются изменения в психологических, религиозных и социально-политических аспектах деятельности людей. На наш взгляд, для продуктивного противодействия данному процессу и минимизации последствий его проявлений в российском обществе необходимо сформировать комплексное представление об исламском экстремизме при использовании методов, позволяющих получить наиболее объективные результаты. Актуализируется разработка комплекс-

ного методологического подхода в исследовании данного явления.

Наличие в исламских экстремистских объединениях специфических ритуалов, отражающих основы функционирования сообществ, их идеологическую основу, позволяет использовать в исследовании методологию К. Вульфа. Целью нашей работы является выявление специфики идеологии исламского экстремизма посредством комплексного подхода, в основе которого находится методология изучения социальных ритуалов исторического антрополога К. Вульфа, на примере деятельности международного религиозного объединения (далее по тексту – МРО) «Ат-Такфир Валь-Хиджра». Для достижения данной цели необходимо определить специфику исламского экстремистского сознания, указать особенности методологии К. Вульфа и возможности ее применения для исследования исламского экстремизма, исследовать деятельность исламских экстремистов данными методами и охарактеризовать выявленные особенности на примере МРО «Ат-Такфир Валь-Хиджра». Методология К. Вульфа позволяет не только исследовать деятельность отдельных участников, но и определять организационную составляющую, выявлять особенности функционирования объединения.

Специфика исламского экстремистского сознания

В основе религиозного сознания находится вероучение той или иной религии. Для религиозного сознания, в том числе и исламского, свойственны дихотомия Мы-Они, разделение людей по признаку отношения к религии, обоснованное вероучением. С.С. Оганесян и В.К. Михайлов отмечают, что «любая из ... религий проповедует свое абсолютное превосходство над всеми остальными и настойчиво доказывает свою исключительность ...» [9, с. 30]. Деятельность религий направлена на выработку идентификационных маркеров у последователей, сопровождающихся указанием на наличие сторонников иных религиозных убеждений и своих особенностей. Исламский экстремизм, используя данную религиозную установку, мотивирует людей на совершение активных действий, направленных на сторонников иных религиозных убеждений, с целью разжигания межрелигиозной розни. Нередко действия сопровождаются насильственными мерами физического и психологического характера.

Основными для развития экстремистских идей в исламе можно обозначить следующие моменты. Первый – возможность трансформации ислама

как образа жизни, обоснованная теми или иными богословами, и, как следствие, наличие разнообразных трактовок одной проблемы. Участники экстремистских объединений могут принимать и использовать в качестве указаний к действиям ту или иную богословскую трактовку в зависимости от своих политических задач. Вследствие наличия соответствующих идей (такфир, джихад, исламское теократическое государство) и возможности использования их различных трактовок для обоснования социально-политических процессов становится возможной радикализация ислама. Второй – социально-политические и экономические факторы в обществе. Стремление к созданию единого исламского теократического государства, возможность изменить социальный статус посредством радикальных мер, интеграция с сообществом как совокупностью людей, объединенных единой «высшей» целью. Современные социально-политические и экономические условия способствуют возникновению экстремистских идей. Религия ислам содержит возможности для развития экстремистских идей по причине богословских особенностей, религиозных положений и норм, которые регулируют все сферы деятельности мусульманина. Например, необходимость совершения пятикратного намаза (молитвы) подразумевает нахождение мусульманина в состоянии ритуальной чистоты. Используя терминологию М. Элиаде [12], мусульманин постоянно находится в «священном».

Экстремистские идеи усиливают радикальные идеи, содержащиеся в исламском вероучении, которые характеризуются наличием крайних позиций (белое-черное, добро-зло), усиленных отсутствием альтернатив и поиска компромиссных решений. Э. Дирилен-Гумус отмечает обусловленность экстремистских идей происходящими социально-психологическими переменами в сознании человека, наличием предубеждений (предрассудков) и случаями дискриминации. Наличие порядка, стабильности, смысла и справедливости в экстремистских организациях делает привлекательными соответствующие религиозные убеждения [14, с. 2607]. Как отмечено К. Вульфом, в современном мире главными антропологическими проблемами являются «возвращение тела и исчезновение ощущений; погасшая душа; священное; видимость прекрасного; судьба любви; умирающее время; молчание» [3, с. 145]. Управление людьми в исламских экстремистских объединениях осуществляется посредством контроля над телом и организации формы труда. Используют основные духовные потребности современного че-

ловека для вовлечения в свою деятельность, предлагая людям ощущение значимости, выполнения «великой» роли и принадлежности к сообществу «особенных» людей. В результате, экстремизм приводит к концентрации богословско-философской мысли на монологичной сущности религии ислам и укреплению позиции самодостаточности во всех сферах социальных отношений идеологии того или иного исламского экстремистского объединения.

В процессе становления специфики исламского экстремистского сознания ключевую роль играет взаимообусловленность религиозного и экстремистского факторов. Исламский экстремизм как политизированное явление социальной действительности использует вероучение ислама для обоснования деятельности, направленной на изменение существующего конституционного строя и установление шариатского правления на определенных территориях. Ж.-Ф. Платтея, анализируя взаимообусловленность политического и религиозного аспектов в исламских сообществах, отметил тенденции доминирования политики над религией по причинам отсутствия централизованной религиозной власти и изменчивости интерпретаций в исламском праве (фикх) [16, с. 243]. Э. Цельсо указал на иррациональную основу радикальности ислама, которая определяет цикл развития экстремистского объединения, – мобилизация участников, экстремизм, внутренние противоречия и спокойствие [13, с. 229].

Экстремистские идеи в религиозном сознании возникают и развиваются параллельно с радикализацией мировоззренческих взглядов мусульман. К. Фальцо, В. Ротонди выделили суть радикального ислама в совокупности политических идеологий, которые регулируют личную и общественную жизнь людей [15, с. 122-123]. Исламский экстремизм использует религиозные технологии прозелитизма (склонение и вовлечение), фокусируя религиозное сознание людей не на «традиционных» религиозных ценностях, а на идеологических положениях экстремистского объединения. Специфику экстремистского сознания характеризует религиозное обоснование идей и оправдание противоправных действий, наличие механизмов радикализации сознания, выражающихся недостаточности альтернативных вариантов, в деятельности экстремистского объединения и в разграничении социальных отношений на области Мы-Они, а также во включении экстремистских идей в мировоззрение.

При этом активно задействовано само религиозное сознание. Первое – это его интенциональ-

ность (направленность) на «священное». Она выражается в признании «священного», необходимости исполнения норм и обязанностей, установленных «священным», а также в создании соответствующих когнитивных образов, соединении объективного содержания с иллюзией и сильной эмоциональной насыщенности. Второе – это религиозная вера, которая является психологической характеристикой личности и определяет отношение человека к «священному» и к организациям, символизирующим его. Третье – это религиозный символизм как представление о совокупности образов, содержащихся в свернутом виде понимание той или иной религиозной нормы. Особенности религиозного сознания проявляются в специфической лексике и ритуальной деятельности.

Стоит отметить, что имеются участники экстремистских объединений, чьи радикальные взгляды сформировались задолго до вступления в объединение и выражались в специфической форме деятельности в сфере политики и экономики. По мнению М.К. Арчакова, основным моментом деятельности человека является стремление к совершенству. При возникающем внутриличностном конфликте человек для достижения своих результатов через преодоление устоявшегося общественного порядка способен использовать агрессию как реакцию враждебности на фрустрацию, выражающуюся в насильственных методах борьбы [1].

Особенности исламского экстремистского сознания проявляются в социальной реальности, в поведении сторонников экстремистских идей. Они могут быть зафиксированы и, тем самым, становятся доступными для исследования. Нормы исламского экстремизма благодаря использованию механизмов религии для формирования образа жизни и мысли проявляются в поведении каждого участника и целого объединения. В результате чего, деятельность исламских экстремистов на межличностном уровне коммуникации, в том числе и внутри объединения, является ритуальной, регламентированной и отражающей идеологические положения, предоставляет исследовательский материал для специалистов.

Ритуал как основа методологии Кристофа Вульфа

Исторический антрополог К. Вульф выделил ключевую роль ритуала в передаче знаний, в воспитании и интеграции сообщества. Ритуалы представляют собой социальные композиции, в которых утверждаются порядок и иерархия. Основные составляющие моменты культуры и социального

устройства проявляются посредством ритуального действия в символической форме и актах коммуникации. Ритуал выступает в качестве носителя и средства передачи социальной памяти конкретного сообщества [4].

Согласно мнению К. Вульфа, социальное формируется под действием ритуала, эмоций и воспоминаний. Ритуал, отражая суть культа и социальную динамику сообщества, является значимым для культурного символизма и социальной коммуникации. Основными когнитивными способностями, используемыми в ритуальных действиях, являются стремление к заботе и альтруизму, любовь и привязанность, доверчивость и эмпатия. В результате происходит создание общих воспоминаний, формирование и трансформацию которых можно проанализировать, миметическое обучение и развитие практических знаний, легализирующих структуру сообщества [17].

Ритуальные действия являются основным конструирующим фактором социальной реальности для определенного сообщества, используя следующие механизмы. Во-первых, перформативность. В ритуале происходит инсценировка социально-политической, экономической и духовной сфер деятельности в наиболее обобщенной форме, которая представляет собой последовательность действий, воспроизводящих жизнь сообщества. Существует два аспекта: индивидуальный (участники) и организационный (объединение). Участники стремятся продемонстрировать наличие устойчивого сообщества, свою принадлежность к нему и преданность другим участникам. В результате совместных действий возникают общие чувства и переживания (эмоции), а также совместный опыт, направленный на преодоление различий в интерпретациях процессов социально-политической и экономической жизни. Ритуал формирует у всех участников единые представления, подкрепленные позитивными ощущениями, практической информацией и принадлежностью к сообществу, и демонстрирует легитимность власти и структурный порядок. Ритуалы систематически повторяются и посредством зафиксированных изменений можно выявить тенденции развития.

Во-вторых, мимезис. Повторение ритуальных действий при исполнении каждым участником своих функций приводит к передаче этических и аксиологических образцов, обучению особенностям идеологии. Мимезис создает практическое знание, которое передается между участниками и посредством которого осуществляется вовлечение иных людей в деятельность сообщества. Это спо-

собствует процесс запоминания основ и включения в деятельность.

Перфомативность и мимезис ритуала в исламском экстремистском объединении будут обладать религиозным аспектом и, как следствие, усиленным эффектом воздействия на участников посредством включения религиозных, социальных и психологических механизмов. Благодаря ритуалам со стороны участников становится возможным демонстрация преданности, оценка отношения других и коммуникация, а со стороны объединения – формирование представления о единстве, утверждение религиозно-политических положений и предоставление надежды, утешения и развлечения. Ритуальные действия (священное) и повседневная жизнь (мирское) участников исламских экстремистских объединений представляют собой две тождественные сферы, символические значения в которых выражаются своеобразным языком – жестами. Они служат способом регулирования социальных отношений как между участниками одного объединения, так и с представителями иных убеждений. Жесты могут помочь выявить и объяснить значение тех или иных символов, будучи истолкованы в качестве текста [2]. Как отметил В.Л. Круткин, жесты служат тому, чтобы создавать, выражать и сохранять культурные различия. Они «мигрируют, могут заимствоваться, создавать неожиданные комбинации. Идентификация человека с ближайшей группой (этнической, конфессиональной и др.) осуществляется на уровне жестов, а не просто представлений» [7, с. 52].

Посредством ритуала происходит ретрансляция экстремистской идеологии на вовлеченных людей, на второе и последующие поколения участников объединения. Благодаря ритуалу происходит структурирование частной и общественной жизни, включение отдельных представителей в социальную сферу объединения. В результате участники ритуальных действий принимают на себя исполнение заданных социальных ролей. Кроме того, у участников происходит формирование образов и представлений, касающихся мировоззренческих убеждений, в соответствии с идеологией объединения. В том числе возникают и получают развитие экстремистские идеи на основе исламского вероучения. Для подготовки участников исламские экстремистские объединения, возникновения и развития зачастую реализуют разнообразные программы обучения в созданных местных, региональных и международных образовательно-просветительских центрах.

Также стоит отметить, что анализ материалов религиозной и социально-политической темати-

ки, относящиеся к деятельности исламского экстремистского объединения, позволяет установить признаки организационной деятельности посредством выявления ритуальных действий. Например, в рамках данной методологии посредством анализа материалов, относящихся к публичному выступлению какого-то либо мусульманина при проведении коллективной молитвы (джума) в мечети, можно установить наличие/отсутствие организационной деятельности. Во-первых, содержание выступления, наличие характерных высказываний, указывающих на коллективность – «мы говорим... мы делаем... наш долг...». Во-вторых, отношение к выступающему лицу присутствующих – нахождение рядом и подтверждение высказываний, вступительное слово перед самим выступающим и заключительные действия, высказывания «наш брат закончил... те, кто заботится, могут продолжить...». В-третьих, месторасположение – проведение выступлений перед главным входом, возле ворот или в специальном помещении, что может указывать на отношение к выступающему и его высказываниям со стороны руководства религиозной организации и других людей.

В связи с вышесказанным, основывая исследование исламского экстремистского объединения на положении о структурообразующем значении ритуала как действия, объединяющего всех участников, продуктивным для выявления особенностей деятельности и идеологии представляется использование методологии исследования ритуалов К. Вульфа. Выявление в социальной действительности проявлений ритуалов исламского экстремистского объединения, установление структуры и порядка проведения ритуала позволяют проанализировать социальную динамику в сообществе на основе ритуальных действий и определить психологическое, религиозное, социальное и политическое значение действий для участников ритуалов. Идеологическая основа деятельности проявляется в характерной лексике, в использовании специфических высказываний и выражений, совмещенных с общеупотребляемыми понятиями вероучения ислама.

Применение методологии Кристофа Вульфа в исследовании исламского экстремизма

Исследование исламского экстремизма нацелено на выявление особенностей деятельности и идеологии объединения, определение взаимосвязей его структурных элементов, а также установление механизмов социальной динамики, влияющих на внутренние и внешние изменения. Проведение

данной работы сопряжено с рядом методологических трудностей, обусловленных проблемами получения необходимых материалов, позволяющих объективно формулировать представления о происходящих процессах внутри объединения, психологическом состоянии участников, интерпретации участниками себя как представителей тех или иных мировоззренческих убеждений, об отношении к представителям других религиозных убеждений, к конкретному государству и существующему государственному устройству. Объективное и полное определение этих моментов позволяет прогнозировать деятельность участников экстремистских объединений, выявлять социальные, религиозные и политические механизмы противодействия, что, как следствие, помогает оптимизировать меры противодействия экстремистской деятельности на территории России. При этом стоит отметить, что материалы должны содержать максимально объективное описание деятельности (аудио-видеофиксация), субъективную оценку самих участников или лиц, присутствующих на проводимых мероприятиях (личные опросы, протоколы опросов и допросов) и атрибутику деятельности (печатные издания, светокопии, предметы религиозного культа).

Комплексный подход к исследованию исламского экстремизма, основанный на методологии К. Вульфа, осуществляется поэтапно при использовании общенаучных методов. Приведем наиболее, по нашему мнению, востребованные методы применительно к предмету нашего исследования.

Во-первых, метод распознавания и идентификации, позволяющий выявить особенности:

- лексики участников, характерные высказывания и выражения, содержащие указания на идеологическую основу, отношение к официальной религиозной организации мусульман в регионе, к государству и конституционному строю России;

- атрибутику, используемую при проведении мероприятий, собраний. Важными являются авторы и содержание используемой литературы, наличие календарей, сборников молитв, брошюр, их производство и количество, происхождение культовой атрибутики, ковриков для молитвы, четок и т.д. Также интерес представляют материалы, содержащиеся на электронных носителях и размещенных на личных страницах участниками в социальных сетях посредством сети Интернет.

В результате распознавания идеологической составляющей можно идентифицировать действия участников как действия участников того или иного объединения, установить его наименование и обозначить основные моменты деятельно-

сти на основании официальных документов. Это могут быть решения Верховного Суда России (в случаях экстремистского объединения) или официальные сайты объединений, а также результаты авторитетных научных исследований, проведенных ранее. Однако стоит иметь в виду, что деятельность исследуемого объединения может быть экстремистской при отсутствии на момент исследования соответствующих нормативных документов. Также зафиксированная в предоставленных материалах деятельность лиц может указывать на отсутствие религиозного объединения.

Во-вторых, метод декомпозиции, позволяющий выявить и разграничить отдельные составляющие деятельности по признаку функциональности. В ходе анализа содержания аудио-видео материала могут быть установлены лица, обладающие определенными организаторскими функциями – административно-хозяйственными и руководящими. Например, на аудио-видеозаписях отмечено, что одни лица определяют порядок проведения мероприятия, собрания, устанавливают распределение обязанностей, другие занимаются содержанием и представлением материальной базы, а некоторые являются участниками, посещая проводимые мероприятия, выполняя возложенные на них обязательства. На подтверждение / опровержение полученных выводов указывает анализ опросов (анкетирование, протоколы опросов и допросов) участников проводимых мероприятий. Также необходим анализ содержания предметов атрибутики (религиозная составляющая, применение), наличие/отсутствие их у тех или иных лиц и мест хранения.

Кроме того, метод декомпозиции позволяет выявить и охарактеризовать особенности проведения ритуального действия, значение его для различных категорий участников. На основании аудио-видеозаписей, содержания атрибутики и представлений самих участников можно обозначить определенное ритуальное действие, его структуру и роль каждого участника. Например, проведение пятничной коллективной молитвы (джума-намаз). Время проведения молитвы, структура совершаемых действий определена вероучением ислама и изменения мусульманами не вносятся. Однако имеет интерес выявление отношения к совершаемым действиям самих участников и обоснование данных представлений со стороны руководства, содержащиеся в идеологической основе объединения. В связи с этим, коллективная молитва в пятницу может совершаться в мечети официального мусульманского управления среди других мусульман или обособлено, а также в отдельном

помещении (квартира, частный дом) под руководством одного из участника.

В-третьих, метод моделирования, позволяющий соединить все полученные результаты в комплексное представление о деятельности объединения или лиц, выполняющих совместные ритуальные действия. При исследовании исламского экстремизма, деятельности исламского экстремистского объединения исследователь составляет модель деятельности всех участников в социально-политическом и экономическом контексте, указывая:

- особенности идеологической основы объединения, при необходимости обозначая противоречие «традиционному» толкованию,

- специфические маркеры деятельности (цели и задачи, лексика, порядок проведения мероприятий, отношение к государству),

- структуру объединения при разграничении функциональных действий,

- порядок проведения ритуальных действий, последовательность событий, объяснение происходящего и соотношение с «традиционным» толкованием.

Стоит отметить, что метод моделирования осуществляется при использовании метода реконструкции, позволяющего рассматривать предмет исследования, в частности деятельность участников исламских экстремистских объединений, в контексте культурно-исторических событий и современных социально-политических процессов. При возникновении сложных выражений и понятий, относящихся к деятельности исламского экстремизма, использование метода дескрипций может способствовать объяснению посредством логических переформулировок предложений и замены на известные понятия.

Данные, полученные общенаучными методами в рамках методологического подхода, основанного на методологии К. Вульфа, могут быть дополнены следующими историческими методами:

- диахроническим методом, позволяющим осуществлять исследование периодов становления, развития и современного состояния исламского экстремизма. В определении характеристик деятельности, особенностей идеологии важным является выявление факторов, влияющих на их становление и приводящих к трансформации. Выявление данных факторов во всех сферах общественной жизни позволяет обозначить «ленту времени» и установить законы развития, которые могут привести к изменениям внутри объединения.

- синхроническим методом, позволяющим определить основополагающие моменты в деятельности исламского экстремизма и проводить

сравнение схожих процессов и явлений, наблюдаемых в различных сообществах, при выделении предпосылок и обозначении перспектив развития. При этом необходимо устанавливать параллельно возникающие процессы и определять степень взаимосвязи с помощью. Так исторический позитивный опыт противодействия экстремистским организациям на территории России и в мире может способствовать разработке методов противодействия современным организациям экстремистской направленности. Например, в 1990-х гг. после неудавшейся акции (Киев, 1993) и возврата руководителя (М. Цвигун) после заключения с новыми идеями в радикальном религиозном движении «Великое белое братство Юсмалос» произошли изменения в идеологии, что привело к прекращению радикальных проявлений. Данный опыт может быть применен и к экстремистским исламским организациям, чья основная деятельность сконцентрирована на территории России и идеологически основана на мнении современного богослова из числа непосредственных участников. Экстремистские организации, обладающие схожей структурой, осуществляют деятельность по «общим» схемам. Следовательно, результаты определения всех структурных составляющих и функциональных особенностей одной организации с определенными допущениями можно применить и на исследуемое объединение.

По нашему мнению, исследование деятельности и идеологии исламских экстремистских объединений методологией, основанной на выявлении и определении структуры и роли социальных ритуалов при включении общенаучных методов, является наиболее востребованным и способным достичь поставленных задач при условии наличия необходимых материалов. Ритуалы в деятельности исламских экстремистов имеют важное значение. Они являются отражением мировоззренческих представлений объединения и одновременно средствами для развития и укрепления экстремистских идей в сознании. Исследование деятельности МРО «Ат-Такфир Валь-Хиджра» предложенным комплексным подходом, основанным на методологии К. Вульфа, представляется в данной работе демонстрацией продуктивного результата.

Особенности деятельности МРО «Ат-Такфир Валь-Хиджра»

Среди исламских экстремистских организаций, обосновывающих противоправную деятельность с позиции выполнения религиозного долга, имеются объединения, которые оправдывают применение насильственных мер для достижения

поставленных целей и построения идеального социально-политического и экономического состояния – исламское теократическое государство (халифат). Международное религиозное объединение «Ат-Такфир Валь-Хиджра», основанная Шукри Мустафой в 1970-х гг., является организацией, деятельность которой на территории России признана экстремистской и запрещена решением Верховного Суда 15 сентября 2010 г. [10]. Участники данной организации не признают гражданские институты, считают законы России нелегитимными [8, с. 48-50] и допускают возможность применения насилия в отношении лиц, не разделяющих их идеологических положений.

Наиболее ярко демонстрирующими особенностями идеологии МРО «Ат-Такфир Валь-Хиджра» являются ритуальные действия, связанные с еженедельным (пятница) выполнением обязанности мусульманина – посещение джума-намаз. Как правило, джума-намаз проводится в действующей на территории мечети под руководством представителя официального духовного управления и является обязанностью каждого мусульманина [5]. Участники МРО «Ат-Такфир Валь-Хиджра» проводят джума-намаз самостоятельно на частных территориях (квартиры, частные дома) вдали от официальных мероприятий. Руководством по порядку проведения джума-намаз занимается наиболее авторитетный представитель по вопросам вероучения ислама. Порядок проведения по основным моментам соответствует уставленному вероучением – определенное время, проповедь, затрагивающая актуальные проблемы общины (хутба) и молитва с обязательными и желательными элементами под руководством авторитетного лица.

В проповеди обособленность рассматривается с позиции идеологии. Отношение к мусульманам, не разделяющим позиции участников, выражается как отношение к многобожникам, обоснованное с позиции вероучения ислама, что многобожники понимают смысл свидетельства веры (шахады), но произносят ее неверно. Необходимость следование праведному пути понимается как распространение идеологии среди лиц различных религиозных и мировоззренческих убеждений. Каждый истинный мусульманин обязан призывать к исламу не только тех, которые не в исламе, но и «неверных». Порядок расположения участников во время проведения джума-намаз указывает на структурное деление и распределение административно-хозяйственных функций. Непосредственно за руководителем находятся главные административные должности и хозяин помеще-

ния, после которых располагаются рядовые участники по степени активности.

Обозначенная схема проведения джума-намаз преследует решение нескольких задач, связанных со структурированием объединения и обучением участников идеологическим основам. Используя комплексный подход, основанный на методологии исследования социальных ритуалов К. Вульфа, наличия перфомативности и мимезиса, обозначим основные аспекты деятельности:

- посредством осуществления совместных действий создается общий эмоциональный фон среди участников джума-намаз, который выражается в чувствах принадлежности к единому. В результате чего, у всех участников вне зависимости от занимаемого положения преодолеваются различия в интерпретациях идеологических моментов и формируются общие представления. Для участников МРО «Ат-Такфир Валь-Хиджра» важным становится наличие представления о единстве их сообщества не только в духовном плане, но и в социально-политической и экономической деятельности.

- благодаря действиям во время джума-намаз становится возможным демонстрация структуры объединения, указание занимаемых всеми участниками своих мест в структуре и выполняемых ими обязанностей, подтверждение легитимности руководителей и вовлечение в деятельность новых участников. В результате чего, еженедельно осуществляется подтверждение структурности объединения и корректировка интерпретаций идеологии.

- вследствие творческой имитации, повторения действий за руководством участники обучаются образцам поведения, воспринимают аксиологические и этические нормы, а также вносят в свою речь соответствующие языковые обороты. Человек ориентирован в своих действиях, выражающихся в ритуалах, языке и символах, на других людей, на представителей своего сообщества. В процессе проповеди используются элементы вовлечения и корректировки мнений слушателей посредством вопросов и коллективного обсуждения ответа с указанием при необходимости неверности понимания и одобрения в случае соответствия.

Благодаря перфомативности и мимезису ритуала джума-намаз как основополагающего ритуального действия, включающего и объединяющего максимальное количество участников, позволяет осуществлять передачу знаний и идеологических установок. Создавая своеобразную свойственную только для участников МРО «Ат-Такфир

Валь-Хиджра» социальную действительность, ритуал способствует преодолению внутренних противоречий, снижению межличностных конфликтов, что ведет к интеграции всех участников в единое сообщество. Также у участников ритуалов происходит корректировка имеющихся представлений. Те, которые не соответствуют идеологии объединения, исключаются как «пережитки» прошлого, а развитие остальных представлений поощряется в контексте экстремистских воззрений. Происходит усиление дихотомии Мы-Они, религиозное обоснование применения насилия в отношении идеологических противников и формирование идей создания отличного от существующего государственного устройства.

Используемые при совершении ритуала символические системы жестов, последовательности действий и языка (высказывания) участниками МРО «Ат-Такфир Валь-Хиджра» позволяют выявить положения идеологии.

Во-первых, в устной и письменной речи участников МРО «Ат-Такфир Валь-Хиджра» проявляется отношение к сторонникам иных убеждений и официальному религиозному руководству:

– использование понятия «кафир» в отношении лиц, не разделяющих их религиозных и социально-политических убеждений. Следует отметить, что в арабском языке слова «кафир» имеет более 14 определений. Используется «кафир» участниками МРО «Ат-Такфир Валь-Хиджра» в контексте именованья «неверных» и в отношении как не мусульман, так и мусульман, не разделяющих убеждения участников. Учитывая при анализе обозначенные моменты, определяется отношение идеологии объединения и мировоззренческих убеждений участников к иным лицам вне зависимости от религиозной принадлежности как к «неверным». Использование понятия «кафир» в отношении мусульман иных религиозных убеждений лицами, позиционирующими себя мусульманами, является обвинением в неверии (такфир) и свидетельствует о признании своей мировоззренческой позиции истинной, а себя – «истинными» мусульманами. Примерами могут быть выражения по типу «Я не говорю, что он кафир, но и что он мусульманин, я тоже не скажу никогда по причине его поведения и разговоров», «Они – не мусульмане, поклоняются каким-то божкам, а думают, что Аллаху».

– использование понятия «хиджра» в контексте отделения от официального мусульманского сообщества в определенном регионе, в том числе отказ от участия в деятельности мусульманских духовных управлений, и создания собственной общи-

ны. В ходе проводимого анализа могут быть выделены высказывания «они не единая умма, нам необходимо с ними не общаться, уйти от них», «не нужно посещать их мечеть» с указанием на нелегитимность духовного управления «там молитву читает несведующий» и недозволённость в его деятельности «мечеть их построена на нехорошие деньги».

Во-вторых, в характере проводимых ритуальных действий проявляется особенность понимания «хиджры». По причинам позиционирования себя «истинными» мусульманами, отказа от совместной деятельности с другими мусульманами, необходимости достижения поставленных задач и признания МРО «Ат-Такфир Валь-Хиджра» экстремистским участниками осуществляют свою деятельность как самостоятельная община (умма), обладающая структурой – авторитетными богословами, социально-политическими и экономическими деятелями и участниками, и едиными разделяемыми всеми людьми аксиологической и этической системами.

Стоит отметить взаимообусловленность ритуалов и экстремистских идей. С одной стороны – ритуальные действия МРО «Ат-Такфир Валь-Хиджра» отражают особенности идеологии объединения, основанной на синтезе положений религии ислам и способами решения политических задач. В ритуалах, сопровождаемых специфической лексикой и действиями, проявляются представления о дихотомии общества – разделение на «Мы» и «Они» и о необходимости осуществления самостоятельной политической и религиозной деятельности. В категорию «Они» входят не только представители иных религий, но и мусульмане, не разделяющие данных убеждений. С другой стороны – ритуалы усиливают восприятие участниками положений идеологии, способствуя развитию экстремистских идей в индивидуальных сознаниях. Благодаря участию в ритуальных действиях МРО «Ат-Такфир Валь-Хиджра» у людей формируются и развиваются идеи исключительности своего положения, неполноценности других и применения насилия в отношении лиц из категории «Они», а также смены существующего конституционного строя, в частности в России.

Заключение

Исламский религиозный экстремизм представляет угрозу национальной безопасности современной России по причине его связи с террористической деятельностью. Разработка продуктивной методологии исследования данного явления социальной действительности, позволяющей наиболее

объективно и полно сформировать представление об организованной деятельности исламских экстремистов, становится приоритетной задачей религиоведческих исследований. Методологию исследования социальных групп посредством выявления и системного анализа ритуалов, предложенную историческим антропологом К. Вульфом, в сочетании с методами распознавания и идентификации, декомпозиции и моделирования, а также диахроническим и синхроническим подходами можно использовать в качестве комплексного методологического подхода. Данный подход способствует выявлению и определению структуры объединения и особенностей его функционирования. Анализ трансформации ритуалов, которые осуществляются в деятельности экстремистского объединения, позволяет установить динамику социально-политических, духовных и экономических изменения. Развитие исследований по разработке и применению методологии исторической антропологии и использование их результатов в сфере противодействия экстремизму может способствовать оптимизации мер по выявлению, предупреждению и пресечению деятельности исламских экстремистов в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арчаков М.К. Психологические проблемы экстремистской деятельности // Вестник Амурского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2011. № 52. С. 50-54.
2. Ваньке А.В. Как можно было бы помыслить тело? К опыту исследований телесности в немецком языковом пространстве: чувство, тело, движение. М.: «КАНОН+» РООИ «РЕАБИЛИТАЦИЯ», 2011.
3. Вульф К. Антропология в глобализованном мире: на пути к новой антропологии. М.: Идея-Пресс, 2015.
4. Вульф К. К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал. М.: Интерсоцис, 2009.
5. Гаджиев А. Пятница – день мусульман // Исламская цивилизация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://islamcivil.ru/pyatnica-den-musulman/>
6. Добаев И.П., Анисимова Н.А. Причины и основные направления политизации и радикализации ислама в Российской Федерации // Гуманитарий Юга России. 2013. №3. С. 52-64.
7. Круткин В.Л. Движение человека в опыте осмысления мира // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2014. № 2. С. 45-54.
8. Меркурьев В.В. Деятельность международных террористических и экстремистских органи-

заций как источник угрозы национальной безопасности России // Вестник академии Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. 2011. №4. С. 48-55.

9. Оганесян, С.С., Михайлов, В.К. Проблемы правового содержания права на свободу совести и вероисповедания, а также определение религиозного экстремизма // Право и современные государства. 2015. № 3. С. 27-36.

10. Решение Верховного Суда РФ от 15 сентября 2010 г. № ГКПИ10-848 // СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1697193/>

11. Сукийянен Л.Р. Исламская правовая мысль против экстремизма и терроризма // Стратегии противодействия вызовам преступности в России на современном этапе: материалы XIX Международной научно-практической конференции. Краснодар: Краснодарский государственный университет МВД России, 2016. С. 17-47

12. Элиаде М. Священное и мирское. М.: МГУ, 1994.

13. Celso, A., 2014. Cycles of jihadist movements and the role of irrationality. *Orbis*, Vol. 58, pp. 229-247.

14. Dirilen-Gumus, O., 2011. Differences in system justification with respect to gender, political conservatism, socio-economic status and religious fundamentalism. *Procedia: Social and Behavioral Sciences*, Vol. 30, pp. 2607-2611.

15. Falco, C., Rotondi, V., 2016. The less extreme, the more you leave: radical Islam and willingness to migrate. *World Development*, Vol. 88, pp. 122-133.

16. Platteau, J.-P., 2011. Political instrumentalization of Islam and the risk of obscurantist deadlock. *World Development*, Vol. 39, pp. 243-260.

17. Prof. Dr. Christoph Wulf. Professor für Anthropologie und Erziehung. URL: <http://www.christophwulf.de/>

REFERENCES

1. Archakov, M.K., 2011. Psikhologicheskie problemy ekstremistskoi deyatel'nosti [Psychological problems of extremist activity], *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, no. 52, pp. 50-54. (in Russ.)
2. Van'ke, A.V., 2011. Kak mozhno bylo by pomyslil' telo? K opyту issledovaniya telesnosti v nemetskom yazykovom prostranstve: chuvstvo, telo, dvizhenie [How could we contemplate the body? Towards the research experience of corporeality in the German language space: feeling, body, movement]. Moskva: «KANON+» ROOI «REABILITATSIYA». (in Russ.)

3. Wulf, K., 2015. Antropologiya v globalizirovannom mire: na puti k novoi antropologii [Anthropology in a globalized world: towards a new anthropology]. Moskva: Ideya-Press. (in Russ.)
4. Wulf, K., 2009. K genezisu sotsial'nogo. Mimesis, performativnost', ritual [The genesis of the social. Mimesis, performativity, ritual]. Moskva: Intersotsis. (in Russ.)
5. Gadzhiev, A. Pyatnitsa – den' musul'man [Friday – the day Muslims]. Islamskaya tsivilizatsiya. URL: <http://islamcivil.ru/pyatnica-den-musulman/> (in Russ.)
6. Dobaev, I.P., Anisimova, N.A., 2013. Prichiny i osnovnye napravleniya politizatsii i radikalizatsii islama v Rossiiskoi Federatsii [The reasons and main directions of politicization and radicalization of Islam in the Russian Federation], Gumanitarii Yuga Rossii, no. 3, pp. 52-64. (in Russ.)
7. Krutkin, V.L., 2012. Dvizhenie cheloveka v opyte osmysleniya mira [Human progress in the experience of understanding the world], Praksema. Problemy vizual'noi semiotiki, no. 2, pp. 45-54. (in Russ.)
8. Merkur'ev, V.V., 2011. Deyatel'nost' mezhdunarodnykh terroristicheskikh i ekstremistskikh organizatsii kak istochnik ugrozy natsional'noi bezopasnosti Rossii [Activity of international terrorist and extremist organizations as a threat to national security of Russia], Vestnik akademii General'noi Prokuratury Rossiiskoi Federatsii, no. 4, pp. 48-55. (in Russ.)
9. Oganessian, S.S., Mikhailov, V.K., 2015. Problemy pravovogo sodержaniya prava na svobodu sovesti i veroispovedaniya, a takzhe opredelenie religioznogo ekstremizma [Problems of legal content of the right to freedom of conscience and religion and the definition of religious extremism], Pravo i sovremennye gosudarstva, no. 3, pp. 27-36. (in Russ.)
10. Reshenie Verkhovnogo Suda RF ot 15 sentyabrya 2010 g. № GKPI10-848 [The decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 15 September 2010 №GKPI10-848]. In: SPS «Garant». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1697193/> (in Russ.)
11. Sukiyaïnen, L.R., 2016. Islamskaya pravovaya mysl' protiv ekstremizma i terrorizma [Islamic legal thought against extremism and terrorism]. In: Strategii protivodeistviya vyzovam prestupnosti v Rossii na sovremennom etape: materialy XIX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Krasnodarskii gosudarstvennyi universitet MVD Rossii, pp. 17-47. (in Russ.)
12. Eliade, M., 1994. Svyashchennoe i mirskoe [The sacred and the secular]. Moskva: MGU. (in Russ.)
13. Celso, A., 2014. cycles of jihadist movements and the role of irrationality. Orbis, Vol. 58, pp. 229-247.
14. Dirilen-Gumus, O., 2011. Differences in system justification with respect to gender, political conservatism, socio-economic status and religious fundamentalism. Procedia: Social and Behavioral Sciences, Vol. 30, pp. 2607-2611.
15. Falco, C., Rotondi, V., 2016. The less extreme, the more you leave: radical Islam and willingness to migrate. World Development, Vol. 88, pp. 122-133.
16. Platteau, J.-P., 2011. Political instrumentalization of Islam and the risk of obscurantist deadlock. World Development, Vol. 39, pp. 243-260.
17. Prof. Dr. Christoph Wulf. Professor für Anthropologie und Erziehung. URL: <http://www.christophwulf.de/> (in German).

УДК 111.1

И.И. Докучаев*

МОДЕЛИ И МОДЕЛИРОВАНИЕ В СИСТЕМЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ СУЩЕГО

В статье предпринята попытка построить классификацию видов конструирования как формы бытия, выделяемой наряду с очевидной данностью объекта субъекту. Бытие как отношение субъекта и объекта в ходе его феноменологического описания открывается как антиномия конструирования и конституирования. Отмечается особая роль такой формы конструирования, как моделирование (процесс, в результате которого создаются продукты – модели объектов), выделяемой наряду с концептуализацией объектов. Ключевая особенность моделирования – учет материальных свойств модели, то есть бесконечного и неопределенного семантического потенциала материи. Концептуализация отличается от моделирования учетом одного лишь формального, или определенного семантического потенциала концепции. Особое внимание уделено классификации моделирования и когнитивных моделей.

Ключевые слова: очевидность, конструкция, концептуализация, моделирование, художественный образ, когнитивная форма, ценность, система

Constructing the existent: models and modelling. ILYA I. DOKUCHAEV (Far Eastern Federal University).

The article attempts to construct a classification of types of constructing as a form of being that is identified alongside the evident givenness of an object to a subject. Being (a subject-object relation) reveals itself in the process of its phenomenological description as the antinomy of constructing versus constituting. A special role is given to such form of constructing as modelling (a process providing us with object models), over and above object conceptualization. The basic peculiarity of modelling is that it takes into account the material properties of a model, i.e. the boundless and indeterminate semantic potential of matter. In what conceptualization differs from modelling is that the latter looks only at the formal or determinate semantic potential of a conception. The study elaborates the classification of modelling types and cognitive models.

Keywords: evidence, construct, conceptualization, modelling, artistic image, cognitive form, value, system

Конструирование сущего – один из двух способов бытия субъекта, трактуемого как отношение с объектом¹. Ещё один способ – конституирова-

ние, то есть полагание сущего как очевидного на основании его непосредственной данности субъек-

¹ В современной эпистемологии конструирование стало одним из ключевых обозначений когнитивной

практики, в первую очередь, в исторических науках; однако Бруно Латур убедительно показал, что это универсальная категория [4].

* ДОКУЧАЕВ Илья Игоревич, доктор философских наук, профессор Департамента философии и религиоведения Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: dokuchaev.ii@dvfu.ru

© Докучаев И.И., 2017

екту². Между очевидностью и конструкцией имеется сложное пространство переходов, так что в каждой очевидной данности можно обнаружить результаты конструирования и в каждой конструкции – нечто, данное с очевидностью. Антиномический характер отношений очевидного и конструкции как форм бытия сущего является неизбежным следствием феноменологического описания опыта, претендующего на абсолютную достоверность, или несомненность конституирования, но не утрачивающего свойств самого этого описания, выдающего их конструктивную суть³. Пассивность конституирования есть недостижимый идеал, вполне сопоставимый в этой своей идеальности с активностью конструирования. Всякий факт опыта выдает себя за событие, случающееся с субъектом, но не может не обладать характеристиками самого же субъекта, которые он приобретает в результате этой встречи.

Модели и моделирование – ключевой способ организации бытия человека, которое определено было выше как конструирование реальности. Моделирование есть конструирование сущего в форме его удвоения (рефлексии). Помимо моделирования реальность может конструироваться и иначе – в ходе трансформации, или преобразования. Вся совокупность результатов человеческой деятельности, направленной на психофизиологическую сущность человека (эмпирическое состояние субъективности), институционализированную (социальную) субъективность, материальную сущность природы (эмпирическое состояние субъективности), совокупность, называемая культурой, есть результат такого рода трансформирующего конструирования.

Помимо моделирования реальность может рефлексироваться и иначе – в форме концептуализации, причем и концептуализация, и моделирование представляют собой когнитивную практику. Когнитивная практика есть деятельность надления сущего смыслами, будь то сущности, функции или что-либо иное. Это не обязательно специализированная деятельность, вроде науки, но и вполне повседневное занятие. Осмысление мира есть его концептуальная рефлексия, оформление и уз-

² Поиск очевидности так и не увенчался успехом, однако перспективы этого поиска далеко не исчерпаны, и концепция Эдмунда Гуссерля об аподиктической очевидности остается ключевым инструментом философствования [2].

³ Людвиг Ландгребе, один из наиболее оригинальных и последовательных сторонников трансцендентальной версии феноменологии, показал этот антиномический характер эвиденциальных дескрипций на многочисленных примерах [6].

навание этих определённых форм в неопределённом континууме материи.

Моделирование же может осуществляться не только в когнитивной, но и в иных социально-культурных практиках – ценностно-ориентационной (прежде всего, в религиозной и политической формах) и художественной⁴. Такая типология моделей построена на основании ряда критериев. Потребность в моделировании диктуется недостаточностью результатов концептуализации. Отношение к объекту нуждается в таком его осмыслении, которое было бы и точным, и целостным, и ориентированным на потребности и идеалы субъекта. Когнитивная концептуализация или моделирование претендуют на такую точность, художественное моделирование – на целостность, ценностное – на субъективную приемлемость.

Художественная модель – такое удвоение реальности, которое претендует на целостное ее воспроизведение, причем эта целостность гарантируется исключительно внутренней художественной логикой, которая коррелятивна логике реальности, но не повторяет ее. Эта корреляция представляет собой аналогию, которая придает реальности неопределенный характер; ставит под сомнение результаты ее познания и оценки; провоцирует конфликт интерпретаций, ни одна из которых не может быть признана окончательной, но не может быть также и элиминирована в качестве ложной (за исключением только таких, какие полностью игнорируют буквальные схемы произведения искусства, провоцирующие интерпретации и ставящие границы для них). Подлинное произведение искусства всегда сложно и его смысл не может быть сведен к какой-то простой и непротиворечивой концепции.

Ценностная модель – такое удвоение реальности, которое также претендует на целостное воспроизведение. Однако эта целостность гарантируется уже не особой логикой модели с ее неопределённостью и конфликтом интерпретаций, а субъективностью, то есть исторически сложившимся содержанием идеала приемлемого и требуемого мира, который стремятся выстроить (или хотя бы оценить) те или иные общества и индивиды. Ценностная модель, таким образом, есть субъективный идеал, на основе которого оценивается и преобразовывается мир. Этот субъективный идеал может резко отличаться от объективных потребностей пользы, вплоть до ее полного отрицания. В архаических и классических традицион-

⁴ Подробная классификация моделирования как социокультурной практики содержится в моей работе «Ценность и экзистенция» [3].

ных обществах такой идеал чаще всего выражался религиозными мифами и воспроизводящими их ритуалами, а в средневековом традиционном обществе – еще и специальными рациональными концептуализациями (теологией и т.п.).

Ценностная модель похожа на художественную тем, что и та, и другая целостны, но различаются тем, что ценности обладают строгой определенностью, а художественное произведение провоцирует конфликт интерпретаций и неопределенность их итогов. Еще одно сходство ценностных и художественных моделей – в их субъективном характере. Эти модели не столько повторяют в своём удвоении реальный мир, сколько создают специфические, принципиально отличные от реальности ее аналогии – перформативные версии реальности. Это отличие есть отличие между субъективными идеалами, субъективными образами и объективными копиями и концептами реального мира. Однако таким своим свойством как определенность, ценностная модель сходна с когнитивными моделями, ибо содержание последних также претендует на отчетливость и ясность его истолкования.

Когнитивная модель реальности есть такое ее удвоение, которое претендует на объективное воспроизведение и даже воссоздание свойств реального мира. Она имеет определенное содержание, которое можно уточнять и проверять. Вопрос о том, является ли моделирование единственной формой когнитивной практики или оно отличается от концептуализации – дискуссионный. Есть основания полагать, что модель и концепция – одно и то же. В самом деле, и то, и другое представляют собой рефлексию реальности, ее удвоение в форме точных содержательных композиций. Однако есть основания полагать, что модель и концепция – не одно и то же. Их различие заключается в том, что модель всегда включает в состав своего содержания материальные компоненты, причем это могут быть как чувственно воспринимаемые характеристики модели, так и умственно постигаемые (в терминологии Аристотеля). Концептуализация же никогда не включает в состав своих результатов материальных характеристик. Их содержание раз и навсегда определено и завершено. Всякая же модель обладает потенциальным ростом содержания, несмотря на его определенность. Этот рост есть следствие особенностей материи, которая благодаря своей индивидуализирующей способности создает бесконечность свойств и характеристик всего сущего, аспектом бытия которого выступает. Вместе с тем, когнитивный потенциал материи – еще одна проблема, ставящая под сомнение само понятие моделирования.

Классическая точка зрения на проблему материи такова, что индивидуальные характеристики непознаваемы. Они непознаваемы потому, что их невозможно концептуализировать, они уникальны, и, следовательно, их не с чем сравнивать; тогда как любое определение включает ближайший род и видовое отличие определяемого объекта (то есть сферу сравнения и сферу спецификации). Всякий концепт есть результат сравнения и обобщения, он есть свойство ряда объектов, благодаря которому этот ряд отличается от других. Поэтому материя не может быть концептуализирована. Так думали Платон и Аристотель⁵. Однако уже в школе Сократа, к которой принадлежали упомянутые только что философы, были и другие точки зрения на эту проблему.

Так, основатель кинической философии Антисфен полагал, что познание не есть только поиск определений, а скорее – систематизация объектов, поиск необходимых и достаточных для их бытия элементов и установление отношений (функций) между ними. Аргументы Платона против системного подхода очень основательны: действительно, существуют такие объекты, систематизация которых не позволяет объяснить их сущности. Иными словами, у таких объектов имеются эмерджентные свойства, эпифеноменальные по отношению к свойствам составляющих эти объекты элементов. Это создает проблемы для системного метода, который в целом хорошо зарекомендовал себя в когнитивных практиках. Одна из таких проблем – психофизиологическая проблема. Некоторые ученые (например, Д. Чалмерс) полагают, что сознание невозможно редуцировать к физиологическим процессам организма и оно есть как раз такое эмерджентное и эпифеноменальное свойство [5].

Однако в целом системный подход является одним из ключевых принципов любого моделирования. Многие объекты хорошо редуцируются к их систематизациям, а следовательно – хорошо моделируются. Однако многие объекты очень сложно поддаются систематизации. Системный подход – единственное средство упорядочить социально-гуманитарную практику в большинстве случаев. В социальных и гуманитарных науках концептуализации и моделирование сводятся к конструированию когнитивных артефактов, которые представляют собой идеальные типы (в терминологии Макса Вебера). Это конструирование опирается на два ключевых логических принципа, один из которых – редукция, а другой – выступа-

⁵ Концепция определенности материи и неопределенности формы – ключевая идея «Метафизики», актуальная и продуктивная для всех вариантов онтологии и эпистемологии Аристотеля [1].

ющий фактически стороной первого – идеализация. Эта идеализация оказывается обоснованной в той мере, в какой она выдерживает требования системного подхода. Найти критерии, по которым объект может быть описан как совокупность необходимых и достаточных для его бытия элементов и функций этих элементов, связывающих их друг с другом, а также весь объект с окружающей его средой, – вот основная задача моделирования реальности. Все, что невозможно систематизировать, редуцируется. Любая система социологических конструкций, вроде концепции социально-экономических формаций Карла Маркса или теории социального действия Толкота Парсонса – типичные примеры подобных систематизаций, то есть идеализаций и редуций.

Однако в естественных науках не требуется подобной логической работы. Классификации химических элементов в периодической системе Д.И. Менделеева или таксономические классификации биологов невозможно систематически обосновать. Они представляют собой своего рода естественные модели – то, что можно назвать законами природы или (поскольку редуции все равно совершаются ради того, чтобы доказать эти законы) фундаментальные природные симметрии. Эти симметрии не являются абстрактными когнитивными артефактами, конструирующими реальность (даже гуманитарные науки обладают подобными симметриями; например, парадигмы какого-либо языка включает то или иное количество падежей или личных форм не потому, что оно обосновано системными требованиями, а потому, что оно выявлено эмпирически). Они выступают, прежде всего, свойствами реальности, конструирующий потенциал которых, конечно, не упраздняется вовсе, но сводится к минимуму.

Среди этих концептуализаций можно выделить натуральные модели, математические модели и чистые концептуализации. Натуральные модели воссоздают объект в каком-то ином, чем он сам, материале (например, глобус или пластиковая модель скелета человека). Такие модели лишены ряда свойств объекта, но зато остальные, наиболее важные для такого рода моделирования, представляются выразительнее и последовательнее, чем самим объектом. Изучение этих свойств в материальном контексте модели способно выявить дополнительные характеристики, которые в ходе наблюдения за самим объектом могут оказаться скрытыми. Математические модели представляют собой логические композиции свойств объекта, формализованных до количественных переменных и отношений между ними. Гипотети-

ко-дедуктивный потенциал подобного рода моделей, выражающийся, например, в топологических схемах или системах уравнений, также позволяет получать новую информацию об объекте, не обращаясь к нему самому, причём более точно и систематично, чем в случае такого рода обращений.

Среди моделей, построенных в рамках естественно-математического и социально-гуманитарного знания, можно обнаружить и такие, которые не сводятся ни к естественным, ни к идеальным. Их можно назвать порождающими. К числу примеров подобного рода моделей относятся ДНК, языковые парадигмы и т.п. Их особенность заключается в том, что, с одной стороны, они не являются свойствами моделируемого мира (каковы все естественные модели), но они не являются также идеальными абстракциями моделируемого мира (каковы все социально-гуманитарные модели). Они так же конкретны, как и сама реальность, но отличаются от нее, представляя собой минимум конструирования. Язык порождает речь, а не является результатом абстрактного сопоставления речевых актов в форме текстов или устных дискурсов, в результате которого формируются обобщения. Да, о языке можно узнать в ходе этих обобщений, но открываемое обобщение предстает перед нами в своеобразной функции – функции порождающей модели, ориентируясь на которую, акторы выстраивают коммуникативный акт. Социальные и гуманитарные науки XX в. характеризуются поиском такого рода моделей в различных практиках; этот поиск получил названия структурно-функционального метода, однако он дал очень плохие результаты, если не считать попыток выявить ценностные модели культуры в качестве более или менее убедительных аналогов порождающих моделей языкового характера.

Завершая этот обзор когнитивных, художественных и ценностных моделей, укажем еще на один вид моделирования – праксеологический. Праксеологические модели есть рефлексии реальности, включающие правила ее трансформации с целью создания объективно приемлемого (полезного) для всякого человека мира. Они могут опираться на когнитивные модели, могут опираться на ценностные модели, и в зависимости от этого приобретать те или иные свойства соответствующих моделей. Можно обнаружить различные синтетические артефакты, включающие свойства аксиологического и когнитивного моделирования. Особой формой праксеологических моделей выступают деонтологические артефакты, опирающиеся на социальные нормы (например, юридические законы). Большинство из них по своему

происхождению имеют либо аксиологический (это бывшие субъективные ценности, ставшие безразличными нормами), либо прагматологический (то есть объективный, основанный на когнитивном отношении к реальности) статус.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1976.
2. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб: Наука, 1998.
3. Докучаев И.И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры. СПб.: Наука, 2009.
4. Латур Б. Нового времени не было. СПб.: Европейский университет в С.-Петербурге, 2006.
5. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М.: URSS, 2015.
6. Landgrebe, L., 1981. The phenomenology of Edmund Husserl. Six essays. Ithaca: Cornell University Press.

REFERENCES

1. Aristotle, 1976. Sochineniya v 4-kh t. [Works in four volumes]. Vol. 1. Moskva: Mysl'. (in Russ.)
2. Husserl, E., 1998. Kartezianskie razmyshleniya [Cartesian meditations]. Sankt-Peterburg: Nauka. (in Russ.)
3. Dokuchaev, I.I., 2009. Tsennost' i ekzistentsiya. Osnovopolozheniya istoricheskoy aksiologii kul'tury [Value and existence. Fundamentals of the historic axiology of culture]. Sankt-Peterburg: Nauka. (in Russ.)
4. Latour, B., 2006. Novogo vremeni ne bylo [We have never been modern]. Sankt-Peterburg: Evropeiskii universitet v S.-Peterburge. (in Russ.)
5. Chalmers, D., 2015. Soznayushchii um: V poiskakh fundamental'noi teorii [The conscious mind: in search of a fundamental theory]. Moskva: URSS. (in Russ.)
6. Landgrebe, L., 1981. The phenomenology of Edmund Husserl. Six essays. Ithaca: Cornell University Press.

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СВЕТСКОГО АСКЕТИЗМА

В статье предлагается концепция «светского аскетизма», связанная с системой координат мира на основе предельных динамических равновесий, с которой тесно коррелируют представления о сетевых равновесиях и «связанной субстанции». Культурно-светский аскетизм представляет собой связанное состояние интеллектуальной и духовной деятельности индивидов в контексте их этнических особенностей. В современном глобальном мире выявились две основные тенденции, которым подвержены большинство культур. С одной стороны, все они стремятся к самоидентификации, то есть к четкому выявлению своих границ, характерных черт. С другой стороны, они способствуют интеграции человечества. Противостояние этих тенденций привело к диверсификации культур, что на фоне все более активно взаимодействующих экономических и финансовых глобальных систем представляется парадоксом. Опора на светский аскетизм и его различные виды позволяет современным культурам более устойчиво взаимодействовать друг с другом и преодолеть имеющуюся в настоящее время диверсификацию культур.

Ключевые слова: светский аскетизм, динамическое равновесие, идентификация, коммуникация, диверсификация культур, глобализация

Philosophical reflection on secular asceticism. NIKOLAY N. KOZHEVNIKOV, VERA S. DANILOVA (North-Eastern Federal University)

The paper offers the concept of “secular asceticism”, related to the world coordinate system based on the utmost dynamic balances. Secular asceticism is a state of intellectual and spiritual activities of individuals in the context of their ethnic origin. In today’s global world, two major trends affect most cultures. On the one hand, all cultures strive for self-identification, meaning clear identification of its borders and features. On the other hand, they contribute to the integration of humankind. The confrontation of these trends has led to the diversification of cultures, which is a paradox against the background of increasingly interactive global economic and financial systems. Reliance on secular asceticism and its different variations allows modern cultures more to interact with each other smoothly and overcome the current cultural diversification.

Keywords: secular asceticism, dynamic balance, identification, communication, cultural diversification, globalization

Представления о светском аскетизме основываются на развиваемой нами концепции «системы координат мира на основе предельных динамических равновесий» [7]. Формула этой системы

координат может быть представлена следующим образом. «Все объекты (природные образования) стремятся к трем предельным фундаментальным равновесиям-пределам, которым сопостав-

* КОЖЕВНИКОВ Николай Николаевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии Северо-Восточного федерального университета.

E-mail: nnkozhev@mail.ru

ДАНИЛОВА Вера Софроновна, доктор философских наук, профессор кафедры философии Северо-Восточного федерального университета.

E-mail: vsdanilova@gmail.com

© Кожевников Н.Н., Данилова В.С., 2017

ляются три «координатных оси». Во-первых, это внутреннее идентификационное динамическое равновесие, соответствующее идентификационному пределу. Во-вторых, равновесие со всеми окружающими этот объект средами (коммуникационно-сетевой предел). В-третьих, предельная частота ритмов мировой гармонии. Тяготея к этим предельным фундаментальным равновесиям объекты (природные образования), никогда их не достигают» [17]. Помимо системы координат мира, развиваемая нами концепция светского аскетизма опирается на тесно коррелирующие с ней представления о сетевых равновесиях и «связанной субстанции».

Основные исходные концепции

Кроме системы координат на основе предельных динамических равновесий и связанных с ней представлений, к фундаментальным понятиям и идеям, лежащим в основании светского аскетизма, могут быть отнесены концепция «пустоты» и «нищеты духа». Эти понятия и концепции подробно рассмотрены в даосизме, буддизме (дзен-буддизме), христианстве. В буддизме центральным понятием является «путь» – «пада», в даосизме – «серединный путь» – «дао», на которые можно вступить в любое время в любом месте. Они характеризуют собой гармонию или связь с началом системы координат мира. Когда этот путь находят природа, общество, отдельный человек, то они обретают свою гармонию развития, оптимальность и устойчивость существования, поскольку взаимодействуют со всеми отмеченными выше пределами фундаментальных равновесий.

«Пустота» – центральное понятие даосизма. «Дао пусто, но благодаря нему существует все и не переполняется» [9, с. 13]. «Тридцать спиц в колесе сходятся к втулке, середина которой пуста, благодаря этому и можно пользоваться колесом. Когда формуют глину, изготавливая из неё сосуд, то делают так, чтобы в середине было пусто, благодаря этому и можно пользоваться сосудом. Когда строят жильё, проделывают окна и двери, оставляя середину пустой, благодаря этому и можно пользоваться жильём. И поэтому наполнение – это что приносит доход, опустошение – это то, что приносит пользу» [9, с. 23]. Опыт аскетов, которому придается огромное значение во всех религиях, подтверждает фундаментальное значение «пустоты» как ориентира для взаимной компенсации взаимодействий с тремя отмеченными выше пределами. В христианстве особое значение придается равновесному состо-

янию духа. «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» [4, с. 228].

Эти утверждения могут быть истолкованы через развитие представлений о видах динамических равновесий, которые были разработаны в последние десятилетия и присутствуют во всех сферах природы, общества, человека. Они изучаются неравновесной термодинамикой, синергетикой, термодинамикой информационных процессов, общей теорией систем. К динамическим равновесиям устремлены все природные и культурные объекты. Следующим этапом их развития являются сетевые равновесия, наиболее распространенное среди которых «равновесие-паутина» образуется на основе различных обменных хаотических процессов в процессе формирования общепланетарных сетей (культуры, образования и т.п.). Сама сеть взаимодействий в равновесии-паутине важнее их источников, следовательно, основные информационные и духовные ресурсы содержатся внутри самой этой сети взаимодействий.

Хотя естественные и социально-гуманитарные науки имеют дело с разными типами предельных оснований культуры, «равновесие-паутина» может обеспечить устойчивые их взаимодействия. Исходя из представлений о равновесии-паутине, можно выявить устойчивые корреляционные отношения между этими типами и связанными с ними предельными основаниями науки и культуры. Такие взаимодополнительные отношения позволяют реализовать концепцию универсального общепланетарного культурного бытия.

В качестве «связанной субстанции» может быть рассмотрено природное или культурное образование, в котором все энергетические, информационные, духовные взаимодействия находятся в равновесии. Таким образом, понятие «связанной субстанции», охватывая все возможные взаимодействия природного или культурного образования с окружающей средой, характеризует их полноту, что в свою очередь обеспечивает связь этого образования с равновесиями фундаментальными. Связанные энергия, информация, духовность как представления этого понятия, обеспечивают существование конструкции из предельных отношений равновесий, являющейся основной внутренней его характеристикой. В философии понятие «связанная субстанция» не рассматривалось, хотя примеры использования, например, связанной энергии или связанной информации в термодинамических и информационных науках обеспечили формирование интегрального подхода к исследованию многих процессов в естественных и социально-гуманитарных науках.

Различные направления в аскетизме

«Все религиозные учения так или иначе предполагают аскетическую практику как средство духовно-нравственного очищения, а также преобразования повседневной деятельности... Как нравственный принцип аскетизм предписывает самоограничение, воздержание от чувственных наслаждений и укрепление воли к совершенному исполнению долга. В аскетическом усилении – воздержание в пище, питье, в чувственных влечениях, преодолении своих слабостей (например, сластолюбия или сладострастия), овладении физическими и душевными состояниями – человек должен отрешиться от плотского в себе и добиться самообладания. Важным средством аскетизма являются медитация, молитва» [2, с. 188]. В религиозном аскетизме возможности тела используются как подспорье в процессе духовного совершенствования человека, в его восхождении к Богу, приобщении к нему. «Аскеты составляли в первоначальной церкви особый класс верных, более прочих, простых людей» [16, с. 135]. Религиозный аскетизм имеет несколько направлений. Некоторые из них допускают возможность заниматься «насущными мировыми проблемами, оставив мистицизм мечтателям и мистикам» [11, с. 369].

Культурно-светская разновидность аскетизма может опираться на религиозный опыт, хотя здесь имеются значительные отличия. В античности начали развиваться подходы, ориентированные на идеалы аскетизма (школа киников). «Все виды физической и духовной бедности для киников предпочтительнее богатства: лучше быть варваром, чем эллином, лучше быть животным, чем человеком. Житейское опрощение дополнялось интеллектуальным» [1, с. 245]. Еще большее значение для развития представлений о культурно-светском аскетизме имеет понятие «эпохе», «восходящее к античному скептицизму, в XX в. возрожденное Э. Гуссерлем и толкуемое им как совокупность подготовительных процедур феноменологического метода, функцией которых является «выведение из игры», или приостановка, или «заклучение в скобки», или «подвешивание» «наивно-реалистических» постулатов науки и философии относительно мира, человека, его сознания... Само «заклучение в скобки» носит исключительно методический характер: это только мысль, только методическая «нейтрализующая модификация», не затрагивающая фактического положения вещей в самом мире» [12, с. 452].

В Новое время идеалы аскетизма подверглись суровой критике со стороны многих философов. Особо острая критика содержалась в работах

П. Гольбаха и Ф. Ницше. Гольбах считал, что аскеты «в своем исступлении считают добродетелью ненависть и презрение к самому себе, добровольное рабство, меланхолию, праздность, самоистязание, – короче, непрерывное оскорбление своей природы, не приносящее реальной пользы ни им, ни обществу». Кроме того, «возведение страданий в ранг религиозного культа неопровержимо свидетельствовало, по Гольбаху, что религия предписывает человеку “отказаться от всего, что может сделать его счастливым”, тогда как подлинная “мораль велит человеку работать для подлинного счастья”» [8, с. 267-268]. Ницше считал, что аскетизм противоречит стремлению человека к здоровью, красоте, совершенству, вкусу. «Аскетический идеал возникает из защитного и врачующего инстинкта вырождающейся жизни, которая всеми силами старается удержаться и борется за свое существование; он указывает на частичную физиологическую задержку (каких-либо функций) и усталость, против которых неустанно борются все новыми средствами, глубочайшие, оставшиеся нетронутыми инстинкты жизни ... аскетический идеал является уловкой для сохранения жизни» [13, с. 165].

Культурно-светский аскетизм представляет собой связанное состояние интеллектуальной и духовной деятельности индивидов в контексте их этнических особенностей. С этим определением коррелирует протестантская этика М. Вебера, которая «наставляет верующего пренебрегать благами мира, избегать излишеств и вести аскетический образ жизни» [14, с. 306]. Оценки аскетизма в контексте социологии, политологии или религиоведения, по мнению авторов, выходят за пределы настоящего исследования. На основе аскетизма была разработана догматическая идеология, широко использованная всеми теоретиками коллективизма. У аскетизма много положительных и отрицательных сторон, однако, нас он интересует как система координат, относительно которой протекают различные культурные и социальные процессы.

Формирование системы координат связанной с аскетизмом может происходить, ориентируясь на три фундаментальных предела (идентификационный, коммуникационно-сетевой и предельные ритмы мировой гармонии) и включать в себя два типа связывания (уравновешивания). Первый тип действует в пределах определенной культурной сферы в целом, Второй, в пределах её подсистем (определенных культурных направлений, характерных черт). Ориентация на «идентификационный предел» позволяет выделить ядро определен-

ного вида культурной деятельности или несколько таких ядер. В религиях такими ядрами являются догматы и символ веры, в литературе – хронотопы, в современной культуре – культурные коды, мемы. Во многих случаях идентификация имеет многозначный характер, так что идентифицируются комплексы подобных ядер.

Стремление к коммуникационно-сетевому пределу предполагает образование устойчивых и оптимальных систем, охватывающих идентификационные ядра в пределах какой-либо деятельности или всей культурной сферы. Если отдельное ядро часто определяется с долей неопределенности, то системы и их совокупности на основе этих ядер представляют собой, как правило, более устойчивые структуры. В религиях с коммуникационно-сетевым пределом связаны коллективные обряды и службы, в культуре (искусстве, литературе) – художественные стили.

Ритмы мировой гармонии пронизывают весь мир, природу, социум, гуманитарную сферу и связывают различные уровни их структурных образований. Устойчивый аскетизм непременно связан с этими ритмами.

Конструкции связанной субстанции соответствуют фундаментальным («нулевым») равновесиям связанной информации, связанной духовности, связанного интеллекта и т.п., объединяющим все присущие им явления в единое целое. Соответствующие им процессы обеспечивает все большее и большее упрощение по сравнению со стихийно возникающими структурами. Принципиальное значение связанные духовность и интеллект имеют для обеспечения устойчивости и системности в образовании.

Существуют яркие примеры связанных субстанций в культуре, искусстве, лингвистике, философии. В науках о культуре связанную субстанцию можно рассматривать как «нулевой культурный код», под которым следует понимать элементы культуры, отсутствие которых приводит к ее полному разрушению. В искусстве есть знаки предельно простого стиля, например, картины «Красный квадрат», «Черный квадрат», «Белый квадрат» К.С. Малевича, которые сам автор прокомментировал так. «Супрематические три квадрата есть установление определённых мировоззрений и миростроений... чёрный как знак экономики, красный как сигнал революции, и белый как чистое действие» [10, с. 187-188]. Философское осмысление лингвистики также содержит яркие примеры предельно простого стиля. Следует упомянуть об атомарных предложениях Л. Витгенштейна из его «Логико-философского трактата», в котором нет ничего лишнего, только самое

необходимое для выражения основных мыслей [5], и о нулевой степени письма Р. Барта [3].

Философские концепции аскетизма связаны, прежде всего, с исихазмом, что представляется нам односторонним подходом. Так, С.С. Хоружий отмечает, что исихастское сознание «никогда не признало «симфонии» и «гармонии» [15, с. 213]. Аскетизм в исихазме служит глубоко религиозной цели. «Полноту же соединения, цель мистического пути, выражает понятие Обожения. Это – центральное понятие исихастской традиции, мистический и антропологический идеал Православия (хотя в строгом смысле, термин «идеал» здесь не адекватен). Из сказанного уже ясно, что Обожение – вид мистического трансцензуса; и этот вид отличен от всего, что мы находим в других традициях. Мистика обожения не есть мистика экстаза, медитации или созерцания. Практика исихаста направляется прямо и непосредственно к целостному и актуальному претворению «тварной падшей» природы человека в природу Божественную. Именно это претворение и именуют Обожением человека» [15, с. 264].

Н.К. Гаврюшин, прежде всего, последовательно демонстрирует, как В.Н. Лосский использует идеи исихазма для выявления фундаментальных расхождений между апофатическим и катафатическим богословиями, связывая эти расхождения с проблемой *Filioque* [6]. Каждое из этих направлений уходит далеко в сторону от проблемы культурно-светского аскетизма, решая свои конкретные задачи в логике, литературоведении, религии.

Аскетизм и культура

В современном мире большинство культур подвержены двум основным тенденциям. С одной стороны, все они имеют стремление к самоидентификации: четкому выявлению своих границ, характерных черт, культурных кодов. Многие культуры не завершили своей идентификации, не сумели определить свою сущность, так как история не отвела им на это достаточного времени. С другой стороны, в глобализирующемся мире идет интеграция человечества, в которой культуры, так или иначе, участвуют. Таким образом, ослабление экономических, политических, государственных границ сочетается в настоящее время со все большим культурным обособлением (культурной диверсификацией).

Решение этого парадокса в том, что современная культура стремится стать сетевой, включив традиционные культуры в качестве своих основных элементов и подсистем. В природе залогом

устойчивости является разнообразие. В гуманитарной и социальной сфере элементов разнообразия еще больше, и только сетевые структуры способны обеспечить их устойчивую взаимосвязь между собой. Такая устойчивость и оптимальность на основе естественного разнообразия способны обеспечить дальнейшее развитие человечества без глобальных катастроф. Все современные культуры должны быть толерантными, гуманистическими, уникальными, а каждый человек должен активно взаимодействовать с несколькими из них, способствуя их интеграции.

Рассмотрение отмеченных выше проблем с точки зрения их собственного аскетизма может стать основным методом при установлении диалога между культурами, совокупность таких этнических, культурных и духовных аскез способна стать фундаментом синтетической общечеловеческой культуры. Все уникальное, специфичное у разных народов будет уже надстройкой над этими «нулевыми» состояниями духовности, культурных и этнических процессов.

Одним из вариантов развиваемого подхода является рассмотрение устремленности всех современных культур к устойчивым состояниям синхронических и диахронических колебаний. В случае синхронических колебаний (условно называемых горизонтальными) взаимодействуют ядра самоидентификации традиционных культур и формирующиеся инварианты общечеловеческой культуры. В случае диахронических колебаний (условно называемых вертикальными) взаимодействуют лучшие образцы культурного общемирового достояния и ориентиры современного общества. В итоге образуется двухмерное динамическое равновесие, обеспечивающее взаимодействие традиционных культур с современными экономическими, финансовыми, технологическими, информационными системами мира. Все перечисленные выше процессы связаны с предельными динамическими равновесиями и через них с природной системой координат. Каждый индивид и каждый этнос способны внести свой вклад в формирование системы координат мира на основе предельных динамических равновесий, и чем больше будет таких вкладов, тем устойчивее станет эта координатная система. При этом аскетические части традиционных культур войдут в основные культурные (мировоззренческие) универсалии, обеспечивающие дальнейшее допустимое развитие человечества.

Культуры, идентифицировавшие свой собственный аскетизм, способны сформировать диалог между собой по универсальным правилам, способствуя установлению общепланетарных

коммуникативной реальности и бытия. Для этих процессов необходимы новые образовательные подходы.

Образованию следует раскрыть особенности самоидентификационного аскетизма личности. Структура её самоидентификации не должна включать ничего лишнего, сохранив все элементы, необходимые для последующего самоидентификационного аскетизма сетевого. Структура сетей также отбраковывает все мешающее ей оптимально формироваться, в противном случае она становится неустойчивой. При самоорганизации сетей необходимы оптимальные скорости взаимодополнительного объединения синхронической и диахронической культур. С одной стороны, это могут быть элементы национальной и массовой культур, с другой – лучшие образцы мировой культуры и идеалы информационного общества.

Большое значение имеет развитие непрерывного гуманитарного образования на основе «равновесия-паутины». Это позволяет человеку в течение своей жизни создавать коммуникационную сеть, ориентированную на систему координат мира, которая связывает его с другими людьми, объединяет представителей различных культур. Такая сеть позволяет развивать новые формы коммуникации, сохранения разнообразия этих форм, восстанавливает целостность отдельных индивидов, нарушенную нелинейностью окружающего мира, характером его развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверенцев С.С. Киники // Новая философская энциклопедия в 4-х т. Т. II. М.: Мысль, 2001. С. 452.
2. Апресян Р.Г. Аскетизм // Новая философская энциклопедия в 4-х т. Т. I. М.: Мысль, 2001. С. 218-220.
3. Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика: Антология. М.: Академический проект, 2001. С. 327-370.
4. Библия в 2 т. Т. 2. М.: Духовное Просвещение, 1991.
5. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М.: Гнозис, 1994.
6. Гаврюшин Н.К. Истинное богословие преобразует метафизику. Заметки о Владимире Лосском // Символ. 2004. № 48. С. 164-216.
7. Кожевников Н.Н. Система координат мира на основе предельных динамических равновесий. Якутск: Издательский Дом СВФУ, 2014.
8. Кузнецов В.Н. Французский материализм XVIII века. М.: Мысль, 1981.
9. Лао Цзы. Дао дэ цзин. Новосибирск, 1995.

10. Малевич К.С. Соб. соч. в 5-ти т. Т. 1. М.: Гилея, 1995.
11. Мейендорф И. Введение в святоотеческое богословие. Клин: Христианская жизнь, 2001.
12. Мотрошилова Н.В. Эпохе // Новая философская энциклопедия в 4-х т. Т. IV. М.: Мысль, 2000. С. 188-189.
13. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Собрание сочинений в 2-х т. Т. 2. М.: Сирин, 1990.
14. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней в 4-х т. Т. 4. СПб.: Петрополис, 1997.
15. Хоружий С.С. О старом и новом. СПб.: Алетейя, 2000.
16. Христианство // Энциклопедический словарь в 3-х т. Т. 1. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993
17. Kozhevnikov, N.N. and Danilova, V.S., 2016. The world coordinate system on the basis of limit dynamic equilibriums. *European Journal of Philosophical Research*, Vol. 5, no. 1, pp.18-26.
1. Averentsev, S.S., 2001. Kiniki [Cynics]. In: *Novaya filosofskaya entsiklopediya v 4-kh t. T. II*. Moskva: Mysl', p. 452. (in Russ.)
2. Apresyan, R.G., 2001. Asketizm [Ascetism]. In: *Novaya filosofskaya entsiklopediya v 4-kh t. T. I*. Moskva: Mysl', pp. 218-220. (in Russ.)
3. Bart, R., 2001. Nulevaya stepen' pis'ma [Zero degree of writing]. In: *Semiotika: Antologiya*. Moskva: Akademicheskii proekt, pp. 327-370. (in Russ.)
4. Bibliya v 2 t. T. 2 [Bible in 2volumes. Vol. 2]. Moskba: Dukhovnoe Prosveshchenie, 1991. (in Russ.)
5. Wittgenstein, L., 1994. *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. Ch. I. Moskva: Gnozis. (in Russ.)
6. Gavryushin, N.K., 2001. Istinnoe bogoslovie preobrazhaet metafiziku. *Zametki o Vladimire Losskom* [True theology transforms metaphysics. Notes about Vladimir Lossky], *Simvol*, no. 48, pp. 164-216. (in Russ.)
7. Kozhevnikov, N.N., 2014. Sistema koordinat mira na osnove predel'nykh dinamicheskikh ravnovesiy [World coordinate system based on the utmost dynamic balances]. *Yakutsk: Izdatel'skiy Dom SVFU*. (in Russ.)
8. Kuznetsov, V.N., 1981. *Frantsuzskiy materializm XVIII veka* [French materialism of the XVIIIth century]. Moskva: Mysl'. (in Russ.)
9. Lao-Tzu, 1995. *Dao de tszin* [Daodejing]. Novosibirsk. (in Russ.)
10. Malevich, K.S., 1995. *Sob. soch. v 5-ti t. T. 1*. [Collected works in 2 volumes. Vol. 1]. Moskva: Gileya. (in Russ.)
11. Meyendorf, I., 2001. *Vvedenie v svyatootecheskoe bogoslovie* [Introduction to Patristic theology]. Klin: Khristianskaya zhizn'. (in Russ.)
12. Motroshilova, N.V., 2000. Epokhe [Epoche]. In: *Novaya filosofskaya entsiklopediya v 4-kh t. T. IV*. Moskva: Mysl', pp. 188-189. (in Russ.)
13. Nietzsche, F., 1990. *Po tu storonu dobra i zla* [Beyond good and evil]. In: Nietzsche, F., 1990. *Sobranie sochineniy v 2-kh t. T. 2*. Moskva: Sirin. (in Russ.)
14. Reale, G. and Antisseri, D., 1997. *Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashikh dnei v 4-kh t.* [Western philosophy from the beginnings to the present day in 4 volumes]. T. 4. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
15. Khoruzhiy, S.S., 2000. *O starom i novom* [On the old and the new]. Sankt-Peterburg: Aleteyya. (in Russ.)
16. *Khristianstvo* [Christianity]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' v 3-kh t. T. 1*. Moskva: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, 1993. (in Russ.)
17. Kozhevnikov, N.N. and Danilova, V.S., 2016. The world coordinate system on the basis of limit dynamic equilibriums. *European Journal of Philosophical Research*, Vol. 5, no. 1, pp. 18-26.

REFERENCE

ЗАМЕТКИ О ПОСТСТРУКТУРАЛИСТСКОМ АНАЛИЗЕ КИНО

Кино обязывает смотреть, а не мыслить. Однако, мыслить необходимо, потому что человек не может оставаться без смысла. Специфика мыслить кино связана с преодолением нескольких трудностей: кино является перцептивным объектом, опытом мгновения, временем слишком быстрых перцепций, кино есть опыт становления единым смыслом того, что имеет поддержку не в разуме, а в жизненном мире живущего, интерпретация кино – принципиально открытый процесс как в прошлое, так и в будущее, истолкование опирается не на трансценденцию, а на опыт имманентного – миф, предание, легенду, воображаемое. Однако, единство мгновений перцепции обретает единство и смысл только в мысли. Современную культуру называют визуальной, поэтому все более тонкое прочтение элементов знаково-символической сети – кино, фотографии, рекламы, видео-арта включает зрителя в психосоциальную среду, которая доставляет удовольствие чтения, принуждает расшифровывать знаки, конструировать смысл. Попытки мыслить кино пока еще остаются фрагментарными, распределенными между разными науками – антропологией, семантикой, историей, философией, однако только в осмыслении совершается то, что мы называем смыслом, единством увиденного и помысленного.

Ключевые слова: кино, прочтение, культурный смысл, философия, восприятие кино

Notes on the post-structuralist analysis of cinema. LIDIYA I. KIRSANOVA (Vladivostok State University of Economics and Service)

Modern culture is called visual, so the increasingly sophisticated interpretation of cinema, photography, advertising, video art involves the viewer into a psycho-social environment that reading, forces him to decipher signs and to construct meanings. The article is devoted to possible interpretations of cinema within post-structuralist methodology. The specifics of understanding cinema involves the overcoming of several difficulties: cinema is a perceptual object, the experience of a moment, the time of too fast perceptions. The interpretation of cinema is a process open to the past and to the future, based not on transcendence, but on the experience of the immanent: myth, legend, the imaginary.

Keywords: cinema, reading, cultural sense, philosophy, perception of cinema

Композиционность феномена кино всегда предполагает, с одной стороны, определенного рода синтез всех его содержательных смысловых единиц, а, с другой стороны, постструктуралистский анализ константных для всего кинематографического мотива. В этой связи могут быть упомянуты

образы или феномены безумия, двойственности, телесности, женского и др.

Женское функционирует в области чувственности на более фрагментарном уровне, чем мужчина и женщина, оно не противостоит мужскому как оппозиция, но, напротив, обнаруживает пункты

* КИРСАНОВА Лидия Игнатьевна, доктор философских наук, профессор кафедры философии и юридической психологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

E-mail: kirsanovalidiya@rambler.ru

© Кирсанова Л.И., 2017

перехода между ними. Женское или, как определял его Ф. Гваттари, становление женщиной различно к своему субстрату – природе мужчины и женщины [3, с. 12-13]. Женское находит «свое» в среде детскости, гомосексуальности, в проявлениях трансвестизма, в среде художественного и эстетического авангарда, в «агентах» эстрадных шоу и т.п.

На уровне состояния сознания и сенсорности женское вовлечено в иные формы становления, отклоняющиеся от фаллоцентризма, утратившего свою чувственность, а потому всегда оказывается немного на периферии, на краю психологической, моральной и социальной нормативности, зачастую сказываясь «больным» – невротическим, психотическим, шизоидным. Объектом внимания современного кинематографа оказываются «пограничные» состояния сознания (М. де Вон «В моей коже», К. Брейя «Романс», «Сцены интимной жизни», М. Хайнеке «Пианистка» и др.), т.е. те организации либидо, которые позволяют ускользнуть от власти репрессивного социума, которые расцениваются как средство спасения наряду с алкоголем, наркотиками, галлюциногенами и т.п.

Женское подвергалось меньшим репрессиям в культуре со стороны чувственности, более свободно выступало через социальные коды в своих претензиях на сентиментальность, являлось хранительницей становления сексуального тела. Однако женское нельзя путать с женщиной, как она выступает в семье, в паре, в среде сородичей. Напротив, настаивание на априори женственности может привести женщину к разрыву с семьей, социумом, более того – разрыву внутри нее самой – невротическому, шизоидному.

Не следует также искать «женское» только в кино, которое снимают женщины или героиней которых является женщина, женское отыскивается и у мужчин-гетеросексуалов, особенно у тех, кто объявляет своей темой любовь, эту вечную тему искусства. Любовь относится к числу таких крупных и неопределенных понятий как и женское, включает не только гетеросексуальные и гомосексуальные составляющие, но и садо-мазохистские (Р.В. Фасбиндер «Марта» и др.), трансвестийные (П. Альмадовер «Все о моей матери») любовные истории идиотов (Ларс фон Триер «Идиоты», Ли Чан-Дон «Оазис») и др. Современное кино является дорогостоящей исследовательской лабораторией, которая буквально «изучает» то, что можно назвать микрофизикой женского (К. Брейя «Сцены интимной жизни»).

Двойственность содержания современного кино, обратившегося к картинам болезни созна-

ния (интерес к «расчлененному» телу себя исчерпал в американских боевиках), заключается в том, что благодаря ему обыватель-интеллектуал получает доступ к созерцанию того, чем он в какие-то мгновения жизни или в каких-то состояниях сознания (опьянения, например) себя знает, т.е. получает возможность выступления в свое «человеческое слишком человеческое» (Ф. Ницше). С другой стороны, эстетическое, всегда работающее на преувеличении, испытывает границу сознания и безумия, т.е. усиливает симптом, добываясь сочувствия, сопереживания и иных форм бессознательного примыкания. Искусство кино, оставаясь формой возвышенного, эксплуатирует идею катарсиса – ощущения с помощью страстей, пытаясь восстановить инстинктивную силу чувств, присущих человеку, в которых он нуждается для сохранения в себе человеческого. Чтобы сохранить жизнь, нужно не только мыслить, но и страдать. Однако кино преобразует чистую чувственность в предьявляемую чувственность, т.е. формирует позицию наблюдателя, отчужденного от своих собственных переживаний, тем самым реализуя схему психоаналитика. Провоцируя сверх-чувственность посредством эстетических и художественных эффектов (цвет, звук, музыка, крупный план, монтаж и др.), кино возвращает субъекту его знакомое как воспоминание, как память, как вытесненное непереносимое переживание, т.е. вменяет зрителю схему клиента. Этот тезис можно усилить: зритель сам «в себе» себе – клиент, а будучи приобщенным к символу, зрительному образу, является «для себя» психоаналитиком [5].

Еще одно замечание, касающееся современного кино, заключается в том, что оно опирается на дискурс тела, т.е. такую реальность, которая приобретается через вкус, прикосновение, слух, зрение, обоняние, всю целостность сенсорного тела. Крупный план кинематографа гипертрофирует конечные, проводящие точки этих ощущений – нос, глаза, уши, кожу и др. Не стоит усилий вспомнить кричащий рот, расширенные глаза, поры кожи, т.е. поверхности тела, усиленные «техническим» глазом кинокамеры. «Вооруженный» взгляд оператора, преувеличивающий каждую из точек поверхности тела, выводит созерцателя на до-лингвистический уровень, к тем значениям, смыслам, которые «не воспитаны» речью, не прошли путь рационального и культурного приручения [4, с. 201-203]. Однако, оставаясь искусством, формой культуры, кино обладает способностью не только возбуждать чувственный опыт или апеллировать к нему как к возможному прошлому, но

и уравнивать его в символическом созерцании посредством визуальных, аудиальных и др. образов, т.е. части того смутного, неуловимого, того, что мы называем мгновением жизни, символ конституирует и закрепляет как достоверное и распознаваемое. Кино напоминает психоаналитическую песочницу, в которой закопаны всякие непонятные вещи – обрывки воспоминаний, смутные образы, неуловимые запахи, шорохи и звуки, а на поверхности движутся вполне знакомые и распознаваемые фигурки – лица, сюжет, музыкальная фраза и т.п., все те символы, благодаря которым за этим хаосом бессознательного можно наблюдать, созерцать, анализировать, а в случае необходимости – контролировать.

Кино, как и культура в целом, создают предохранительный клапан для иррациональных импульсов, которые иначе были бы губительны для человека. С помощью кино обретает воплощение блестящая нарциссическая иллюзия: современный человек восхищается, получает удовольствие от тех гадостей, которые он делает (садирует, перверсирует, фетишизируется и проч.) воплощает свои самые мерзкие фантазии, дает разгул своему воображаемому (Ф. Озон «Крысятник», «Криминальные любовники» и др.), но сохраняет достаточную степень контроля посредством эстетической формы (символы – звуковые и зрительные образы взаимно уравнивают друг друга, гармонизируя чувственность, сохраняя условия для целостности и смысла). Именно в этом пункте, в случаях хорошего кино, природа человеческой чувственности – неодолимая, брутальная, устрашающая наталкивается на препятствие – необходимость быть эстетической формой. Неконтролируемые формы чувственности вызывают чувство страха, а инстинкт самосохранения ведет к их символизации, в том числе – посредством кинематографа. В символе запечатлены не знания человека, не логосы вещей, а опыт, который ведет от одного человека к другому, накапливается,

отсекает чрезмерное, придает значения и не дает погибнуть. Хорошее кино – это тайна найденного символического синтеза, превращающего страхи в выражение лица на экране (И. Бергман «Персона»). Именно это позволяет рассматривать кино как научение опыту видеть и понимать мир, других людей и самого себя [1; 2].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт Р. Камера lucida. Комментарий к фотографии. М.: Ad Marginem, Москва, 1997.
2. Барт Р. Фото-шоки // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 61-64.
3. Делез Ж. Кино. Кино 1. Образ – движение. Кино 2. Образ – время. М.: Ad Marginem, 2004.
4. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента, Наука, 1999.
5. Юберсфельд А. Из книги «Читать театр». Введение // Как всегда – об авангарде: Антология французского театрального авангарда. М.: ТПФ «Союзтеарт», 1992. С. 190-196.

REFERENCES

1. Bart, R., 1997. Kamera lucida. Kommentarii k fotografii [Camera lucida: reflections on photography]. Moskva: Ad Marginem. (in Russ.)
2. Bart, R., 1989. Foto-shoki [Photo-shocks]. In: Bart, R., 1989. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika. Moskva: Progress, pp. 61-64. (in Russ.)
3. Deleuze, G., 2004. Kino. Kino 1. Obraz – dvizhenie. Kino 2. Obraz – vremya [Cinema 1: Movement – Image. Cinema 2: Time – Image]. Moskva: Ad Marginem. (in Russ.)
4. Merleau-Ponty, M., 1999. Fenomenologiya vospriyatiya [Phenomenology of perception]. Sankt-Peterburg: Yuventa, Nauka. (in Russ.)
5. Yubersfeld, A., 1992. Iz knigi «Chitat' teatr». Vvedenie [From the book “To read the theater”. Introduction]. In: Kak vseгда – ob avangarde: Antologiya frantsuzskogo teatral'nogo avangarda. Moskva: TPF «Soyuzteart», pp. 190-196. (in Russ.)

